

№ 2, Том 8
2017

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Современные
глобальные изменения
в мире и России**

**/ «Территория» и «сеть»
основные формы существования
глобального социума**

/ Семья «уходит в офис»

**/ Депрофессионализация
специалистов
обрела катастрофические
масштабы**

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ, главный научный сотрудник Института социологии РАН;

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление» Института менеджмента и бизнеса Опорного Тюменского индустриального университета;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН;

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета (Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела социологии образования Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН;

КОСЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН;

КРУММ Райнхардт – доктор философии, профессор Регенсбургского университета (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, Первый проректор и заведующий кафедрой социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, Почётный работник высшего профессионального образования РФ;

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия)

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – академик КАОН, профессор, вице-президент Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, декан факультета социологии СПбГУ;

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия));

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь факультета экономических наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой теории и истории социологии факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Академии наук Монголии, профессор, директор Монгольской Академии управления (Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)

Members of the Board:

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia)

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Marketing and Municipal Administration, Institute of Management and Business, Tyumen Industrial University (Russia)

KIVINEN Markku, Professor of Sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Finland)

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)

KOSEŁA Krzysztof, Professor of the Institute of Sociology, University of Warsaw (Poland)

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Chief Researcher, Head of the Department for the Analyzes Social and Political Processes of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) Professor of the University of Regensburg (Germany)

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Center for the Study of Social and Cultural Changes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Vice-Rector for Educational Activity, Head of the Department of Sociology, Kazan (Volga region) Federal University

MITROVIĆ Ljubilьa, Professor, Director of the Institute of Sociology, the University of Nis (Serbia)

MORGAN John W., Ph.D., Professor of the University of Nottingham (UK)

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology, the Siberian Federal University (Russia)

LI Peilin, Full Academician, Professor, Vice-President of the Chinese Academy of Social Sciences (China)

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian Studies, Shanghai Academy of Social Sciences (China)

POKROVSKY Nikita E., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics (Russia)

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg University (Russia)

TAMASH Pal, Professor, Academician of the Hungarian Academy of Engineering Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

TIKHONOVA Natalia Ye., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Chief Researcher of the Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia)

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Theoretical Studies and History of Sociology, Sociological Faculty, Russian State University for the Humanities, Editor in Chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia)

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии РАН, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ-ВШЭ;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – старший редактор Редакционно-издательского отдела Института социологии РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления Института социологии РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН, вице-президент Европейской социологической ассоциации (ESA);

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов Центра методологии социологических исследований Института социологии РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

ЗУБОК Ю. А. – доктор социологических наук; профессор, заведующая отделом социологии молодёжи Института социально-политических исследований РАН;

КЛЮЧАРЕВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки Института социологии РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

Editorial Board**Editor in Chief:**

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Rresearch;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Современные глобальные изменения в мире и России»	12
<i>Яницкий О. Н.</i> Четвёртая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации	12
<i>Красин Ю. А.</i> Соотношение «общественного порядка» и «развития»	35
<i>Коренькова М. М.</i> Современные тенденции развития рынка семейных услуг. Анализ русского и зарубежного опыта	52
Социальные процессы в регионах России.....	71
<i>Волков Ю. Г., Бинева Н. К., Посухова О. Ю., Сериков А. В.</i> Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса	71
<i>Силин А. Н., Ковальжина Л. С.</i> Здоровый образ жизни в Тюменском регионе	96
Ценности и их носители	108
<i>Дивисенко К. С.</i> Горнее и дольнее в системе ценностей верующих: результаты апробации методики.....	108
<i>Шавырина И. В., Демененко И. А.</i> Ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи	128
Профессионалы в современных условиях.....	140
<i>Тихонова Н. Е.</i> Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика	140

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	9
The Theme of the Issue: “Modern Global Shifts in the World and in Russia”	12
<i>Yanitsky O. N.</i> The Fourth Technological Revolution and Deep Shifts in Globalization Processes	12
<i>Krasin Y. A.</i> The Proportions of “Civil Order” and “Development”	35
<i>Korenkova M. M.</i> Modern Tendencies for the Development of the Family Services Market. Analyzing Russian and Foreign Practices	52
Social Processes in Russian Regions	71
<i>Volkov Y. G., Bineeva N. C., Posukhova O. Yu., Serikov A. V.</i> The Social Attitudes and Adaptation Practices of People Living in Rostov Province Within the Context of Everyday Russian Life During Crisis	71
<i>Silin A. N., Koval`zhina L. S.</i> Healthy Lifestyle in the Tyumen Region	96
Values and Their Carriers.....	108
<i>Divisenko K. S.</i> Divine and Terrestrial in the Value System of Religious People: The Results of Method Testing	108
<i>Shavyrina I. V., Demenenko I. A.</i> Values and Motivational Orientations of Student’s Youth.....	128
Professionals in Modern Situation.....	140
<i>Tikhonova N. E.</i> Human Capital of Professionals and Managers: The Condition and Dynamic	140

И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»

Представляю номер

Тема номера «Современные глобальные изменения в мире и России» впервые появляется в журнале¹. Но, видимо, пришло время серьёзно заняться текущими глобальными проблемами. Скорее всего, именно поэтому в данном выпуске «сошлись» три статьи, рассматривающие весьма разнообразные темы: от тех, которые сказываются на жизнедеятельности всех людей в мире, до конкретной области жизнедеятельности общества – воспитания детей в семье.

О. Н. Яницкий (Москва) в статье «Четвёртая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации» констатирует, что, несмотря на различия в уровнях развития и продвижения по пути модернизации, всё человечество включено в глобальное киберпространство, возникшее в результате Четвёртой промышленной революции (ИТР-4). Это пространство является новой стадией промышленного производства и социального воспроизводства и одновременно средой обитания социальных агентов, реализующих социальные и политические процессы. Другой стороной этого интеграционного процесса, как утверждает автор, является превращение планеты в суперсложную социобиотехническую систему, обладающую собственными законами развития. В статье рассматриваются изменения в структуре и процессах глобализации-модернизации под влиянием ИТР-4, выявляются её ключевые драйверы и игроки, анализируются проблемы соотношения сетевой и территориальной организации социума в новых условиях, критические состояния агентов и их сообществ, возникающие в результате названных перемен.

Глобальные изменения происходят и в политической сфере, причём на концептуальном уровне, чему посвящена статья Ю. А. Красина (Москва) «Соотношение «общественного порядка» и «развития». С зарождением сетевой структуриза-

¹ О глобализации и её последствиях была лишь одна публикация Клаудии фон Верльхоф «Глобализация и неолиберализм: существует ли альтернатива разграблению земли?», размещённая в рубрике «Дискуссионная трибуна» в выпуске 3(14) 2015 г.

ции социума возникает потребность в таком порядке, который, гарантируя стабильность общественной жизни, оснащён механизмом регулирования взаимодействия разнообразных частных интересов, что требует органического единства государственного управления и общественного самоуправления. Автор утверждает, что в силу социокультурной специфики России целостность страны и общественный порядок обеспечиваются наличием сильной централизованной государственности, что затрудняет развёртывание демократического общественного самоуправления. В этой связи ставится вопрос: возможна ли эволюционная демократизация сложившейся в России модели власти в процессе её адаптации к нарождающейся практике сетевых связей и взаимодействий? Этот круг вопросов и рассматривается в статье.

Наконец, статья [М. М. Кореньковой](#) (Нижний Новгород) [«Современные тенденции развития рынка семейных услуг. Анализ русского и зарубежного опыта»](#) посвящена вопросу появления рынка услуг, заменяющих или дополняющих функции, традиционно выполнявшиеся семьёй. Автор показывает, что к формированию рынка семейных услуг как за рубежом, так и в России, приводит мотивация родителей к передаче функций по воспитанию и уходу за детьми внешним экспертам, а также доступность ресурсов в виде коммерческих предложений самого разнообразного свойства. Автор предпринимает попытку выявить те изменения в рынке услуг, которые ведут к коммерциализации семейных функций и переходе традиционных родительских практик к внешним экспертам.

В нашей традиционной рубрике [«Социальные процессы в регионах России»](#)¹ представлены материалы о Ростовской и Тюменской областях. Коллектив авторов из Ростова-на-Дону [Ю. Г. Волков](#), [Н. К. Бинеева](#), [О. Ю. Посухова](#) и [А. В. Сериков](#) уже практически в мониторинговом режиме в статье [«Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса»](#) анализируют современные социальные процессы, разворачивающиеся в регионе. Авторы на основе анализа социальных настроений жителей Ростовской области в условиях кризиса 2016 г. рассматривают основные адаптационные практики, выявляют гендерный аспект и региональную специфику в проявлениях социальных настроений и адаптационных практик.

Статья [А. Н. Силина](#) и [Л. С. Ковальжиной](#) (Тюмень) [«Здоровый образ жизни в Тюменском регионе»](#) представляет результаты социологического исследования здорового образа жизни по оценкам школьников и их родителей. Рассмотрены особенности ведения здорового образа жизни (ЗОЖ), различные

¹ См.: выпуски 1(8) за 2014; 1(16) и 3(18) за 2016 г.

подходы в определении термина «здоровье», проведён обзор групп факторов, влияющих на состояние здоровья. Проведён анализ понимания респондентами содержания понятия «здоровый образ жизни» в сравнении с группой респондентов, его придерживающихся.

Следующая рубрика [«Ценности и их носители»](#) содержит две статьи, в которых рассматриваются ценности, носителями которых являются абсолютно различные, но одинаково значимые социальные группы – верующие и студенты. В статье [К. С. Дивисенко](#) (Санкт-Петербург) [«Горнее и должнее в системе ценностей верующих: результаты апробации методики»](#) представлен краткий обзор эмпирических исследований ценностной сферы верующих, а также методик, ориентированных на анализ различных компонентов религиозного сознания и поведения. Проведённое автором исследование на двух группах верующих, относящих себя к православию и протестантизму, показало высокий уровень значимости христианских ценностей и относительно низкое значение мирских.

[И. В. Шавырина](#) и [И. А. Демененко](#) (Белгород) в статье [«Ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи»](#) рассматривают проблему формирования названных ориентиров у студенческой молодёжи, объясняющих определённую направленность, мировоззрение и социальную активность представителей этой группы. Авторами поставлена научная проблема, заключающаяся в несоответствии ожиданий и реалий, формирующихся в сознании молодых людей в процессе обучения в вузе.

В рубрике [«Профессионалы в современных условиях»](#) мы не впервые обращаемся к анализу проблем, связанных с этой социальной группой¹. В данном случае [Н. Е. Тихонова](#) (Москва) в статье [«Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика»](#) обращается к одной из самых насущных тем. Именно от человеческого потенциала профессионалов во многом будет зависеть не только качество, но и само направление процесса модернизации в современной России. В центре внимания автора вопросы о том, каково качество человеческого капитала российских профессионалов и руководителей, насколько последние неоднородны в этом отношении и какую роль играет человеческий капитал в дифференциации российских работников вообще и профессионалов и руководителей в частности.

¹ См. № 5, 2012.

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н ы е глобальные изменения в мире и России

Четвёртая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации

Яницкий Олег Николаевич –
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Четвёртая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452

Аннотация. Опираясь на исследования в области глобализации в мировой и отечественной социологии, на изучение динамики модернизации в СССР, России и за рубежом, а также на собственные многолетние исследования в области социальных последствий научно-технической революции, социальной экологии и теории риска, автор пришёл к следующим выводам. Сегодня отдельные агенты глобального социума находятся на разных стадиях глобализации и модернизации, однако все они так или иначе включены в глобальное киберпространство, возникшее в результате Четвёртой промышленной революции (НТР-4). Это пространство одновременно является новой стадией промышленного производства, социального воспроизводства и средой обитания социальных агентов, населяющих планету. Другой стороной этого интеграционного процесса является превращение планеты в суперсложную социобиотехническую систему, обладающую собственными законами развития. В статье рассматриваются и оцениваются текущие и ожидаемые изменения в структуре и процессах глобализации-модернизации под влиянием НТР-4, выявляются её ключевые драйверы и игроки, анализируется проблема соотношения сетевой и территориальной организации социума в новых условиях, критические состояния агентов и их сообществ, возникающие в результате названных перемен. Акцентируются роль и формы метаболических процессов как ключевого фактора, интегрирующего отдельные элементы глобальной суперсистемы. Исследуются функции бюрократических структур в новой глобальной ситуации, новые формы глобальных угроз и рисков («гибридная война», точечные и рассеянные хакерские атаки и др.). Отмечается критическое отставание структуры и функций существующих социальных институтов от характера и темпоритмов происходящих перемен. Статья заканчивается кратким перечнем задач, стоящих перед науками, изучающими эту новую интегрированную социально-технологическую реальность. Наиболее актуальными из них являются: формирование киберпространства и удвоение социальной реальности, метаболические процессы, развитие методов социальной интерпретации новой реальности, отставание социальных институтов и методов принятия решений от ускоряющейся реальности и феномен «междисциплинарности» повседневной жизни.

Ключевые слова: агент, глобализация, институты, киберпространство, междисциплинарность, метаболизм, риск, сеть, социобиотехническая система, социум, среда обитания, территория

Полвека назад под влиянием развития кибернетики и новых технологий проблема их социальных последствий была одной из приоритетных в советской социологии [Ахиезер, Коган, Яницкий 1969; Яницкий 1972]. Этот интерес продолжался примерно десять лет. Последующие 20 лет в связи с распадом СССР основное внимание исследователей было приковано к его социальным и политическим последствиям и осмыслению формирования в РФ капиталистического общества. Хотя работы, посвящённые унифицирующему характеру современной глобализации время от времени появлялись [Гаджиев 1993; Покровский 1995]. Векторы развития англо-саксонского мира и РФ были в этот период разнонаправленными. Если в первом формировались научные и инженерные основы новой технологической революции, то в РФ шёл сложный процесс адаптации к капиталистическому способу производства, точнее, к первой фазе капиталистического накопления.

Однако в первом десятилетии XX в. интерес западных и российских социологов и политологов к глобальной проблематике возобновился. В англо-саксонской социологии делался акцент на универсализирующих и унифицирующих её трендах, на растущей индивидуализации западного общества и происходящих изменениях в институтах труда, образования, переподготовки медицинского обслуживания и т. д. [Бауман 2002, 2004, 2008]. Однако торжество либеральной модели универсальности оказалось исторически кратковременным. Дискуссия по поводу благ и бедствий, порождаемых глобализацией, и новых цивилизационных размежеваний лишь обострилась [Иноземцев 2010; Железняков 2008]. Сегодня социальное пространство жизни любого социального всё менее совпадает с его территориальной локализацией [Корнеев и др. 2008]. Возникают совершенно новые проблемы, например, превращение ребёнка из объекта классно-урочного воспитания и образования в социального агента, с ранних лет включённого в социальные сети [Bühler-Neiderberger 2010].

Глобализация трактовалась как «объективный процесс, в ходе которого складываются общие для всех стран и народов основы нового этапа эволюции человеческой цивилизации» [Россия в глобальных... 2008: 4]. В частности, делается вывод, что «главный вызов глобализации перед Россией – идеологический» [Оганисьян 2008: 194]. Интернационализация социологии неизбежна, но она не сводима к унификации национальных школ и точек зрения [Здравомыслов 2008]. Другие выводы были не менее существенны: глобализация неизбежна и неустраима, её социально-функциональной основой являются всеохватывающие информационные сети, социально-экономическое расслоение общества не снижается, угроза терроризма и ядерной войны возрастает, дегуманизация общества и личности продолжается. Глобализация автома-

тически не устраняет социальные противоречия и неравенства. Напротив, она их обостряет; актуализируется проблема «глобального насилия» [Степанова 2010; Системный мониторинг... 2012; Покровский 2005]. Проблема национальной безопасности выходит на первый план [Михайленок 2008]. Хотя большинство российских исследователей признают, что глобализация по большей части является продуктом научно-технического развития, проблема её прямой связи с технологическими новшествами всё ещё не изучена. Вопросы критических состояний городов и сообществ, возникших как результат интенсивного использования новых информационных технологий, трансформации среды обитания человечества в сверхсложную социобиотехническую систему [Yanitsky 2014; Яницкий 2016], только обозначены, но не разработаны. Используя марксистскую терминологию, можно утверждать, что мир стоит на пороге не просто технологической революции, как полагает К. Шваб [Шваб 2017], но на рубеже формирования нового способа производства, включая кардинальные изменения в поведении социальных агентов любого ранга и их среды обитания. Сегодня вопросы информационной безопасности становятся ключевым аспектом государственной политики. Особо отмечу принципиальную постановку вопроса российских военных теоретиков: «мобилизация умов» на основе сотрудничества МИД и РАН РФ [Гареев 2017].

Технологические инновации и социальные изменения

В реальной жизни процессы взаимодействия разных отраслей знания и практики нарастают. Однако, несмотря на постоянно звучащие призывы к более тесному взаимодействию социальных, естественных и технических наук, внутри самого института науки этого не происходит. И тому, на мой взгляд, есть несколько фундаментальных причин. Во-первых, существующие сегодня институциональные структуры науки и образования и их инструментарий гораздо более консервативны, чем постоянно возникающие технологические (в самом широком смысле слова) инновации в различных областях знания, обучения и практики. Моя гипотеза причин этого отставания: внутренняя сетевая структура отдельных социальных институтов гораздо более интегрирована, нежели ad hoc возникающие сетевые структуры и процессы под воздействием экономических, политических и социальных факторов конкурентной борьбы. Во-вторых, существующие социальные институты *консервативны по своей природе*, поскольку они создавались в эпоху ещё относительно стабильного социума, для функционирования которого требовались общепринятые

Мир стоит не просто на пороге технологической революции, но на рубеже формирования нового способа производства, включая кардинальные изменения в поведении социальных агентов любого ранга и их среды обитания.

В реальной жизни процессы взаимодействия разных отраслей знания и практики нарастают. Однако, несмотря на постоянно звучащие призывы к более тесному взаимодействию социальных, естественных и технических наук, внутри самого института науки этого не происходит.

правила и нормы (некоторые «реперные точки» и референтные узлы), действовавшие в течение десятилетий и даже столетий. Примером тому может служить существующая система международных организаций. Однако именно вследствие её консервативности реальные процессы обмена инновациями и достижения договоренностей всё чаще происходят в рамках международных политических и экономических форумов. Одним из примеров является экономический форум в Давосе. Сегодня темпо-ритмы технологических и социальных перемен настолько высоки, что подобные «реперные точки» становятся препятствием на пути социальных и технологических перемен. Характерно, что в блестящей работе Дж. Урри [Urry 2008] о всеобщей мобильности в современную эпоху не нашлось места углублённому анализу происходящих институциональных трансформаций. В-третьих, современная социологическая теория не слишком любит анализировать различные «бумеранг-эффекты», о которых ещё более 25 лет назад писал У. Бек [Beck 1992]. То есть речь идёт о непредвиденных или неожиданных отрицательных эффектах технологических и социальных инноваций. Или же социологическая теория и социальная практика просто их игнорирует, полагая, что кто-то когда-то займётся их утилизацией. Принцип «закопать, чтобы не было видно», всё ещё очень силен в современной экономической и политической жизни, потому что он экономит время и ресурсы сегодня, сейчас. В-четвёртых, это желание (или пренебрежение) – объективный феномен, вызванный ускоряющимися темпами технологических и изменений и вызванных ими социальных перемен, на которые общество в целом или его отдельные агенты вынуждены реагировать немедленно, или они потерпят поражение в конкурентной борьбе. Для чего быстро изобретаются и вводятся в практику временные договорённости и соглашения. Поэтому принцип «сейчас или никогда» приобретает поистине судьбоносное значение. В-пятых, что, пожалуй, самое важное: сегодня *бюрократия* (управленческие структуры самого разного уровня и назначения) является одной из сфер общественного производства, приносящей её членам всё больший доход. Эти агенты бюрократических структур зарабатывают немалые состояния посредством производства всё новых законов, должностных инструкций, временных правил и т. д. Не говоря уже о том, что бюрократическая система является во всем мире одной из наиболее коррумпированных сфер общественного производства, обладающих развитым инструментарием делания прибыли «из воздуха», посредством откатов, взяток, завышения стоимости производимых работ и услуг, «корпоративных тендеров» и т. д. В-шестых, получается, что стабильные некогда социальные институты постепенно вытесняются *«технологиями быстрого реагирования»* на столь же быстрые глобальные

изменения. Наконец, как названные выше изменения отразятся (или уже отражаются) на структурно-функциональной организации общества и, соответственно, на социологической теории как таковой? Например, уже давно очевидно, что существующая сегодня классно-урочная система образовательного процесса в средней школе не соответствует ни характеру, ни темпам обозначенных выше перемен. К. Шваб отмечает консерватизм системы университетского образования: «сегодня университеты, руководствуясь карьерными соображениями и условиями финансирования, предпочитают поэтапные консервативные исследования смелым инновационным программам» [Шваб 2017: 35]. В-седьмых, города являются узлами (и противоречиями) социальной активности, поэтому любой градостроительный процесс, начиная с проекта и кончая его практической реализацией, есть комплексный междисциплинарный процесс высшей сложности. Принципиальным моментом здесь является то обстоятельство, что «градостроительная скорлупа» (здания, дороги, инфраструктурные и информационные сети) остаются неизменными, тогда как их социальное назначение может быстро изменяться. Тем не менее, его лидером и драйвером практической реализации является «девелопер», то есть лицо, преследующее, прежде всего, своекорыстные интересы. Поэтому девелопер мало озабочен сохранением или реабилитацией прежней среды обитания, что породило в Европе с середины 1980-х гг. массовый феномен общественного участия как реакцию на этот своекорыстный интерес [Deelstra, Yanitsky 1991].

Драйверы глобализации. Риски «тотальной технологизации». Интегральный характер перемен

В своей концептуальной работе К. Шваб утверждает, что «все новые достижения имеют одну общую особенность: они эффективно используют *всепроникающую силу* цифровых и информационных технологий. Все инновации... обеспечиваются и совершенствуются за счёт *вычислительной мощности*». Далее этот автор утверждает, что для выявления мегатрендов и раскрытия широкого спектра технологических драйверов четвёртой промышленной революции наиболее важны четыре связанных и взаимно использующих преимущества друг друга блока: физический, цифровой и биологический (курсив мой – О. Ян.) [Шваб 2017: 27].

Во-первых, глобализация – не просто всепроникающий процесс. Это процесс, ведомый цифровыми и информационными технологиями, есть также и *унифицирующий процесс*, в котором медленно, но неуклонно нивелируются цивили-

Глобализация – не просто всепроникающий процесс. Это процесс, ведомый цифровыми и информационными технологиями, есть также и *унифицирующий процесс*, в котором медленно, но неуклонно нивелируются цивилизационные и культурные различия.

лизационные и культурные различия. Разве современный Китай сопоставим с эпохой Дэн Сяопина и, тем более, с эпохой Мао? Как показал наш китаист Л. Васильев, в Китае цивилизации менялись исторически много раз. Однако в последнее десятилетие Китай всё более движется в русле англо-саксонской цивилизации, хотя и сохраняя при этом черты как коммунистического режима, так и основы своих более древних цивилизаций.

Во-вторых, глобализация есть всеохватывающий процесс, он развивается во всех средах: водной, наземной, воздушной, космической и виртуальной. Последнюю среду всё чаще именуют киберпространством, потому что оно есть не только всепроникающее, но и всеохватывающее пространство. Замечу, что жизнедеятельность человека и его институций в нём намного сложнее, чем в материальном пространстве. Во всяком случае, жизни в нём надо специально обучать, особенно в переходный период от частичной к тотальной виртуализации.

В-третьих, как показали У. Бек, Э. Гидденс и Дж. Урри, процесс современной глобализации потенциально рискогенен именно потому, что она насильственно унифицирует национальную и культурную специфику независимо от желания людей или местных сообществ. И это, по сути, иная форма насилия. Речь идёт не столько о физическом принуждении или уничтожении, сколько об отключении людей и целых сообществ от благ кибернетической цивилизации.

В-четвёртых, как показали те же авторы, это – не просто «где-то там риски», а риски *всепроникающие* и *всеохватывающие*, от которых никто и нигде не застрахован! Значит, на Земле в принципе не осталось безопасных мест – есть только места более или менее безопасные, и число последних медленно сокращается. То есть об абсолютных укрытиях или абсолютной безопасности речь уже не идёт потому что, *вся наша планета пронизана сетями* – информационными, ресурсными, логистическими и, конечно, криминальными. А также – потоками людей (рабочей силы, беженцами вынужденными переселенцами), вещества и энергии и т. д. К сожалению, мои российские и зарубежные коллеги, редко склонные к анализу данных других наук, проглядели исследование экономистов мирового класса под эгидой Глобального экономического форума в 2015–16 гг. В нём эмпирически было показано, насколько наш мир не только опутан этими сетями, но что они – его кровеносные сосуды. Можно сказать, что в этом тезисе нет ничего нового, так как во все времена человек и природа подвергались опасностям. Проблема здесь в скорости и незаметности информационного воздействия, а также в том, что на «пересечении» этих сетей возникают социальные конфликты и локальные войны.

Процесс современной глобализации потенциально рискогенен именно потому, что она насильственно унифицирует национальную и культурную специфику независимо от желания людей или местных сообществ. И это, по сути, иная форма насилия.

На Земле в принципе не осталось безопасных мест – есть только места более или менее безопасные, и число последних медленно сокращается.

В-пятых, человечество издревле училось предсказывать и купировать риски. Однако сегодня риск – это не только угроза аварии или катастрофы, о чём написано множество работ [см., например, Dowty and Allen 2010]. Современные риски – это *производство гигантских масс энергии распада* в самой разной форме (беженцы, вынужденные переселенцы, болезни и гибель людей, разрушенные города и местные сообщества); производство, которое способно также хаотизировать жизнь других стран и целых континентов.

Разве в конце 1980-х гг. М. С. Горбачёв с его идеей «общеевропейского Дома» мог предположить, что этот «Дом» сегодня будет подвергнут риску распада? Во всяком случае, структурные и функциональные перемены в нём уже начались. К сожалению, хаотизация в любом этнически конфликтном регионе выгодна ЕС или НАТО.

В-шестых, кто же сейчас в глобальном киберпространстве активный субъект, актор? Только ли США, НАТО? Или крупнейшие мировые экономические стейкхолдеры и военно-политические объединения? Оказывается, далеко не только! Как показало специальное исследование проблемы «приватности» в ЕС, её практически больше не существует: в любой момент она может быть взломана индивидуальными или коллективными хакерами. Просто такой взлом – это ещё одна форма всепроникающего риска. Плюс, как свидетельствуют террористические атаки во Франции, Бельгии и Германии, возник (в массовом масштабе) феномен «силы слабости», когда террорист-одиночка может нанести сокрушительный удар, сравнимый по масштабам с Чернобылем или Фукусимой-1.

В-седьмых, социологам придётся как-то соотносить свои надежды на преодоление несправедливости и неравенства с возвращением на политическую сцену *грубой социальной силы*, называемой «людским потоком», что и происходило два последних года в ЕС. А ведь и этот феномен был предсказан более 30-ти лет назад российским социологом Б. А. Грушиным [Грушин 1967]. *Грубая социальная сила – это забытая нашими либералами форма социального движения*. Время массовых социальных движений возвращается; они повсюду – в Африке, на Ближнем Востоке, в Европе и далее по списку. Их развитие всегда проходит две фазы: мобилизации и институционализации.

В-восьмых, З. Бауман справедливо заметил, что глобализация разделила мир на супермобильных богатых и иммобильных бедных, вынужденных всю жизнь быть привязанными к одному месту [Bauman 2001, 2004]. И это отнюдь не цивилизационное размежевание, а разделение, созданное крупным капиталом и выгодное ему. Да, более полувека назад Г. Мюрдаль ввёл понятие «культуры бедности». Но это – не цивилизационный признак, а образ жизни париев общества и способ их выживания.

Современные риски – это *производство гигантских масс энергии распада* в самой разной форме (беженцы, вынужденные переселенцы, болезни и гибель людей, разрушенные города и местные сообщества); производство, которое способно также хаотизировать жизнь других стран и целых континентов.

К сожалению, хаотизация в любом этнически конфликтном регионе выгодна ЕС или НАТО.

Грубая социальная сила – это забытая нашими либералами форма социального движения. Время массовых социальных движений возвращается; они повсюду – в Африке, на Ближнем Востоке, в Европе и т. д.

Глобализация разделила мир на супермобильных богатых и иммобильных бедных, вынужденных всю жизнь быть привязанными к одному месту.

В-девярых, в каком же «новом бравом мире» мы теперь живём? К сожалению, привычное для социологов и других гуманитариев разделение на *природу* и *общество* более не отвечает процессам пространственно-временного сжатия и интеграции всех происходящих на Земле процессов. *Мы теперь живём в социобиотехносфере* (в СБТ-системе) [Яницкий 2016], её законы нами ещё не изучены. Но каким образом в СБТ-системе скреплены или взаимодействуют природные, социальные и технические сущности? Посредством метаболических процессов, когда эти качественно разные сущности не только «взаимодействуют», но и изменяют друг друга [Fisher-Kowalski, Haberl 2007].

В-десярых, в мире *ширятся зоны критических состояний*. Если речь идёт о многонациональном городе (как, например, Алеппо или Мосул), то сжатие в нём столь велико, что все этнокультурные различия стираются: одни люди только выживают, другие – наживаются, третьи – воюют. Да, возможны временные соглашения, но это именно *негативные риск-солидарности*. Но и эти узлы борьбы ТНК и местных интересов нами пока тоже не изучены. Если посмотреть шире, то речь идёт именно о «*правом повороте*», а не о *цивилизационном размежевании*. Вообще, и политики, и социологи забыли о фундаментальном ценностном принципе ТНК – верх всегда берет меркантильный интерес и грубая сила. Так что надежды на победу «протестантской этики» можно забыть.

В-одиннадцатых, капитал, как сто и двести лет назад, озабочен только прибылью, а различие между интересами ТНК и национальных капиталов имеют преходящий характер.

В-двенадцатых, любые «цветные революции» – это лишь инструмент достижения экономических целей, *ТНК вообще не нужны никакие стабильные территориальные образования*. Им нужны мобильные силовые группы (частные армии, спецназ), которые можно быстро перебросить в любую точку мира.

Киберпространство как благо и источник всеобщего риска

Терминология в этой новой сфере общественного бытия ещё не устоялась. Поэтому здесь и ниже я буду использовать термин «киберпространство», хотя в социологии и других науках употребляются такие обозначения объекта нашего теоретического интереса, как виртуальная (облачная) среда, цифровое, информационное или социально-информационное пространство, тотальная (всеохватывающая) система коммуникаций и многие другие. Такой разнородной вполне естествен, так как значение социально-информационных процессов одновременно осознавалось как техническими, так и есте-

Все этнокультурные различия стираются: одни люди только выживают, другие – наживаются, третьи – воюют. Да, возможны временные соглашения, но это именно негативные риск-солидарности.

Любые «цветные революции» – это лишь инструмент достижения экономических целей, ТНК вообще не нужны никакие стабильные территориальные образования.

ственными и социальными науками. Более того, перекрёстное заимствование терминов и понятий обогащало самые разные области науки и практики, одновременно способствуя их более тесному взаимодействию. Как справедливо заметил когда-то Нобелевский лауреат акад. П. Л. Капица, в развитии теории иногда экспериментатор важнее, чем сам теоретик, поскольку первый способен «соединять несоединимое». Позже сходную мысль высказывал и У. Бек. Поэтому, с моей точки зрения, практика – не только критерий истины, но и важнейший инструмент познания. В частности потому, что она показывает исследователю механизмы взаимодействия разнокачественных потоков и сущностей.

Киберпространство – это новая среда обитания человека и общества. Его сущность в том, что любой социальный агент потенциально в него включён, часто независимо от его воли и сознания. То есть теоретически киберпространство – это среда, подобная водной, воздушной, биологической и иной средам. Она – всеохватывающая и всепроникающая среда обитания, из которой социальный агент не имеет возможности просто «выйти». Далее, киберпространство, подобно природному или социальному пространству, не просто инертная, привлекательная или опасная среда обитания. *Это – новая и мощная глобальная система общественного производства.* Человек, используя природные, интеллектуальные и социальные ресурсы, сам её конструирует, строит, воспроизводит, совершенствует и защищает. Киберпространство сложнее, чем «привычная» среда обитания в частности потому, что это – новая среда обитания, которую человек всё время конструирует и развивает, одновременно обучаясь в ней жить и работать. В ходе своей эволюции человечество двигалось не только вширь, но и «вглубь» предмета своего интереса, постепенно осознавая, что в конечном счёте *информационные процессы являются универсальной субстанцией его бытия*, причём процессы, идущие на микро-, мезо- и макроуровнях любой общественной системы. Более того, в качестве гипотезы могу высказать предположение, что именно информационные процессы являются одним из созданных природой (а затем и человеком) «мостов» между качественно различными средами его бытия. И, соответственно, «мостом» для междисциплинарного взаимодействия и взаимопонимания.

Как и другие среды обитания человека, киберпространство есть одновременно мощный ресурс развития общества и тотальный риск его разрушения. Как и всякая инновация, открытие или изобретение, киберпространство «двуслойно». Создавая новые технологические и социальные возможности, объединяя людей и их сообщества, оно в то же время порождает новые опасности и риски. И, следовательно, влечёт за собой формирование новых институций и инструментов чело-

Практика – не только критерий истины, но и важнейший инструмент познания. В частности потому, что она показывает исследователю механизмы взаимодействия разнокачественных потоков и сущностей.

Киберпространство, подобно природному или социальному пространству, не просто инертная, привлекательная или опасная среда обитания. Это – новая и мощная глобальная система общественного производства.

веческой активности. За последние 7–10 лет хакерство, кибератаки из отдельных, из ряда вон выходящих случаев *стали нормой социальной жизни!* А они в свою очередь дали импульс развитию новой сферы общественного производства: кибербезопасности. Одновременно появились кибервойска, множество служб киберзащиты, детей и взрослых стали учить, как вести себя в этой новой среде обитания и т. п. Возник глобальный рынок киберконкуренции и борьбы за первенство на этом поле. Наконец, в недалёком будущем глобальному сообществу и его агентам грозит ещё одна кардинальная перемена: всеобщий переход на «дигитальный» язык (*digital language*). «Всеобщий» понимается здесь как касающийся всех сфер человеческой деятельности и, следовательно, влекущий за собой формирование новой, «цифровой» культуры общества. Как будет социально и психологически влиять «оцифрованная» культура прошлого на человека, пока непонятно.

Теперь – о рисках Четвёртой промышленной революции. Они отличаются от рисков предшествующих революций не только технологически, но и иной демографической и социальной ситуацией. Всеохватывающее и всепроникающее киберпространство *сжимает наш социум*, ликвидируя «мягкие прокладки» между макро- и микросоциальными агентами в виде времени и пространства. Сегодня то, что произошло на одном конце планеты, воздействует на сознание и поведение людей в других её частях. Плотность постоянно растущего народонаселения и ограниченность ресурсов жизнеобеспечения лишь повышают вероятность возникновения конфликтов. Далее, возникшие в разных концах планеты *критические ситуации*, понимаемые мною как совокупность длительных и практически до конца неразрешимых конфликтов [Yanitsky 2014], не только «отзываются» в других частях планетарного социума, но и надолго консервируются. В результате общая неустойчивость и конфликтогенность этого социума возрастает. А в структурном плане критические ситуации, становясь всё более многоаспектными, влияют на международный порядок и разделение труда. Возникает новая отрасль социологии, занимающаяся институциональными структурами и поведенческими стереотипами в этом всеохватывающем и быстроизменяющемся социальном пространстве. Быстрое распространение информационных технологий способствовало развитию «гибридных войн» как вширь, так и вглубь. Для этих войн понятия границы, фронта и тыла практически несущественны. Параллельно с хакерскими атаками на промышленные, банковские и управленческие структуры возник феномен «бытового» терроризма (название условное). Его формы самые разнообразные: звонки, ложная тревога, угрозы письменные или по телефону, распространение в сети порочащей вас информации и т. д. Это – точечная, дистанционная

В недалёком будущем глобальному сообществу и его агентам грозит кардинальная перемена: всеобщий переход на «дигитальный» язык. «Всеобщий» – значит касающийся всех сфер человеческой деятельности и влекущий за собой формирование новой, «цифровой» культуры общества.

Всеохватывающее и всепроникающее киберпространство сжимает наш социум, ликвидируя «мягкие прокладки» между макро- и микросоциальными агентами в виде времени и пространства. Сегодня то, что произошло на одном конце планеты, воздействует на сознание и поведение людей в других её частях.

и рассеянная форма терроризма и потому самая труднопреодолимая. Её аналог в войнах прошлого – это «беспокоящий огонь». Кстати, бесконечная череда «горячих новостей» (breaking news) по телевизору или в личном смартфоне тоже есть фактор, усиливающий психологическую напряжённость индивида и рассеивающий его внимание. Наконец, насколько человечество будет зависеть от этих новых форм рисков и угроз? Если говорить в целом, то чем дальше, тем в большей степени. А ситуация отдельных индивидов и групп будет, как и сегодня, зависеть от их же материального положения и социального статуса.

Социальное и политическое значение узлов противоречий

В политическом дискурсе обычно разделяют и противопоставляют эти две формы организации социума. И в этом есть не только исторический факт, но и политический резон. Действительно, территориальная организация есть наиболее древняя форма организации общественной жизни. Но и в давние времена малые сообщества и целые народы перемещались по планете, люди прокладывали пути, по ним шли караваны, и т. д. Огрубляя, можно утверждать, что сегодня «территория» и «сеть» – две основные формы существования глобального социума. «Территория» – прежде всего государства, а «сеть» – не только их разнообразные связи, но и быстро развивающиеся надгосударственные структуры и институции. Но, как было уже отмечено, и те, и другие зависят от структуры и функций формирующегося киберпространства.

Основой и *несущим каркасом этого пространства являются сети*: информационные, ресурсные, товарные, социальные и иные. Собственно говоря, структурная сущность процессов глобализации состоит в её сетевом характере. И чем теснее государство или другая территориальная система интегрированы в эту глобальную сеть, тем, в принципе, сильнее и успешнее они будут. Пока речь идёт только о структуре связей, но не об их содержательном наполнении (целях, задачах, характере коммуникации и т. д.). В наше время основным ресурсом, циркулирующим в этих сетях, является информация. Произведённое на её основе знание обслуживает и направляет деятельность различных структурных элементов глобального социума. Чем более это знание обогащается воздействием на него разных агентов (через диалог, диспут, конфронтацию и т. п.), тем более в нём заинтересованы все участники процесса глобализации. Именно поэтому доступ к этому знанию является полем борьбы различных политических и социальных сил.

Сегодня «территория» и «сеть» – две основные формы существования глобального социума. «Территория» – прежде всего государства, а «сеть» – не только их разнообразные связи, но и быстро развивающиеся надгосударственные структуры и институции. Но и те, и другие зависят от структуры и функций формирующегося киберпространства.

В наше время основным ресурсом, циркулирующим в сетях, является информация. Произведённое на её основе знание обслуживает и направляет деятельность различных структурных элементов глобального социума. Именно поэтому доступ к этому знанию является полем борьбы различных политических и социальных сил.

Одним из важнейших результатов процесса глобализации является феномен всеобщей унификации глобального социума – от индивидуальных поведенческих стереотипов до международных институтов, вырабатывающих общие правила игры. Но есть и прямо противоположный тренд: сохранение политэкономической, социальной и культурной специфики государств и иных территориально-локализованных образований. До сих пор разнообразие природы и общества рассматривалось как важнейшая предпосылка его устойчивости (sustainability). Каким образом будет поддерживаться эта устойчивость в случае «окончательной победы» тренда всеобщей унификации – вопрос открытый. Я никоим образом не отрицаю необходимости специфически настроенных и организованных территориальных систем. Вопрос в том, как в новых условиях всякое территориальное «особенное» может сосуществовать с глобальным «всеобщим»? Это – не философский вопрос, это вопрос способа функционального взаимодействия между этими двумя типами систем. Попробуем разобраться.

Что лежит в основе жизнедеятельности любого организма, безразлично – человека или глобального сообщества? Те же мириады сетей обмена веществом, энергией и информацией. С этой точки зрения любой природный или социальный организм есть гигантский «обменник»! Но только ли «обменник»? Нет, обмен (знаниями, людьми, ресурсами или информацией) есть лишь одна сторона этого процесса. Другая, не менее важная, это происходящие в результате такого взаимодействия трансформации. *Они в естественнонаучной литературе получили название метаболизма, в общественных науках – соответственно, социального метаболизма.* Обменные процессы лишь одна сторона экономического, политического или иного взаимодействия. Другая, содержательная и самая важная сторона – это именно метаболические процессы, которые приводят к качественным и количественным трансформациям организма и его среды. Одни социальные организмы могут получать новые ресурсы для своего поддержания и развития, другие – подавляться, третьи – постепенно деградировать или разрушаться совсем, выделяя энергию распада, и т. д. Однако, так или иначе, все социальные организмы существуют, сохраняются и выживают только благодаря сетям обмена информацией и ресурсами. Подобные контакты всегда избирательны (целенаправленны). Для обсуждаемой нами проблемы – это принципиальный пункт.

Вот, например, функционирование системы образования. Всё, что постепенно накапливается в ней, затем отбирается, анализируется учёными и практиками, превращаясь, в конечном счёте, в новые учебные программы. Они потом апробируются в школе, корректируются, совершен-

ствуются и становятся основой учебного процесса. Позже этот цикл повторяется снова и снова. Это – круговорот в системе «знания-практика».

Однако сам термин «среда» трактуется обычно как нечто данное, неизменное. *В действительности понятия «агент» и «среда его обитания» относительны.* Среда тоже состоит из совокупности агентов, организмов и «инертных структур» (например, строений, дорог, коммуникаций и т. д.). Но и «инертные структуры» не вечны – их надо постоянно поддерживать, ремонтировать, обновлять. Здесь действует общее правило: всякая среда обитания есть совокупность подвижных и инертных структур, каждая из которых имеет свою «несущую способность» (иначе – *годность, запас прочности*). Если она превышена или просто нарушена, то эта среда из условия существования некоторого агента превращается в совокупность активных сил, способных повредить или разрушить жизнь на гораздо более обширной территории, чем то, что было первоначально обозначено как зона действия данной категории агентов (например, сложившийся природный ландшафт, город или космическое пространство).

Более того, происходящие на планете интеграционные процессы под воздействием киберпространства заставляют нас пересматривать складывавшиеся веками представления и научные понятия. Например, вплоть до недавнего времени для огромного числа естественных и общественных наук разделение мира жизни на природную и социальную сферы было привычным. В частности, это парадигматическое разделение зафиксировано в мировой социологии [Catton, Dunlap 1978]. Однако всё более полное и всестороннее освоение ресурсов планеты, включая околоземное и космическое пространство, интенсивное развитие инженерных и биотехнологий и, конечно, охват планеты всепроникающим киберпространством фактически превратили её в сверхсложную социобиотехническую систему (СБТ-систему). Эта система не только живёт по собственным законам, которые ещё далеко не познаны, но и оказывает *обратное воздействие* на отдельные процессы, системы и общности, существующие на Земле [Яницкий 2016]. Изменение климата планеты под её воздействием – наглядный тому пример. То есть, СБТ-система стала новой средой обитания всего живого на Земле.

О необходимости изменения институциональной структуры

В принципе, в такой постановке вопроса нет ничего нового. Исторически каждая смена способа общественного производства приводила к изменению институциональных струк-

Происходящие на планете интеграционные процессы под воздействием киберпространства заставляют нас пересматривать складывавшиеся веками представления и научные понятия.

тур или к их адаптации к новым условиям. Соответственно, содержание таких базовых понятий как вера, доверие и справедливость тоже менялось. Современная эволюция института семьи есть наиболее яркий тому пример. Ребёнок уже не рассматривается как объект воздействия взрослых, он теперь трактуется как полноценный социальный агент. Значит, такие институты ранней социализации, как семья и школа, тоже претерпевают изменения [Bühler-Neiderberger 2010].

Даже если СБТ-система ещё только формируется, должен быть и институт, регулирующий этот процесс. Это означает, что сегодня социальные институты должны уже не столько фиксировать status quo, сколько предсказывать динамику и возможные формы изменений. То есть, в отличие от «стабильных» институтов прошлых веков, институты эпохи НТР-4 должны быть более гибкими, чтобы направлять динамику глобального социума в относительно безопасном направлении.

Формирование СБТ-системы и глобального киберпространства ставит несколько фундаментальных проблем. Однако является ли глобальное сообщество действительно социальной общностью? На мой взгляд, да, является, хотя как единство, полное противоречий и конфликтов. Существующие международные институты, созданные в середине прошлого века, уже не справляются с этой конфликтной общностью. В частности, именно поэтому послевоенный мир периодически сотрясается локальными войнами. Глобальная политическая практика пытается смягчить растущую международную напряжённость путём перманентных переговоров, в ходе которых состав и полномочия их участников постоянно меняются. Получила широкое распространение практика временных соглашений (прекращение огня, временное перемирие, гуманитарные паузы, создание «дорожных карт»).

В каком направлении должна изменяться институциональная структура общества? У науки пока нет ответа. Более того, нет пока такого международного междисциплинарного коллектива, который мог бы взяться за решение этого комплекса вопросов. Сегодня каждый из глобальных и региональных агентов формирует свою «повестку», исходя из собственных интересов и целей. Если для России сегодня актуальна задача создания идеологии модернизации и развития социальных институтов, стимулирующих этот процесс, то для многих стран Африки и Ближнего Востока стоит задача восстановления их базовых социальных институтов с целью преодоления социального хаоса. Но, учитывая растущую мощь средств массового поражения, которой сегодня уже обладают многие государства мира, их согласие относительно «управления» этим новым глобальным организмом абсолютно необходимо.

Сегодня социальные институты должны уже не столько фиксировать status quo, сколько предсказывать динамику и возможные формы изменений. То есть, в отличие от «стабильных» институтов прошлых веков, институты эпохи НТР-4 должны быть более гибкими, чтобы направлять динамику глобального социума в относительно безопасном направлении.

Далее в комплексе вопросов идёт проблема *сетевых институциональных систем* и характер их взаимодействий с территориальными институтами. Пока что эти сети рассматривались только как структурный элемент функционирования государств, корпораций и других глобальных институциональных образований. Однако сегодня транснациональные компании и информационно-коммуникационные магнаты начинают диктовать свои правила игры отдельным участникам процесса глобализации. Резко интенсифицировались хакерские атаки, борьба компроматов и ложных сообщений (дезинформации). У. Бек ввёл понятие «космополитических сообществ», которые могут существовать только как сетевые системы [Beck 1992]. Исследования, проведённые в 2007–16 гг. Мировым экономическим форумом, подтвердили факт существования таких глобальных сетевых институтов [The Global Risks... 2015].

Затем – проблема трансформации самих *территориальных институтов* и, в первую очередь, государств и принципов их административно-территориального деления. Деление государственных структур на совокупность институтов федерального, регионального и местного значения зависит от степени вовлечения данного государства в глобальные процессы. А также – от фазы его модернизации. Как я уже отмечал ранее, в период 1920–30-х гг. в СССР приходилось импортировать не только технические новинки Запада, но и целые заводы, чтобы быстро догнать индустриально развитые страны. А восстановительный период после Великой Отечественной войны 1941–45 гг. был выполнен своими силами. Замечу, что в советский период межрегиональным производственным, социальным и культурным связям придавалось большое значение. Однако пока РФ не преодолет «ресурсную парадигму» своего развития, надеяться на скорое развитие местной промышленности и восстановление межрегиональных производственных и иных связей не приходится.

Следующий вопрос – о *темпо-ритмах институциональных систем* любого масштаба. Сказанное выше означает, что структурно-функциональная динамика социальных институтов любого масштаба всё более отстаёт от структурно-функциональной динамики глобальных перемен. Поэтому одна сторона проблемы заключается в том, что ускоряющийся темп этой динамики принуждает лидеров страны к принятию мобилизационной идеологии, что обычно сопровождается быстрыми решениями, исключающими возможность диалога и самоорганизации. Значит ли это, что ускоряющаяся динамика подталкивает мир к авторитарной и даже тоталитарной форме правления? Другая сторона проблемы состоит в том, что стабильность властных структур, обладающих правом генерирования массы подзаконных актов, инструкций и временных правил, есть источник обогащения бюрократии и усиления

её властных полномочий. Так или иначе, вопрос о том, как совместить демократию с непрерывно ускоряющейся глобальной динамикой, остаётся пока открытым.

Наконец, в решении проблемы сопряжённой динамики «глобализация – социальные институты» мы находимся в самом начале пути. Пока не ясно, каков характер связей, выявленных в данной серии глобальных исследований, они односторонние или многосторонние, равноправные или нет. При этом в одном случае это могут быть информационные связи, в другом – потоки природных ресурсов, в третьем – миграционные потоки и т. д. И каков суммарный результат? Необходимо принять во внимание, что выявленные в данный момент связи могут со временем измениться или прекратиться совсем. И, наконец, самый главный вопрос: кто те глобальные игроки, которые эти потоки переключают или перепрограммируют? Как показали исследования информационных потоков в медиа-пространстве, их главными регуляторами являются немногие игроки мирового масштаба [Arsenault and Castells 2008]. Кибербезопасность – глобальная, региональная, государственная или личная – становится новой институциональной проблемой, имеющей много аспектов. Новый вид общественного производства должен быть институционально отрефлексирован и отрегулирован. Информация становится оружием, и его использование должно получить нормативную базу. Существующие понятия типа «принцип пропорциональности», «достаточности» или «киберответственности» должны быть адаптированы к новой ситуации. Далее, несомненно, потребуется внесение коррективов в образовательные и обучающие программы. Кибероружие позволяет нанести рассеянный удар, который может одновременно осуществляться из множества точек и наноситься «ковровым» методом. Разные государства реагируют по-разному на угрозу кибератак: одни загодя готовятся к ним, другие – вследствие неразвитости интернет-сетей просто не ощущают этой угрозы. Кибервойна – это новая форма гибридной войны. В Африке и на Ближнем Востоке эта война отягощена устрашающими «гибридами», соединяющими варварские методы насилия и владение современными информационными технологиями. Поэтому государства должны сотрудничать в сфере кибербезопасности на двустороннем и международном уровнях. Как и в предыдущих случаях, «переходный период» от одного способа производства к другому является наиболее рискованным.

Заключение: первоочередные задачи науки

В мировой литературе пока нет ни интегральной концепции глобализации, ни киберпространства. Их чисто «технологические» концепции недостаточны, поскольку исключают

Кибервойна – это новая форма гибридной войны. В Африке и на Ближнем Востоке эта война отягощена устрашающими «гибридами», соединяющими варварские методы насилия и владение современными информационными технологиями.

другие (социальные, политические) факторы процесса глобализации. Пока международное научное сообщество всё ещё находится в стадии поиска теоретико-методологических подходов. Значит, учёные разных специальностей должны выдвигать и тестировать гипотезы вышеназванных феноменов на международных площадках. Такая работа уже ведётся, в частности, Международным экономическим форумом, идёт слияние двух Международных советов ЮНЕСКО по естественным и общественным наукам и т. д.

Очевидно, что мир становится более сложным. Здесь одной из ключевых проблем является феномен «удвоения социальной реальности», то есть вопрос о соотношении и взаимодействии материальной и виртуальной сфер человеческого бытия. Другой такой проблемой стало соотношение глобальных и территориально-локализованных процессов, всеохватывающей сети и территории. Третьей – время, точнее, постоянное ускорение темпо-ритмов технологических и социальных процессов. Четвёртая проблема – это кибербезопасность на всех уровнях.

В условиях глобализации и формирования единого киберпространства, интегрирующего, а иногда и просто сшивающего информацию о качественно разных явлениях и процессах, недостаточность моно-дисциплинарного подхода очевидна. Теоретической основой преодоления этой новой ситуации является изучение *метаболических процессов*, включая процессы собственно социального метаболизма. Методической основой для междисциплинарного взаимодействия является *социальная интерпретация* данных естественных и технических наук. Организационно-практической её основой выступает *междисциплинарный проект*, предполагающий перманентное взаимодействие учёных и практиков разных специальностей.

В ситуации непрерывного ускорения социальных перемен само понятие социального института нуждается в пересмотре. Если ранее социальные институты являлись формой кристаллизации социальной практики, то сегодня, в ситуации ускоряющегося научно-технического прогресса социальная практика *опережает* как формирование этих институтов, так и социологическую теорию, их исследующую. В результате здесь и там возникают критические ситуации, для разрешения которых нет пока адекватного политического и социологического инструментария. Типологически непрерывным изменениям должен соответствовать их непрерывный и всеохватывающий мониторинг.

Когда социолог работает не дистанционно, а в «поле» («в гуще жизни», как говорил В. И. Вернадский), он не способен выделить какую-то специфически социологическую проблему. В «потоке» жизни все проблемы тесно переплетены и взаимозависимы. Это феномен «междисциплинарности

В условиях глобализации и формирования единого киберпространства недостаточность моно-дисциплинарного подхода очевидна. Теоретической основой преодоления этой ситуации является изучение *метаболических процессов*, включая процессы собственно социального метаболизма.

Типологически непрерывным изменениям должен соответствовать их непрерывный и всеохватывающий мониторинг.

повседневной жизни». В традиционном обществе для разрешения этой коллизии существовали верования и традиции. Если случилась засуха, надо было совершить молебен, организовать крестный ход и т. п. Однако в современном *рациональном* и быстро изменяющемся обществе люди вынуждены действовать *интуитивно*, опираясь на быструю оценку ситуации и прошлый опыт. У интуиции есть несомненный плюс – это быстрота реакции. Но есть и минус – риск ошибочного решения. И эта новая ситуация – ещё один вызов науке.

Библиографический список

Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. 1969. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. № 2. С. 43–53.

Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество. М.: Логос. 323 с.

Бауман З. 2004. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир. 188 с.

Бауман З. 2008. Текущая современность. М.: Питер. 239 с.

Гаджиев К. С. 1993. Размышления о конце евроцентристского мира и новой конфигурации политических сил. Часть II // Социологические исследования. № 6. С. 84–91.

Гареев М. 2017. Мобилизация умов // Военно-промышленный курьер. № 12. URL: <http://vpk-news.ru/articles/35876> [Дата посещения: 01.06.2017].

Горшков М. К. 2016. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). Изд. 2-ое. М.: Новый Хронограф. 416 с.

Грушин Б. А. 1967. Свободное время: актуальные проблемы. М.: Мысль. 175 с.

Железняков А. С. 2008. Цивилизационные пространства: проблемы глокализации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. Горшков М. К. М.: Институт социологии РАН. С. 297–315.

Здравомыслов А. 2010. Поле социологии в современном мире. М.: Логос. 408 с.

Иноземцев В. Л. 2005. Книгочей: библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М.: «Ладомир». 435 с.

Корнеев Н. Р., Мищенко А. С., Тихонов А. В., Травин И. И. 2008. Социокультурные трансформации в контексте социальных изменений // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. Горшков М. К. М.: Институт социологии РАН. С. 119–135.

Михайленок О. М. 2008. Россия в глобализирующемся мире: поиски координат // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. Горшков М. К. М.: Институт социологии РАН. С. 263–274.

Оганисян Ю. С. 2008. Россия перед вызовами глобализации: проблемы идентификации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. Горшков М. К. М.: Институт социологии РАН. С. 166–194.

Покровский Н. Е. 1995. Вифлеемские звезды «глобализации» // Социологические исследования. № 2. С. 88–97.

Покровский Н. Е. 2005. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта. С. 87–96.

Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. Горшков М. К. М.: Институт социологии РАН, 2008. 319 с.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Ред. Коротаев А. В., Зинькина А. С., Ходунов А. С. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 464 с.

Степанова Е. А. 2010. Глобальные тенденции в области одностороннего насилия против гражданского населения // Общественные науки и современность. № 6. С. 81–89.

Шваб К. 2017. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э». 208 с.

Яницкий О. Н. 1972. Социально-информационные процессы в обществе и урбанизация // Урбанизация, НТР и рабочий класс. М.: Наука. С. 76–96.

Яницкий О. Н. 2016. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 5–22.

Arsenault A. and Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. № 23 (4). P. 488–513.

Beck U. 1992. Risk Society. Toward a New Modernity. L.: SAGE. 260 p.

Bühler-Neiderberger D. 2010. Childhood Sociology in ten Countries: Outcomes and Future directions // Current Sociology. Vol. 58. № 2. P. 69–384.

Catton W. R. Jr., Dunlap R. E. 1978. Environmental Sociology: A New Paradigm // American Sociologist. Vol. 13. P. 41–49.

Deelstra T., Yanitsky O., eds. 1991. Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. Moscow: Mezhdunarudnye Otnosheniya. 393 p.

Dowty R. A., Allen B. L., eds. 2010. Dynamics of Disaster. Lessons on Risk, Response and Recovery. London, Washington, DC: Earthscan. 219 p.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. 2007. Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University. 263 p.

The Global Risks Report 2015. Geneva: World Economic Forum // World economic forum. URL: www.weforum.org/risks [Дата посещения: 13.04.2017].

Urry J. 2008. Mobilities. Cambridge: Polity Press. 275 p.

Yanitsky O. N. 2014. Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research. Vol. 2 (3). P. 112–118. URL: http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf [Дата посещения: 13.04.2017].

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452

The Fourth Technological Revolution and Deep Shifts in Globalization Processes

Yanitsky Oleg Nikolaevich

Doctor of Philosophy, Professor, Main researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. While relying on studies in the field of globalization both in worldwide and in Russian sociology, on examining the dynamic of modernization in the USSR, in Russia and abroad, as well as on many years of his own research in the field of social consequences of the technological revolution, social ecology and the theory of risk, the author comes to the following conclusions. Separate agents of global society are currently in different stages of globalization and modernization, however, each one of them is in one way or another integrated into global cyberspace, which emerged as a result of the Fourth Industrial Revolution (4IR). Said space is a new stage of manufacturing industry and social reproduction and at the same time a living environment for the social agents which inhabit the planet. On the other hand, this integration process is transforming the planet into a super-complicated socio-biotechnical system (SBT-system) which develops under its own rules. This article examines and evaluates the ongoing and expected changes in the structure and processes of globalization-modernization under the influence of the 4IR, while determining its key drivers and players, as well as analyzing such an issue as correlation between network and territorial organization of society given these new conditions, and the critical conditions of agents and their communities which emerge as a result of said changes. Accentuated are the role and the shapes of metabolic processes, the latter being a key factor which integrates separate elements of the global super-system. Examined are the functions of bureaucratic structures in this new global situation, as well as new forms of global threats and risks (“hybrid warfare”, precise and scattered attacks by hackers etc.). Noted is the critical underdevelopment of the structure and functions of existing social institutions compared to the nature and tempo-rhythm of the ongoing changes. The article ends with a short list of tasks faced by those scientific disciplines which study this new integrated socio-technological reality. The most relevant of these tasks are as follows: the formation of cyberspace and doubling social reality, metabolic processes, developing social interpretation methods for the new reality, social institutions and decision making methods falling behind this ever accelerating reality, and, finally, the phenomenon of “interdisciplinary” everyday life.

Keywords: agent, globalization, institutions, cyberspace, interdisciplinarity, metabolism, risk, the net, socio-biotechnical system, society, environment, territory.

References

Ahiezer A. S., Kogan L. B., Yanitzky O. N. Urbanizacija, obschestvo i nauchno-technicheskaja revoliucija [Urbanization, Society and Scientific and Technological Revolution]. *Voprosy filosofii*, 1969, no 2, pp. 43–53.

Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*, 2008, no 23 (4), pp. 488–513.

Bauman Z. Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obschestva [Globalization: The Human Consequences]. Moscow, Ves' Mir, 2004. 188 p.

Bauman Z. Individualizirovannoe obschestvo [The Individualized Society]. Moscow, Logos, 2002. 323 p.

Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Liquid Modernity]. Moscow, Piter, 2008. 239 p.

Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London, SAGE, 1992. 260 p.

Bühler-Neiderberger D. Childhood Sociology in ten Countries: Outcomes and Future directions. *Current Sociology*, 2010, Vol. 58, no 2, pp. 69–384.

Catton W. R., Dunlap R. E. Environmental Sociology: A New Paradigm. *American Sociologist*, 1978, Vol. 13, pp. 41–49.

Deelstra T., Yanitzky O., eds. Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. Moscow, Mezhdunarudnye Otnosheniya, 1991. 393 p.

Dowty R. A., Allen B. L., eds. Dynamics of Disaster. Lessons on Risk, Response and Recovery. London, Washington, DC, Earthscan, 2010. 219 p.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Wien, Klagenfurt University, 2007. 263 p.

Gadzhiev K. S. Razmyshlenija o konce evrocentristskogo mira i novoy konfiguracii politicheskikh sil [[Reflections on the End of the Eurocentrical World and the New Configuration of the geopolitical Forces] Part II. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1993, no 6, pp. 84–91.

Gareev M. Mobilizacija umov [Mobilization of minds]. *Voenno-promyshlenny courier*, 2017, no 12. URL: <http://vpk-news.ru/articles/35876> [date of visit: 01.06.2017].

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as it is (experience of sociological diagnostics)]. Second ed. Moscow, Novy Khronograf, 2016. 416 p.

Inozemcev V. L. Knigochey: biblioteka sovremennoy obschestvedcheskoy literatury v recenzijah [Knigochey: a Library of Modern Social Science Literature in Reviews]. Moscow, Ladomir, 2005. 435 p.

Korneev N. R., Mishhenko A. S., Tihonov A. V., Travin I. I. Sociokul'turnye transformacii v kontexte social'nyh izmeneniy [Sociocultural Transformations in the Context of Social Change]. *Rossija v global'nyh processah: poiski perspektivy*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., 2008, pp. 119–135.

Mihaylionok O. M. Rossija v globalizirujushchemsja mire: poiski koordinat [Russia in the Globalizing World: Finding Coordinates]. *Rossija v global'nyh processah: poiski perspektivy*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., 2008, pp. 263–274.

Oganisijan J. S. Rossija pered vyzovami globalizacii: problemy identifikacii [Russia Facing the Challenges of Globalization: problems of identification]. *Rossija v global'nyh processah: poiski perspektivy*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., 2008, pp. 166–194.

Pokrovsky N. E. Globalizacionnye processy i vozmozhny scenariy ih vozdeystvija na rossiyskoe obschestvo [Globalization Processes and a Possible Scenario of Their Impact on Russian Society]. *Social'nye transformacii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'ny analiz*. Moscow, Flinta, 2005, pp. 87–96.

Pokrovsky N. E. Vifleemskie zvezdy «globalizacii» [Vifileem's Stars of "Globalization"]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1995, no 2, pp. 88–97.

Rossija v global'nyh processah: poiski perspektivy [Russia in Global Processes: Finding Perspectives]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., 2008. 319 p.

Shvab K. Chetviortaja promyshlennaja revoliucija [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, E publ., 2017. 208 p.

Sistemny monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring 2011]. Ed. by A. V. Korotaev, A. S. Zinkina, A. S. Hodunov. Moscow, LKI, 2012. 464 p.

Stepanova E. A. Global'nye tendencii v oblasti odностороннего nasilija protiv grazhdanskogo naselenija [Global Trends in Unilateral Violence Against Civilians]. Obschestvennye nauki i sovremennost', 2010, no 6, pp. 81–89.

The Global Risks Report 2015. Geneva, World Economic Forum. World economic forum official website. URL: <http://www.weforum.org/risks> [date of visit: 13.04.2017].

Urry J. Mobilities. Cambridge, Polity Press, 2008. 275 p.

Yanitzky O. N. Sociology of Critical Areas. Open Journal of Social Science Research. 2014, Vol. 2 (3), pp. 112–118. URL: http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojsr/pub/ojsr_140963345.pdf [date of visit: 13.04.2017].

Yanitzky O. N. Social'no-informacionnye processy v obschestve i urbanizacija [Socio-information Processes in Society and Urbanization]. Urbanizacija, NTR i rabochiy class. Moscow, Nauka, 1972, pp. 76–96.

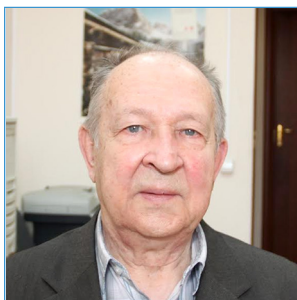
Yanitzky O. N. Sociobiotechnicheskie sistemy: novy vzgliad na vzaimodeystvie cheloveka i prirody [Sociobiotechnical Systems: A New Approach to Humanity-Nature Interaction]. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika, 2016, no 3, pp. 5–22.

Zdravomyslov A. Pole sociologii v sovremenном mire [The Field of Sociology in the Modern World]. Moscow, Logos, 2010. 408 p.

Zhelezniakov A. S. Civilizacionnye prostranstva: problemy globalizacii [Civilizational Spaces: Problems of Globalization]. Rossija v global'nykh processah: poiski perspektivy. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., 2008, pp. 297–315.

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н ы е глобальные изменения в мире и России

Соотношение «общественного порядка» и «развития»

Красин Юрий Андреевич –
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: krasinyua@yandex.ru

Соотношение «общественного порядка» и «развития»

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.453

Социум – не застывшая вулканическая лава, а живая совокупность общественных связей, в чём-то меняющаяся от поколения к поколению, от эпохи к эпохе и тем самым влияющая на общественный порядок.

Аннотация. Социуму присущи два атрибутивных принципа, обеспечивающих общественную жизнедеятельность: упорядочивающий и креативный. Между этими началами постоянно возникает противоречие, вынуждающее общество к поиску оптимальной меры их соотношения. С зарождением сетевой структуризации социума возникает потребность в таком порядке, который, гарантируя стабильность общественной жизни, оснащён механизмом регулирования взаимодействия разнообразных частных интересов, что требует органического единства государственного управления и общественного самоуправления. В силу социокультурной специфики России целостность страны и общественный порядок обеспечиваются наличием сильной централизованной государственности, что затрудняет развёртывание демократического общественного самоуправления. Возникает вопрос: возможна ли эволюционная демократизация сложившейся в России модели власти в процессе её адаптации к нарождающейся практике сетевых связей и взаимодействий?

Ключевые слова: общественный порядок, развитие, информационное общество, сетевые связи, государственное правление, общественное самоуправление

Всякому социуму присущ определённый порядок функционирования. Люди просто не могли бы существовать, не говоря уж об организации производства и различных видах человеческой деятельности (иногда очень сложных), если бы их взаимоотношения оставались хаотичными, неподдающимися регулированию. Эти взаимоотношения упорядочены в рамках обычаев и установок, аккумулирующих многовековой социальный опыт, в нравственных предписаниях и правовых нормах, в конституциях и законах, закрепляющих исторически сложившийся общественный порядок. Однако социум – не застывшая вулканическая лава, а живая совокупность общественных связей, в чём-то меняющаяся от поколения к поколению, от эпохи к эпохе и тем самым влияющая на общественный порядок.

Некоторые изменения предусматриваются самим общественным порядком. Они легитимны и не затрагивают его устоев и несущих конструкций. Другие изменения вторгаются в сферу «святая святых» общественного порядка и тре-

буют существенного реформирования общественных институтов и стандартов социального поведения. Иногда же – в эпохи крутых переломов и социальных революций – возникает потребность в столь глубоких переменах, что на повестку дня встаёт вопрос о смене одного общественного порядка принципиально другим. На этих крутых виражах на передний план выступает диалектика дискретности и исторической преемственности в развитии социума.

«Порядок» и «развитие» как теоретические концепты

Философский аспект проблемы соотношения порядка и развития был освещён Карлом Марксом в юношеском произведении – докторской диссертации о различии между натурфилософиями Демокрита и Эпикура. Первооснову мира оба философа видели в атомах, двигавшихся в пустоте. Для Демокрита порядок движения был строго определён: падение неукоснительно по прямой линии. В отличие от него Эпикур допускал отклонение атома от прямой линии, и эта «игра случая» в его истолковании имела принципиальное значение: если бы атомы не отклонялись, то не было бы их столкновений и встреч, а мир никогда бы не сформировался. Неукоснительность (ригидность) порядка блокирует развитие, а случайное отклонение прорывает «законы рока» и порождает плюрализм и вариативность истории природы и общества [Маркс 1956: 42–44]¹.

Новые горизонты для понимания методологических проблем соотношения общественного порядка и развития открылись в 80-е гг. прошлого столетия, когда с лёгкой руки И. Пригожина и его школы началось переосмысление феномена «хаоса» в развитии природы и общества. Было признано, что хаос присутствует не только у истоков того или иного процесса, а потом вытесняется или, во всяком случае, подавляется порядком, устанавливающим для всякого развития некую колею, в которой оно развёртывается по незыблемому ритуалу в соответствии с объективно детерминированными нормативами управления. Утвердились представления, согласно которым хаос как антипод порядка существует в социуме всегда и везде, представляя в нём беспокойное начало, вносящее в действительность черты многовариантности, альтернативности, неопределённости и случайности, порождая риски для субъектов социального действия: «И порядок, и беспоря-

¹ Вслед за Эпикуром, идею случайного уклонения подхватил Лукреций Кар, введя в философию понятие «клиномена», проявляющегося в качестве неведомо присущего природе творческого начала; если бы этого не было, «То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось, И ничего никогда породить не могла бы природа» [Лукреций Кар 1946: 85].

док являются неотъемлемыми составными частями и продуктами коррелированных эволюционных процессов [Пригожин, Стенгерс 2001: 52].

Предлагаемый выдающимися учёными синергетический подход исключает противопоставление *бытия* как «устойчивого порядка» *развитию* как фактору, разрушающему порядок. Напротив, «бытие и становление должны рассматриваться не как противоположности, противоречащие друг другу, а как два соотнесённых аспекта реальности» [Пригожин, Стенгерс 1986: 383]¹.

Особенно важен вытекающий отсюда вывод о том, что хаос порождает не только разрушительные (антагонистичные по отношению к порядку), но и созидательные, можно сказать, инновационные (противостоящие застою), следствия. «Мы должны отыскать узкую тропинку, затерявшуюся где-то между двумя концепциями, каждая из которых приводит к отчуждению: концепцией мира, управляемого законами, не оставляющими места для инновации и созидания, и концепцией, символизируемой Богом, играющим в кости, концепцией абсурдного, акаузального мира, в котором ничего нельзя понять» [Пригожин, Стенгерс 2001: 223].

Исследования естественных наук в последней четверти прошлого века внесли большой вклад в методологию изучения сложных систем. «Теперь в литературе, – пишет В. Василькова, – говорится не столько об устойчивости систем, сколько о *связи* устойчивости и неустойчивости в системе. Это вызвано тем, что исследователей интересуют не системы вообще, а *изменяющиеся системы*, в которых неустойчивость есть предпосылка изменения способа их поведения» [Василькова 1999: 146]².

Любая более или менее сложная общественная система, будучи средой, пронизанной элементами хаоса и неопределённости, приобретает свойства «самопроизводства», «самосозидания», «саморазвития» («аутопойезиса»), не укладываемые в ригидные нормы управленческих стандартов.

¹ Позднее авторы пришли к заключению, что такой взгляд подводит к концу «представления о классической рациональности, связывающей понимание с открытием детерминистских законов, с открытием бытия за рамками становления. ...Подобно самим фундаментальным классическим законам природы, динамический хаос есть продукт нашего изобретательного и требовательного диалога с природой» [Пригожин, Стенгерс 1986: 215–216]. Автор содержательной монографии по этой тематике В. В. Василькова справедливо замечает: «Социальный порядок в синергетике предстаёт как живой, развивающийся по законам самоорганизации, «дышащий», пульсирующий организм – *становящийся, но не ставший*» [Василькова 1999: 282].

² Автор отмечает, что сама концепция социального порядка под влиянием естественнонаучных открытий эволюционировала «от поисков констант и условий равновесного и устойчивого порядка к осознанию роли неравновесных, динамических факторов, служащих необходимым условием саморазвивающегося, эволюционирующего порядка – порядка как способа поддержания изменчивости социальных систем» [Василькова 1999: 133].

Понятие «аутопойезис» на биологической основе было сформулировано в начале 1970-х гг. чилийским учёным Умберто Матураной [Матурана, Варела 2001]. Затем применительно к социуму оно было теоретически обосновано немецким социологом Никласом Луманом. Истоки и логику организации и развития общественной системы, согласно теории аутопойезиса, следует искать не во внешних детерминантах, а в самовоспроизводящих механизмах и операциях самой системы¹. Аутопойетическая система операционально закрыта и автономна по отношению к окружающему миру. «Система является своим собственным производением» [Луман 2007: 115]².

Управление не в состоянии абстрагироваться от этой внутрисистемной неопределённости перманентного процесса воспроизводства системы. Успех и эффективность управления определяются тем, насколько оно в поиске адекватных структур и действий опирается на вырастающую из глубин самой системы разветвлённую сеть саморазвития и самоуправления. Этот вывод подтверждает значимость теории аутопойезиса для разработки современных представлений о социальном порядке, органически увязанных с инновационным типом развития.

От сложившегося порядка к развитию общества

Порядок в социуме обеспечивается институтами, обычаями, традициями, ритуалами, в которых аккумулирован социальный опыт многих поколений разнообразных человеческих общностей. Однако общественная жизнедеятельность не сводится к простому воспроизводству сложившегося порядка. История представляет собой развитие социума, которое происходит благодаря тому, что социальные акторы (родовые союзы и племена, народности, классы и социальные группы, государства и нации) в той или иной степени автономны по отношению к сложившемуся порядку. Автономия эта вырастает из

¹ «Аутопойетические системы, – пишет Н. Луман, – представляют собой такие системы, которые в сети своих элементов порождают не только свои структуры, но и сами элементы, из которых они состоят. ...Элементы – это информации, это различия, которые производят различие в системе. И поэтому они являются единицами применения для производства следующих единиц применения, для которых в окружающем мире системы не существует никакого соответствия. ...Благодаря выделению системы из того, что остается в качестве окружающего ее мира возникают внутренние игровые пространства свободы, поскольку детерминация системы ее окружающим миром теряет свою силу. ...Аутопойезис, в его правильном понимании, означает, прежде всего, порождение *внутрисистемной неопределенности*, которая может быть редуцирована лишь собственными структурными образованиями системы» [Луман 2004: 68–69].

² «Система ...не только создаёт свои собственные структуры, ...но является автономной также на уровне операций. Она не может импортировать операцию из окружающего мира...» [Луман 2007: 113].

подверженных изменениям интересов и идей, побуждающих их к отклоняющимся («клиноменным») действиям, не укладывающимся в матрицу существующего порядка. Между двумя началами общественной жизнедеятельности – упорядочивающим и креативным – всегда существует противоречие, вынуждающее все общества к постоянному поиску оптимальной для данных условий меры соотношения этих начал.

Так было и на предыдущих этапах истории, когда субъектность общественной деятельности структурировалась преимущественно по вертикали: логика жизненных интересов объединяла людей в большие институционально оформленные общности – классы, нации, государства, выступавшие субъектами исторического творчества. Их политическая деятельность обычно направлялась верхними эшелонами вертикали, представлявшими «универсальные» интересы от лица этих общностей. Развитие обеспечивалось либо гибкостью институтов, допускавших отклонения от установленного порядка (реформы), либо сменой самих институтов вследствие взрыва протестной энергии, накапливавшейся снизу и подрывавшей квазиуниверсальное основание легитимности этих институтов (социальная революция).

Специфика этой проблемы сегодня в том, что начавшаяся социетальная трансформация человеческой цивилизации (переход к информационному обществу) коренным образом меняет коммуникационную среду обитания, дифференцируя субъектность общественной жизнедеятельности и порождая потребность в её сетевой (горизонтальной) структуризации. В результате обнаруживается, что «универсальность» интересов крупных вертикально оформленных общностей весьма относительна. В действительности она формируется на плюралистической основе «трансверсальных» (частично перекрывающихся и частично расходящихся) частных интересов социальных групп, составляющих эти общности.

При вертикальной структуризации социальной субъектности различия интересов рассматриваются как тормоз консолидации социума, и общественный порядок предполагает их преодоление или ограничение во имя интересов целого. Напротив, в сетевой системе эти различия выдвигаются в центр общественного взаимодействия, расширяя тем самым субъектную базу социальной активности, вовлекая в политическую деятельность «низы» общества.

Возникает потребность в таком общественном порядке, который, гарантируя стабильность и безопасность общественной жизни, в то же время оснащён разветвлённым механизмом регулирования сетевого взаимодействия растущего многообразия индивидуальных и групповых интересов в непрерывном поиске универсальных начал конструктивной солидарности. Очевидно, что подобный механизм не может базироваться на

При вертикальной структуризации социальной субъектности различия интересов рассматриваются как тормоз консолидации социума, и общественный порядок предполагает их преодоление во имя интересов целого. В сетевой системе эти различия выдвигаются в центр общественного взаимодействия, расширяя субъектную базу социальной активности, вовлекая в политическую деятельность «низы» общества.

одном только государственном управлении. Развитие всё более плотной системы сетевых связей меняет конфигурацию властного пространства социума. Качественные перемены, происходящие в коммуникативной среде, в информационных технологиях, распространение социальных сетей привносят в него нечто новое: меняются масштабы властного пространства, функции, субъекты, способы и механизмы властвования.

В каком-то смысле всё более утончается и даже стирается грань между политическим *правлением* обществом и *управлением* происходящими в нём социально-экономическими процессами. Властное поле, с одной стороны, расширяется, а с другой – этим подрывается монополия государства на властное регулирование; само поле становится слишком обширным для выполнения этой функции только сверху, только по вертикали.

Нарастает потребность в органическом единстве государственного управления и общественного народного самоуправления при тесном взаимодействии государства и гражданского общества в осуществлении управленческих и властных функций. Быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности требует кардинальных социальных инноваций, соединяющих принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов.

Энергия общественной самодеятельности востребована сегодня самой динамикой системы властвования в изменяющемся социуме. Это своего рода адекватная политическая реакция на умножающиеся вызовы, неопределённости и риски непредсказуемо развивающейся реальности. В той мере, в какой гражданское общество и его структуры откликаются на эту потребность времени, они выходят за рамки традиционного положения партнёра-оппонента государства и берут на себя некоторую часть властных функций в расширяющемся властном поле. В массовом сознании укореняется мысль, что властная деятельность – отнюдь не удел избранных и вполне доступна всем гражданам. Люди начинают понимать, что в систему властвования могут и должны быть вмонтированы механизмы общественного контроля.

О мониторинговой демократии

Сдвиги в общественном сознании стимулировали новый социальный и политический опыт, нашедший выражение в концепции *мониторинговой демократии*, наиболее полно обоснованной английским политологом Джоном Кином [Keane 2009].

Нарастает потребность в органическом единстве государственного управления и общественного самоуправления при взаимодействии государства и гражданского общества в осуществлении управленческих и властных функций.

Согласно этой концепции за последние полвека во многих странах мира, благодаря самодеятельному творчеству граждан, возникла сеть низовых организаций наблюдения и контроля над деятельностью власти (power-monitoring and power-controlling devices). Институции и объединения гражданской сети накопили значительный социальный опыт применения различных способов мониторинга и контроля власти. Они берут на себя функции наблюдения за строгим исполнением властью норм права и интересов граждан (watch dogs), а также оказания помощи гражданам в их взаимоотношениях с властными инстанциями (guide dogs) [Keane 2009: XXVI–XXVII].

Цель мониторинговой активности не в том, чтобы «взять власть», а в том, чтобы вынудить действующую власть строго следовать установленному общественному порядку: соблюдать законы и неукоснительно выполнять «социальный контракт» с обществом. Представительная демократия сохраняется, но её «архитектоника» меняется. Мониторинговая сеть самодеятельных ячеек общества, подобно «липкой паутине» (sticky webs), обволакивает государственные институты и организации, лишая их бесконтрольной свободы действий. Происходит «приручение власти» (taming of power). Демократия становится «постоянным публичным сдерживанием власти». Система гражданского мониторинга, по мнению Д. Кина, позволяет «демократизировать идеал демократии», вдохнуть в неё новую жизнь, «обуздать высокомерие власти», привить ей культуру скромности и толерантности [Keane 2009: 848–872]¹.

Эмпирическую базу подтверждения и развития эта гипотетическая перспектива находит в сетевых социальных движениях (ССД).² Они выражают стремление к «трансформации властных отношений», к новой парадигме публичной политики, которая проявляется пока главным образом в открывающихся возможностях прямого выхода обыкновенных граждан на реальные политические плацдармы. В этих действиях можно усматривать эмбрион «имплицитной модели прямой демократии». В «сознании народов» зарождаются и вызревают «проекты новых акторов, утверждающих себя в качестве субъектов вновь творимой истории» [Castells 2012: 170, 228].

¹ «По сути, в современном обществе складывается по преимуществу сетевая система политических взаимодействий. Возникает вопрос: не нарождается ли в быстро развивающемся социуме какой-то новый тип политического правления, кардинально отличающийся от бытующих привычных представлений об институтах, нормах, структурах демократии и автократии? Возможно, в этом феномене возрождается практика прямой демократии, прямого влияния постоянно размышляющего общества на процессы принятия и исполнения политических решений; публичная рефлексия как бы задаёт тон политическому правлению, зримые очертания обретает более высокая форма народовластия» [Красин 2015: 292]. См. подробнее там же с. 289–302.

² Мануэль Кастельс, на протяжении многих лет изучающий эти движения, отмечает, что они «предлагают и практикуют прямую, делиберативную демократию, базирующуюся на сетевой демократии» [Castells 2012: 228].

В мире, где доминируют несправедливость и дегуманизация, эти проекты кажутся «утопией». Но, как подчеркивает М. Кастельс, эта утопия «вновь зажигает надежду на возможность другой жизни». Никто не может сказать, когда наступит час триумфа сетевых движений и настанет ли он вообще. Трансформация социума, направление которой пунктирно намечено практикой ССД, потребует целой исторической эпохи. Быть может, сама эта практика окажется лишь эпизодом грандиозного социетального переворота в освоении человечеством новых ценностей и смыслов, в продвижении по «неизведанной дороге создания новых форм общения», «фундаментальной культурной матрицы современных обществ», «поиска нового социального контракта» [Castells 2012: 197, 230–231].

«Утопия» политического правления нового типа не просто футурологическая иллюзия. Подобный общественный порядок востребован трендами экономического развития. Магистральное направление наметившегося «переформатирования» социума – переход человеческой цивилизации к инновационному типу развития (ИТР), главной движущей силой которого, в отличие от индустриального общества, где эту роль выполняют материальные производительные силы, становятся духовные факторы: знания, информация, интеллект, творчество.

Прорыв к ИТР предъявляет обществу «императивное» требование наиболее полного и всестороннего раскрытия креативного потенциала человека. Для решения этой объективно назревшей задачи необходим такой общественный порядок, который нацелен на глубокое реформирование жизненной среды и всей системы социализации личности на творческих началах гуманистического мировосприятия.

Вызревают контуры общественного порядка, при котором на передний план социально-экономического развития выходит развитие человека как «общественного индивида». Под давлением этой потребности происходит гигантское разрастание социальной сферы, системы институтов и практик раскрытия творческого потенциала человеческого капитала, включающего функции образования, здравоохранения, социального обеспечения, обустройства среды обитания, духовно-ценностного (научного, эстетического, гуманитарного) освоения мира. Наивно думать, что вся эта динамично развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности может быть упакована в привычные властные политические и государственные формы. Капитальное переустройство общественного порядка в этом направлении, позволяющем реализовать неисчерпаемые возможности ИТР, становится ключевой проблемой переживаемой человеческой цивилизацией эпохи начавшегося социетального переворота.

Пока общественное сознание человеческого сообщества больше тяготеет к прошлому, чем к будущему, и не адаптировалось к назревшей задаче «переформатирования» социума,

Магистральное направление наметившегося «переформатирования» социума – переход человеческой цивилизации к инновационному типу развития, главной движущей силой которого становятся духовные факторы: знания, информация, интеллект, творчество.

не удивительно, что наметившиеся возможности перераспределения властных функций между государством и обществом реализуются сравнительно медленно и отнюдь не повсеместно. Причины кроются в нынешнем состоянии государственных и гражданских институтов, в состоянии нашего сознания.

Переосмыслить место и роль политики

Современные государства (даже самые демократические) пока не социализированы в системе сетевых связей и функционируют в сфере властных отношений в прежней логике доминирования над обществом. В общественно-политической жизни пока преобладает стремление интегрировать гражданскую активность в систему государственного управления, провести своего рода «огосударствление» гражданских отношений и организаций. Государственная политика пронизана инерционностью вертикальных зависимостей. Для изменения положения, по-видимому, необходимо предварительно переосмыслить место и роль политики в общественном сознании и во всей жизнедеятельности социума. Накопленный на сегодняшний день опыт мониторинговой демократии и сетевых социальных движений свидетельствует, что процесс этот только начался. Скорее всего, новая конфигурация властной сферы потребует больших перемен в соотношении морали и политики. Вместо противопоставления политической *этики ответственности* нравственной *этике убеждения* (Макс Вебер) должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках метаидеологии нового гуманизма, устанавливающего более высокие стандарты и критерии свободы и креативности человека и социума.

Изменению конфигурации властного пространства не благоприятствует и состояние гражданского общества, в котором превалируют партикулярные, эгоцентричные и дивергентные тенденции. Понятно, что гражданское общество не может объединиться на какой-либо общей идеологической платформе. Это в принципе невозможно в силу необъятного многообразия частных интересов, образующих его основание и обуславливающих его гетерогенную природу. Тем не менее, перед лицом многочисленных вызовов, рисков и угроз современности гражданское общество накапливает опыт борьбы за *единство в многообразии* на идейно-нравственной платформе метаидеологии нового гуманизма, выражающей общечеловеческие интересы и ценности. Как носитель творческого самостоятельного начала в развитии социума гражданское общество таит в себе неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности – гражданского фундамента «исторических компромиссов», способных консолидировать глобальный «мир миров». Но пока львиная доля этих гражданских ресурсов не активизирована.

Современные государства (даже самые демократические) пока не социализированы в системе сетевых связей и функционируют в сфере властных отношений в прежней логике доминирования над обществом.

Наконец, реализация открывшихся возможностей перераспределения ролей и функций во властном пространстве затрудняется неразвитостью сложнейших механизмов взаимодействия индивидуального сознания множества людей, разделённых условиями бытия на тысячи и миллионы больших и малых ячеек земного социума, и общественного сознания, сублимированного из всей совокупности разнообразного опыта человечества, и потому многогранного, структурно многослойного, внутренне противоречивого.

В конечном счёте, коренной вопрос демократического устройства общества (справедливый общественный порядок) – это вопрос о том, как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия заложенных в нём способностей, с устройством социума, обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности.

Ещё Ж. Ж. Руссо бился над решением этой задачи [Руссо 1998]¹. В сущности, это вопрос о соотношении *публичного* и *частного* в жизни общества. Он настолько важен, что его правомерно считать **основным вопросом философии политики**, вокруг которого вращаются как вся политическая практика, так и политическая наука. Скорее всего, задача достижения гармонии между автономией индивида и общественной солидарностью, между свободой личности и организацией социума относится к числу вечных проблем человеческого бытия и воспроизводится по-новому на каждом витке исторической спирали. Всякий раз проблема частного и публичного, свободы индивида и правил общественного устройства возникает как бы заново, и её нельзя решить по единожды выработанному трафарету.

Концепты и стереотипы общественного сознания, хотя и формируются на основе конкретных социальных практик, никогда не являются арифметической суммой бытующих в обществе частных интересов и представлений².

¹ «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всюо общию силой личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется однако только самому себе и остаётся столь же свободным, как и прежде» [Руссо 1998: 207].

² Наряду с зонами согласия и сопряжения частных интересов существуют очаги конфликтов и несовместимости интересов. Поэтому невозможен социальный выбор, который в одинаковой мере отвечал бы всем кластерам частных интересов. Нобелевский лауреат Кеннет Эрроу сформулировал известную «теорему о возможности». Согласно этой теореме, «единственный удовлетворительный способ перехода от индивидуальных вкусов к социальным предпочтениям, который был бы определён для широкого диапазона множеств индивидуальных упорядочений, будет либо навязанным (imposed), либо диктаторским». [Arrow 1963: 59]. Ни свободная избирательная система, ни рыночный механизм не обеспечивают рационального выбора. «Доктрина суверенитета избирателей, – заключает автор, – несовместима с доктриной коллективного выбора» [Arrow 1963: 60]. В переводе на политический язык это означает, что функцию окончательного формулирования публичного интереса и оформления на этой основе публичной политики выполняет специальный общественный институт – государство. Оно соизмеряет противоречивое многообразие частных интересов, прошедших через «центрифугу» публичной сферы.

Формирование обобщенного видения публичного интереса и общего блага осуществляется через взаимодействие и взаимовлияние разнообразных кластеров частных, групповых, индивидуальных интересов и взглядов. Наиболее сильные группы интересов всегда имеют возможность оказывать определяющее влияние на содержание общественного сознания, используя инструменты идеологического мифотворчества и государственного давления. Индивидуальное сознание оказывается в плену навязанных виртуальных конструкций, сознательно или по инерции внедряемых в общественное сознание господствующими политическими режимами. Достаточно вспомнить произведения Джорджа Оруэлла, в которых показано, как диктаторский режим (отнюдь не безуспешно) вдалбливает в сознание своих граждан ложные представления об окружающей реальности, в итоге воспринимаемые ими в той или иной мере как действительно реальные.

В начале прошлого века американский социолог Уильям Томас сформулировал положение («теорема Томаса») о реальном влиянии воспринятых сознанием представлений на общественную жизнь: «Если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям» [История теоретической... 1998: 275]. Электронные средства коммуникации, глубоко погружая человека в виртуальную реальность, возводят проблему в более высокую степень. В сравнении со вчерашним днём грань, отделяющая «виртуальную» реальность от «настоящей», становится трудно отличимой.

Ситуация быстрых перманентных перемен воспринимается сознанием (как в общественной, так и в индивидуальной ипостаси) чрезвычайно болезненно. Сознанию людей и общества в целом присущ известный консерватизм восприятия окружающего мира. Оценки и смыслы происходящих событий не могут постоянно меняться, иначе люди лишились бы направляющих поведенческих установок и не смогли бы ориентироваться в окружающей среде. Пока темпы исторического развития были сравнительно медленными, это свойство сознания не выходило за пределы противоречий, разрешимых в ходе «нормального» общественного развития. Нынешние темпы перемен, выходя за рамки устоявшихся стереотипов сознания, ввергают его в шоковое состояние, часто выливающееся в драматические коллизии общественной жизнедеятельности.

Внедрение интернета в жизнь общества, создавая базовые предпосылки свободного выбора для индивида, подрывая один из главных устоев авторитарного правления – «монополию на истину», наряду с этим порождает большие трудности для индивидуального сознания. Намного усложняется селекция фактов и точек зрения из безбрежного информационного потока; сознание индивида попадает в запутанный и лишён-

Ситуация быстрых перманентных перемен воспринимается сознанием чрезвычайно болезненно. Сознанию людей и общества в целом присущ известный консерватизм восприятия окружающего мира.

ный чётких очертаний лабиринт сайтов, блогов, порталов, из которого невозможно выбраться без опытного проводника. Для того чтобы пройти между рифами и отмелями интернет-пространства и причалить к архипелагу гражданского восприятия политических реалий, необходим некий «медиа-лоцман», с ролью которого в нынешних условиях не в состоянии справиться ни выдающийся лидер, ни влиятельная партия.

В обществе должна сформироваться высокая политическая культура, сложиться система овладения общественно-политическими знаниями, нравственными и правовыми нормами поведения, должен быть накоплен большой опыт навигации в океане виртуального мира. Всё это требует значительного времени, так как сопряжено с глубокими переменами в публичной сфере, в её структуре и способах функционирования. Только эти изменения могут обеспечить перманентную общественную рефлексию – благоприятную креативную среду для полноценного развития индивидуального сознания и его включения в процесс реализации новых возможностей гражданского общества в сфере властных отношений.

Российские перспективы

Для России решение этих проблем особенно трудно: свыше трёх десятилетий российское общество находится в процессе глубокой реформации, затронувшей фундаментальные устои нашего бытия и сознания. Разрушен общественный порядок советской эпохи, но ещё не утвердился устойчивый новый порядок, позволяющий говорить об окончательном самоопределении России в трансформирующемся мире, не найдены эффективные рычаги и методы её включения в магистральный поток инновационного развития постиндустриальной эпохи. Подобно маятнику, общество раскачивается между прошлым и будущим. В таком же положении находится и общественное сознание. Рухнули догмы официальной идеологии, сковывавшие самостоятельное творческое мышление. Но одновременно до основания расшатаны ценностные мировоззренческие и нравственные принципы, необходимые каждому человеку для оценки быстро меняющейся ситуации, для определения своих поведенческих позиций. Общественное мнение оказалось беззащитным перед валом иллюзий, мифов, предрассудков, мистики, мракобесия и жульничества. «Разорванное сознание» нуждается в лечении, в нравственных и когнитивных средствах противостояния новым формам догматизма и мифологии.

Продолжается нелёгкий поиск демократических форм жизнедеятельности, не заимствованных у Запада, а самобытных, соответствующих российским социокультурным реалиям. И в то же время не выработано иммунитета от соблазна при-

менения простых и привычных авторитарных способов наведения порядка, удушающих главный ресурс развития социума – человеческий и социальный капитал.

Не способствует демократической трансформации общественного порядка и политическое наследие российской истории. Обширная территория страны, её социокультурное многообразие, суровый климат, перманентные угрозы, исходившие от восточных и западных соседей, – такова самобытная среда, в которой Россия могла сложиться и отстоять себя как единая целостность лишь при наличии сильного сверхцентрализованного государства авторитарного типа. Эта модель государственной власти стала «эволюционным ответом русской цивилизации на исторические вызовы», она глубоко укоренилась в общественном сознании как «инстинкт самосохранения общества» [Пастухов 2015].

Именно государственный инстинкт массового сознания служит источником народной поддержки корпоративно организованной государственно-бюрократической модели власти, которая на авторитарной основе консолидирует российское общество перед лицом многочисленных угроз. Но созданный на этой основе порядок, сковывая плюрализм общественной жизни, иссушает источники креативной энергии для инновационной модернизации социума. Слабеют стимулы и мотивация к творческой жизнедеятельности, к инновационному развитию общества. Если есть выход из этого «рокового» противоречия, то он состоит не в ослаблении государственных начал регулирования общественными процессами. Как показал опыт 1990-х гг., это путь к потере российской идентичности, к анархии и распаду. Но выхода не просматривается и на пути ужесточения авторитарного порядка, сковывающего и сужающего ресурсную базу перехода общества к инновационному типу развития.

Надежда – на эволюционную трансформацию сложившейся модели власти в процессе её адаптации к нарождающейся практике сетевых связей в деятельности гражданских организаций, предпринимательских кругов, в их взаимоотношениях с органами власти. Из этих практик при определённых условиях может вырасти сеть почвенных горизонтальных связей, способствующая устойчивости централизованной государственной вертикали и, по образцу «мониторинговой демократии», оказывающая влияние на формирование общенациональной публичной политики. Эти ситуативные подвиги послужат импульсом к реформированию государства как органа общественного порядка и развития. Востребованные логикой демократической реформации перемены очевидны. Общество ждёт от государства самокритичного отношения к собственной деятельности, «отзывчивости» к запросам людей, демократизма в принятии решений с опорой на

Надежда – на эволюционную трансформацию сложившейся модели власти в процессе её адаптации к нарождающейся практике сетевых связей в деятельности гражданских организаций, предпринимательских кругов, в их взаимоотношениях с органами власти.

общественную рефлексию и применение механизмов сдержек и противовесов во власти и политической системе. Общество нуждается в государственном аппарате, свободном от высокомерия и бюрократизма, произвола и коррупции чиновничества, работники которого отличаются высоким профессионализмом, неукоснительно соблюдают законность и принципы морали. Главная задача – провести эти реформы, не ослабляя, а усиливая роль государства в регулировании общественной жизнедеятельности.

Библиографический список

Василькова В. 1999. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань. 478 с.

История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 3 / Отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1998. 448 с.

Красин Ю. 2015. Российская реформация: параметры, противоречия, перспективы // Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 684 с.

Лукреций Кар. 1946. О природе вещей. М.: АН СССР. 448 с.

Луман Н. 2004. Общество как социальная система. М.: Логос. 232 с.

Луман Н. 2007. Введение в системную теорию. М.: Логос. 360 с.

Маркс К. 1956. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура (1839–март 1841) // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат. 689 с.

Матурана У., Варела Ф. 2001. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция. 224 с.

Пастухов В. 2015. Русское самодержавие как цивилизационный ответ на исторический вызов // ПОЛИТ.РУ. URL: <http://polit.ru/article/2015/12/11/autocracy/> [Дата посещения: 15.04.2017].

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 2001. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Эдиториал УРСС. 238 с.

Руссо Ж. Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле. 416 с.

Arrow K. 1963. Social Choice and Individual Values. N.Y., L., Sidney: John Wiley & Sons, Inc. 124 p.

Castells M. 2012. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Polity Press, Cambridge, UK-USA, 228 p. .

Keane J. 2009. *The Life and Death of Democracy*. N.Y., London: W.W. Norton and Company. 992 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.453

The Proportions of “Civil Order” and “Development”

Krasin Yury Andreyevich

Doctor of Philosophy, Professor, Main researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: krasinyua@yandex.ru

Abstract. Two attributive principles are inherent to society, which ensure social activities: order and creativity. These two principles are in constant conflict with each other, which forces society into searching for an optimal measure of their correlation. The birth of network structuring of society resulted in the need for such an order, which, while guaranteeing the stability of community life, is equipped with a certain mechanism for regulating the interactions of various private interests, which in turn demands an organic unity of public administration and community self-government. Due to Russia’s socio-cultural peculiarities, the country’s integrity together with public order is provided by the presence of a strong centralized state system, which hampers the implementation of democratic community self-government. This raises a certain question: is it possible for Russia’s existing model of power to undergo an evolutionary democratization during the process of its adaptation to an uprising practice of network connections and interactions?

Keywords: public order, development, informational society, network connections, state rule, community self-government.

References

Arrow K. *Social Choice and Individual Values*. New York, London, Sidney, John Wiley & Sons, Inc., 1963. 124 p.

Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Polity Press, Cambridge, UK-USA, 2012. 228 p.

Istorija teoreticheskoy sociologii [The History of Theoretical Sociology]. Vol. 3. Ed. by Y. N. Davydov. Moscow, Kanon, 1998. 448 p.

Keane J. *The Life and Death of Democracy*. New York, London, W. W. Norton and Company, 2009. 992 p.

Krasin Y. A. *Rossiyskaja reformacija: parametry, protivorechija, perspektivy* [The Russian Reformation: Parameters, Contradictions, Prospects]. Saarbrucken, Lambert Academic Publishing, 2015. 684 p.

Lucrecy Car. *O prirode veschey* [About the nature of things]. Moscow, AS of USSR publ., 1946. 448 p.

Luman N. *Obschestvo kak social'naja sistema* [Society as a Social System]. Moscow, Logos, 2004. 232 p.

Luman N. *Vvedenie v sistemnuju teoriju* [Einfuhrung in die Systemtheorie]. Moscow, Logos, 2007. 360 p.

Marx C. *Razlichie mezhdru naturfilosofiej Demokrita i naturfilosofiej Epikura (1839 – mart 1841)* [The Difference between the Natural Philosophy of Democritus and the Natural Philosophy of Epicurus]. Marx C., Engels F. *Iz rannih proizvedeniy*. Moscow, Gospolitizdat, 1956. 689 p.

Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya*. Moscow, Progress-Tradicija, 2001. 224 p.

Pastuhov V. Russkoe samoderzhavie kak civilizacionny otvet na istorichesky vyzov [Russian Autocracy as a Civilizational Response to the Historic Challenge]. Web portal POLIT.RU. Release 11.12.15. URL: <http://polit.ru/article/2015/12/11/autocracy/> [date of visit: 15.04.2017].

Prigozhin I., Stengers I. Poriadok iz haosa: Novy dialog cheloveka s prirodoy [Order from Chaos: A New Dialogue between Man and Nature]. Moscow, Progress, 1986. 432 p.

Prigozhin I., Stengers I. Vremia, haos, kvant. K resheniju paradoxa vremeni [Time, Chaos, Quantum. To the Solution of the Paradox of Time]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 238 p.

Russo J.-J. Ob obschestvennom dogovore. Traktaty [On the social contract. Treatises]. Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole, 1998. 416 p.

Vasil'kova V. Poriadok i khaos v razvitii social'nykh system [Order and Chaos in the Development of Social Systems]. Saint-Petersburg, Lan', 1999. 478 p.

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н ы е глобальные изменения в мире и России

**Современные тенденции
развития рынка семейных услуг.
Анализ русского и зарубежного опыта**

Коренькова Марианна Максимовна –
старший преподаватель департамента
литературы и межкультурной коммуникации,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород

E-mail: mkorenkova@hse.ru

Современные тенденции развития рынка семейных услуг. Анализ русского и зарубежного опыта

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.454

В современных российских экономических и социальных условиях актуализировались потребности в развитии рынка семейных услуг, заменяющих традиционную функцию семьи по воспитанию и социальной адаптации детей, самоопределению их личности.

Аннотация. Статья посвящена вопросу появления рынка услуг, заменяющих или дополняющих функции, традиционно выполнявшиеся семьёй. В статье проанализированы научно-популярные статьи, форумы, предложение услуг в интернете, касающиеся материнства и воспитания детей с целью выявления примеров платной помощи семье со стороны внешних экспертов и способы стимулирования потребления такого рода помощи. Создание мотивации к передаче функций по воспитанию и уходу за детьми внешним экспертам и доступность ресурсов в виде коммерческого предложения приводят к формированию рынка семейных услуг как за рубежом, так и в России. Автор предпринимает попытку выявить и оценить новые, ранее не существовавшие или существовавшие в других формах платные услуги, предлагаемые семье как целевой потребительской аудитории, которые ведут к коммерциализации семейных функций и аутсорсингу традиционных родительских практик внешним экспертам.

Ключевые слова: рынок семейных услуг, социальные роли, платные бытовые услуги, аутсорсинг, родительство, современная семья

В последние десятилетия во многих развитых странах, в России в том числе, наблюдается социально-экономическая трансформация в традиционной жизнедеятельности семьи. Многие функции, присущие семье прежде, сейчас в значительной степени утрачены. Восполнить их сегодня практически полностью пытаются другие институты [Никольская 2006]. В современных российских экономических и социальных условиях актуализировались потребности в развитии рынка семейных услуг, заменяющих традиционную функцию семьи по воспитанию и социальной адаптации детей, самоопределению их личности. С одной стороны, повышается степень осознанности и ответственности родителей в области семейного воспитания детей, которое, как правило, преследует три основные цели: забота о физическом здоровье и безопасности ребёнка, подготовка детей к ответственной взрослой жизни и передача им культурных ценностей. Растёт необходимость в повышении родительских знаний, которые являются ключом к пониманию поведения детей [Bugental, Harponey 2002], а также основа-

нием для своевременного регистрирования изменений в развитии ребёнка и соответствующей им готовности модифицировать родительские практики [Stoiber, Houghton 1993]. Экспертное родительское знание становится актуальным, что подтверждают многочисленные исследования, выявившие высокую корреляцию между родительской осведомлённостью о принципах воспитания, семейной средой и поведением ребёнка [Dichtelmiller et al. 1992; Benasich, Brooks-Gunn 1996; Caughy et al. 2003]. С другой стороны, эксперты считают, что человек может быть доволен своей жизнью, если он активно вовлечён в несколько доменов жизнедеятельности и справляется с ними, не замыкаясь на одном. С этой точки зрения, экспертная помощь родителям позволяет им качественно исполнять роль отца или матери, не пренебрегая другими социальными ролями и не испытывая разочарования от ролевой полярности [Bruno 2015]. Ключевым моментом здесь является не хаотичное по мере сил совмещение ролей и контекстов, но успешный баланс, базирующийся на распознавании и выполнении той или иной конкретной роли и соответствующей ей функции [Mainiero, Sullivan 2005].

Рынок услуг: формирование и развитие

В связи с этим предполагается, что развитие рынка услуг, заменяющих или дополняющих функции, которые традиционно выполнялись семьёй, позволит решить глобальную для родительства задачу: достижение качественных отношений между родителями и детьми и высвобождение времени у родителей для других видов социально-экономической деятельности с целью достижения общего уровня удовлетворённости жизнью. На этом фоне возникают следующие вопросы: насколько такая цель является оправданной; какого рода услуги предлагаются современным родителям на глобальном рынке, нуждается ли российское общество в таких услугах и готово ли оно в социально-психологическом плане оплачивать их?

Предпосылки передачи семейных функций внешним платным экспертам запускают определённые механизмы социального и экономического развития. Продав социуму холодильники, стиральные машины и телевизоры, производители, ставшие жертвами своего собственного успеха в освоении рынка товаров потребления, для повышения прибыли вышли с идеей продать домашним хозяйствам товары, всегда прочно ассоциировавшиеся с офисом. Было проделано несколько маркетинговых ходов, и в гостиных и даже спальнях появились ставшие уже привычными принтеры, а в недалёком прошлом – факсы, сканеры и копировальные устройства. Нечто подобное

происходит и в укладе семьи. Только если в случае с оргтехникой офис пришёл в дом, то в случае семьи – она «уходит в офис». Прежняя картина, когда мама в переднике готовит обед, рядом в высоком стульчике сидит малыш, с которым она общается и отрабатывает традиционный тренинг с необходимым набором развивающих навыков («сорока-ворона», «какого цвета», «как делает коровка – собачка»), сменилась на ту, в которой мама сидит за рулём автомобиля, вместо высокого стульчика – автомобильное детское кресло, где ребёнок едет в развивающий центр, а там всё то же самое, но за деньги, будет делать профессионал. Так же, как когда-то фирмы сокращали свои юридические отделы, отделы рекламы, заменяя их услугами аутсорсинга [Malone 2006], происходит аутсорсинг семейных функций. Этот процесс демонстрирует, какими современные родители видят традиционные социально-психологические роли и как они распределяют ответственность.

В рамках рыночных отношений социум так или иначе живёт по законам рынка. Принцип «спрос определяет предложение» никто не отменял. Но что определило спрос? Что (или кто) помогло семьям сформировать этот спрос и согласиться, что членам семьи нужна передышка, а то и вовсе отказ от своих исторических функций?

Движущей силой на рынке, например, детских услуг и товаров выступают родительская конкуренция и тревога по поводу настоящего и будущего своих детей [Целуйко 2004]. Этот рынок довольно-таки неуязвим, даже несмотря на экономический кризис, так как мотивация его потребителя высока и постоянно поддерживается на этом уровне. Родительский тезис: «У нас не было – пусть у них будет» звучит для маркетологов многообещающе и даёт стимул для действий. Состояние конкуренции из бизнеса перекочевало в индивидуальное сознание. Личная конкуренция мотивирует родителей делать как все, считая, что их ребёнок не хуже других, и желая, чтобы он вырос самым умным, самым талантливым, самым сообразительным [Chung-un 2016]. Разного рода детские центры, школы развития и подготовительные курсы рассчитаны на родительский перфекционизм и опасение, что их ребёнок будет хуже других или недостаточно успешен. Битва за престиж привела к тому, что на рынке образовался большой процент родителей, готовых тратить с трудом заработанные деньги на развивающие центры и курсы, личных специалистов-помощников, чтобы их ребёнок вырос и стал не хуже, а то и лучше, успешнее, образованнее его среднестатистического сверстника. Портрет потенциального клиента таких центров отражает в среднем недавно появившийся в нашей стране тип людей с хорошим и стабильным, но требующим постоянного контроля доходом [Айдинова, Попова 2009]. Не у многих в такой ситуации будет получаться упорно рабо-

Если в случае с оргтехникой офис пришёл в дом, то в случае семьи – она «уходит в офис».

Движущей силой на рынке, например, детских услуг и товаров выступают родительская конкуренция и тревога по поводу настоящего и будущего своих детей.

тать и одновременно должным образом заботиться о детях и их воспитании. И тогда на помощь данной категории людей приходят детские развивающие и образовательные центры, которые становятся ключом для решения этой проблемы. В последнее время количество открываемых детских центров раннего развития неуклонно растёт. В этой связи в ближайшем будущем актуальным также станет определение правового поля, в котором они оперируют. В настоящее время нормы их деятельности регулируются органами местной власти.

Немаловажной статьёй расхода бюджета современной семьи становится использование услуг консультантов по воспитанию детей. В обществе зреет мнение, что к родительству нужно подготовиться, осмыслить эту роль, прежде чем заводить детей, или, по крайней мере, сделать это как можно скорее, если дети уже появились [Ишембитова 2014]. Осознанность родителей, которая должна прийти на смену интуитивному, спонтанному и ситуативному стилю воспитания, призвана послужить благом для самих семей, а также принести в долгосрочном плане пользу обществу, в которое вольются личности с общепринятым устойчивым моральным поведением, личной ответственностью и самообладанием. Социум, безусловно, выиграет, если в его гражданах будут воспитаны такие качества, как ощущение внутренней свободы, достоинство, политкорректность и законопослушность, умение без паники выходить из затруднительных ситуаций. Родительский авторитет, внутренняя уверенность в своих силах, контроль над ситуацией в семье приходят от осведомлённости и подготовленности к своей роли, что помогает встать над конфликтной ситуацией, а не быть частью её, направить коммуникацию в нужное для родителя русло. Осведомлённость также освобождает родителя от чувства, что он неудачник, что всё происходящее – его личный промах. Следовательно, одной из причин посещения курсов по воспитанию детей или семейных психологов, услуги которых стоят немалых денег, является поиск новых и эффективных форм взаимодействия с детьми.

С этой целью обращение к специалистам в области воспитания детей становится всё более распространённым явлением. Но беда, как говорится, не приходит одна. Так же, как при покупке техники, вместе с необходимым предметом быта покупатель зачастую неосознанно приобретает множество аксессуаров к нему, родители в поисках базовых продуктов и услуг получают целый набор «сопутствующих» товаров.

Что является такими «аксессуарами» на рынке семейных услуг? Изучение и сравнительный анализ российского и зарубежного (где накоплен значительный опыт) рынка семейных услуг поможет ответить на данные вопросы, а также выявить степень успеха реализации таких услуг и актуальность его предложений для русского и зарубежного социумов.

Эксперт по безопасности

Если начинать с начала, с момента рождения ребёнка, то одной из наиболее популярных услуг на этом этапе являются услуги эксперта по детской безопасности. Данная услуга становится широко распространённым явлением в западном обществе, которая ещё не прижилась в России.

Критики бизнес консалтинга саркастически замечают, что бизнес-консультант берёт часы менеджера, чтобы сказать тому, который час. Возможно, эта метафора применима и к приходу в дом специалиста по безопасности, чтобы сказать родителям, что работающая плита представляет опасность для малыша, так же как и открывающиеся дверцы и выдвигающиеся шкафчики кухонных ящиков. Бейбипруфер (baby-proof – безопасный для ребёнка), как правило, приходит в дом несколько раз. В первый визит он осматривает дом на предмет рисков, которым может подвергнуться ребёнок. Тщательный осмотр завершается резюмированием небезопасных мест, ситуаций и потенциальных возможностей получения ребёнком травм. Во время этого визита отрабатываются три первых этапа модели потребительского поведения, ведущего к покупке по формуле AIDA, (*Attention, Interest, Desire, Action* — внимание, интерес, желание, действие) [Душкина 2010]. Последний этап – действие – отрабатывается во время второго и третьего визита, когда специалист по безопасности минимизирует все риски. Специально обученный человек в спецодежде устанавливает предохранительные щеколды на дверях шкафов, обивает углы столов мягкой тканью, блокирует для малыша доступ к электрическим розеткам. Наряду с повышением уровня физической безопасности ребёнка, родители приобретают чувство родительской реализованности – они сделали нечто важное для своего малыша.

Как работает распространение информации и вовлечение новых семейных пар в клиентскую базу? Сегодня модель AIDA как классическая модель воздействия рекламы зачастую упоминается в расширенном варианте – AIDA(s), где s – satisfaction, удовлетворение. Это означает, что после первых четырёх процедур нужно ещё добиться того, чтобы у потребителя осталось чувство удовлетворения продукцией. Он может рассказать о покупке родным и знакомым, стать постоянным клиентом компании и приобретать другие её продукты [Розен 2013]. Для родителей одним из наиболее эффективных средств являются интернет-форумы, популярные как в России, так и за рубежом, на которых мамы делятся своими успехами в снаб-

С момента рождения ребёнка одной из наиболее популярных услуг являются услуги эксперта по детской безопасности. Эта услуга становится широко распространённым явлением в западном обществе, но ещё не прижилась в России.

Специально обученный человек в спецодежде устанавливает предохранительные щеколды на дверях шкафов, обивает углы столов мягкой тканью, блокирует для малыша доступ к электрическим розеткам. Наряду с повышением уровня физической безопасности ребёнка, родители приобретают чувство родительской реализованности – они сделали нечто важное для своего малыша.

жении своего ребёнка всем необходимым. Такие форумы как, например, «Мама.ру», «Мамин сундучок-форум для настоящих и будущих мам», «Мамуськи.ру» и пр. формируют сообщество потребителей, которое распадается на более мелкие лояльные группы, агитирующие за тот или иной товар или услугу. В иностранной среде всё большую популярность также набирают клубы для мам, в рамках которых мамы встречаются для обсуждения вопросов, связанных с воспитанием детей. Эти клубы характеризуются более или менее однородностью материально-социального статуса мам. Из беседы с русскоязычной мамой, проживающей в Ирландии, в Дублине: «В зависимости от респектабельности района, на таких встречах может обсуждаться тема, как перешить одежду старших детей для младших или покупка кожаных курток для полугодовалых малышек». Согласно данным информационно-измерительной компании Нильсен [Nielsen Holdings N.V], 92% потребителей доверяют такому виду рекламы, как «из уст в уста» (word-of-mouth). Именно поэтому деятельность таких клубов поощряется, зачастую спонсируется и информационно поддерживается детскими центрами развития, производителями детских товаров и услуг.

Детские развивающие центры

По мере взросления ребёнка к армии семейных помощников подключаются детские развивающие центры. Данный вид услуг, предоставляемых современной семье, заслуживает отдельного внимания, так как детские развивающие центры стали широко популярными как на Западе, так и в России. Как и в бизнесе, в сфере профессиональных услуг принцип «одного окна», где фирма может получить бухгалтерские, информационные, юридические и рекламные услуги, начинает действовать в сфере аутсорсинга семейных функций. Развивающий центр предлагает творческое развитие, изучение иностранного языка, детскую йогу, услуги логопеда, психолога и т. п., в зависимости от масштаба и креативности отдельно взятого учреждения такого типа.

Становление и развитие детских центров претерпело некоторые изменения в их целях и задачах, менялась и их аудитория. Во-первых, изначально эти центры служили нуждам детей с ограничением в развитии для максимальной адаптации к школе (на уровне их нормально развивающихся сверстников) [Doherty et al. 2000]. Теперь посещение таких центров стало восприниматься родителями как чуть ли не обязательное.

Во-вторых, возраст детей, посещающих школы (группы, центры) раннего развития, составлял от 5 до 7 лет. Задача такого учреждения – «развить в ребёнке интеллектуально-

творческий потенциал, познавательный интерес, адаптационные способности, познавательные процессы (мышление, речь, внимание и пр.)» [Машинистова 2012] через творческую деятельность. В настоящее время возраст снизился до 1–3 лет, и целью деятельности педагога в группах детей такого возраста является их социализация и создание познавательной игровой обстановки [Коренькова 2016]. Таким образом, данный сегмент рынка демонстрирует широкий охват родителей, имеющих детей от одного года до шести лет. В этой связи надо отметить, что исследование Национального института здоровья и развития человека – National Institute of Child Health and Human Development – в США показало, что дети, посещающие развивающие центры, и дети, с которыми занимаются дома, не имеют различий в своём развитии [NICHD 2006]. Важным фактором для полноценного развития ребёнка считается благоприятная семейная атмосфера и наличие родителя, готового тратить время на его развитие.

Однако СМИ и соцсети, как в России, так и за рубежом, транслируют обществу идеологию «раннего развития» [Ассонова 2010]. Данная идеология подразумевает «оснащение» жилого пространства ребёнка развивающими играми, посещение развивающих групп и центров, обучение различным видам творчества: музыка, лепка, рисование. Для осуществления такой деятельности от родителей требуется определённый и стабильный доход, наличие времени, а также социальная и культурная компетентность, чтобы выбрать наиболее подходящий товар или провайдера услуг раннего развития. Силы и внимание родителей отвлекаются от непосредственного взаимодействия с ребёнком и направляются на анализ рынка вышеперечисленных услуг, на поддержание стабильного дохода для их оплаты. Согласно опросам в сети интернет, более половины молодых, социально активных городских мам посещают с ребёнком развивающие центры, ещё 20% хотят или ищут подходящий центр для своего ребёнка. По мнению психологов, родители, которые водят детей в подобные заведения, зачастую заблуждаются, считая, что это делает их хорошими матерями и отцами [Шульга 2014]. В сущности, они передают полномочия на развитие своего ребёнка другим людям по причине собственного бессилия или нежелания делать это самостоятельно в рамках семьи. На семейных форумах можно выделить основную мысль: «пока дети играют, мама может заняться собой». Однако ребёнок вместо того, чтобы развиваться, зачастую учится адаптироваться в коллективе без мамы. Родителям также следует учитывать, что любые занятия в развивающем центре – это дополнительные нагрузки. Кроме того, развитие ребёнка в семье предполагает важный этап формирования первичной привязанности к окружающим его взрослым, играющим в его жизни важ-

Дети, посещающие развивающие центры, и те, с которыми занимаются дома, не имеют различий в своём развитии. Важным фактором для полноценного развития ребёнка считается благоприятная семейная атмосфера и наличие родителя, готового тратить время на его развитие.

Силы и внимание родителей отвлекаются от непосредственного взаимодействия с ребёнком и направляются на анализ рынка услуг, на поддержание стабильного дохода для их оплаты.

ную роль. Раннее помещение детей в различные социальные группы ведёт к тому, что ребёнок может начать ощущать себя частью группы, где часто меняются взрослые, с которыми формируются разные степени привязанности.

Статистический анализ, произведённый Бюро статистики занятости США в 2011 г., показал, что в Америке 34,3 миллиона семей имеют детей, и для подавляющего большинства из них передача ухода за детьми на попечение платных специалистов и центров развития является нормой [US Bureau... 2012]. Согласно данным организации National Child Care Info & Technical Assistance Centre, эта статистика касается двух третей детей дошкольного возраста [National Child Care Info ... 2010].

Трансгендерный специалист

Трансгендерный специалист – явление, характерное сугубо для западного общества, где трансгендерное сообщество воспринимается всё более серьёзно; где медицинскому, так же как и социальному комфорту таких людей уделяется достаточное внимание, и появление трансгендерных специалистов является социально оправданным. Новозеландский медицинский журнал опубликовал исследования на тему «Услуги специалистов для личностей, определяющих себя как транссексуалы», анализирующие доступность данных услуг и специалистов [Delahunt et al. 2016]. Мичиганский университет предлагает медицинские услуги, связанные с идентификацией пола в рамках программы World Professional Association for Transgender Health (Всемирная профессиональная организация трансгендерного здоровья) [World Professional...]. Родителям рекомендуют меньше фокусировать детское внимание на признаках поведения, свойственных их полу, предоставляя детям полную свободу выбора гендерной роли. Заметив, что девочка предпочитает коротко стричься и носить одежду своих братьев, а мальчик играет в куклы и проявляет интерес к косметике старшей сестры, родители могут прибегнуть к услугам трансгендерного специалиста для уточнения гендерной принадлежности ребёнка. Например, в брошюре Чикагской детской больницы [Children's hospital of Chicago] описаны следующие услуги:

«Мы предоставляем услуги для детей и подростков, у которых

- не определилось гендерное поведение;
- есть вопросы по поводу выбора своего пола;
- сделан выбор в пользу транссексуальности».

Родителям рекомендуют меньше фокусировать детское внимание на признаках поведения, свойственных их полу, предоставляя детям полную свободу выбора гендерной роли.

Услуги такого специалиста стоят дорого [Gender Reassignment... 2012], но, по словам этих же специалистов, они крайне необходимы семье, чтобы как можно раньше избежать возможной дисфории, возникающей вследствие расхождения биологического пола и гендерной идентификации ребёнка [Fuss et al. 2015, Simons et al. 2014]. Почти повсеместно в индустриальных странах повышается либерализация законодательства и социального приятия трансгендерности, тогда как в России это явление продолжает сохранять негативную окраску в восприятии населения [Мельников 2014]. Появление услуг трансгендерного специалиста не представляется возможным или широко популярным на данном этапе социально-культурных установок российского общества в целом.

Станции приготовления домашней еды (Cooking Stations)

Ещё одним исключительно западным феноменом являются станции приготовления домашней еды. Типичная семейная функция приготовления пищи в американских домохозяйствах отмирала постепенно под влиянием возникновения рынка полуфабрикатной еды. Затем стиль жизни стал предполагать посещение мест общественного питания. В последнее время под влиянием идей здорового образа жизни и пользы органического питания американские семьи снова пытаются вернуться к традиционному стилю питания, но делают это в условиях и по правилам рыночных отношений, удерживающих своего потребителя теперь уже иными способами. Американская мама может с уверенностью сказать, что она умеет готовить, так как она ездит на станцию приготовления пищи и готовит там обед для своей семьи на несколько дней [Simply Supper...]. Станция приготовления пищи представляет собой либо пункт общественного питания с большой кухней, на которой записавшиеся на сессию под руководством опытного повара готовят несколько блюд-полуфабрикатов, либо кухню в частном доме, владелица, которой своё умение готовить сделала способом получения прибыли. Часть таких полуфабрикатов будет приготовлена по приходу домой, а другая часть (обычно большая) будет заморожена и приготовлена по мере необходимости. Женщины и мужчины, одни или часто с детьми, вдохновенно моют, режут, приправляют и складывают в пакетики овощи, мясо или рыбу, зелень под лозунгом «Благоприятная атмосфера для приготовления здоровой пищи!» на чужой кухне. Ингредиенты можно привезти с собой или купить на самой станции. Таким образом, функция приготовления пищи вернулась в семейный уклад, но её осу-

Почти повсеместно в индустриальных странах повышается либерализация законодательства и социального приятия трансгендерности, тогда как в России это явление продолжает сохранять негативную окраску в восприятии населения.

Американская мама может с уверенностью сказать, что она умеет готовить, так как она ездит на станцию приготовления пищи и готовит там обед для своей семьи на несколько дней.

ществование трансформировалось под влиянием новых маркетинговых технологий. Данный вид услуг, возможно, и станет популярным в нашей стране, но среди небольшого сегмента семей, так как в целом такой способ приготовления пищи подрывает позитивный образ женщины, жены и мамы в русском гендерном менталитете.

Няни vs Детский отель

Услуги няни всегда были высоко востребованы родителями по разным социально-экономическим причинам. Однако в рамках тенденций настоящего времени родители всё больше выступают в роли работодателей, нуждающихся в услугах няни как помощницы по уходу за ребёнком, и не готовы принять чужого человека в качестве члена семьи, как это было в историческом прошлом. Им хотелось бы иметь качественного исполнителя своих требований по доступной цене. Однако няня как наиболее яркий представитель социологической профессии в большинстве случаев частично заменяет ребёнку маму. Особенно это касается детей раннего возраста, что может привести к близкой психологической дистанции с няней и неустойчивым эмоциональным отношениям с мамой [Дробышева, Романовская 2014]. Противоречия, так или иначе ощущаемые родителями в связи с деятельностью няни в современной российской семье, становятся ещё одним аргументом для выбора в пользу развивающих центров. Кроме психологического фактора, детские центры – это пространство, где за детьми не только смотрят, но ещё и развивают. Остаётся ли место для нянь в современной индустрии семейных услуг? Так же как в недалёком прошлом гипермаркеты поглотили маленькие специализированные магазины, не вытеснили ли детские учреждения разного масштаба, предлагающие услуги «одного окна», индивидуальных нянь или беби-ситтеров? Что делать родителям вечером, когда они хотели бы пойти в кино, провести вечер с друзьями или закончить взятую на дом работу? В этом случае до недавнего времени няне замены не было. Однако не так давно в соцсетях появилось беспрецедентное предложение – детский отель. Это своего рода развивающий центр с играми, занятиями, мастер-классами, но предлагающий также присмотр за ребёнком до позднего вечера или даже ночью, если родителям по какой-то причине это требуется. Рекламное объявление гласит буквально следующее: «Напоминаем, что у нас Вы можете оставить своего ребёнка не только днём, но и на ночь, на несколько дней в комфортных и безопасных условиях. Август уже подходит к концу, успеете подарить себе тёплые летние выходные, пока ваш

Няня как наиболее яркий представитель социологической профессии в большинстве случаев частично заменяет ребёнку маму. Особенно это касается детей раннего возраста, что может привести к близкой психологической дистанции с няней и неустойчивым эмоциональным отношениям с мамой.

малыш весело проводит время вместе с нами!» [Детский-отель.рф]. С определённой долей уверенности можно сказать, что данное предложение является исключительно российским явлением, поскольку в американском социуме оно юридически неправомерно или требует серьёзного пакета регулятивных документов. То же самое можно сказать и о появившихся недавно в России объявлениях о доставке-перевозке детей в специализированном такси в разные пункты назначения, если родители не могут сделать это сами. Предложения подобного рода свидетельствует не только об уменьшении роли нянь, но и отмирании института бабушек-дедушек, благодаря которому раньше и родители высвобождались для работы или вечернего кино, и ребёнок получал необходимые навыки в игровой форме в атмосфере любви и радости [Боровикова 2014]. Несмотря на тот факт, что бабушки и дедушки зачастую эмоционально более стабильны и благодаря жизненному опыту могут лучше понимать, что важно для ребёнка, возросший темп жизни, новые знания и установки ведут к тому, что родителям кажется невозможным доверить своего ребёнка бабушке, которая, по их мнению, «отстала» от этой жизни.

Собеседник-тренер для родителей

По мере взросления ребёнка и в особенности достижения им сложного подросткового возраста рынок семейных услуг открывает для родителей новый сегмент предложений. Среди американских родителей становится популярной услуга собеседования с тренером для родителей (parent-coach). В большинстве случаев в роли тренера выступает пожилая мудрая женщина, имеющая разнообразный материнский опыт и способная помочь другим родителям. Это не мама или папа родителей, так как маму не хотелось бы обременять внутренними проблемами нуклеарной семьи, и не свекровь/тёща, которым по сложившимся социально-культурным стереотипам не хотелось бы показывать свои слабости и недостатки. Это именно старшая женщина, не связанная с родителями повседневными или родственными отношениями, готовая выслушать их без оценочных или критических суждений и дать совет по запросу. Из беседы с русскоязычной мамой, проживающей в США, Нью-Джерси: «иногда советом может быть история из жизни, иногда даётся практическая рекомендация следующего рода: «отключайте интернет во всём доме в 10 вечера». Услуга собеседника-тренера для родителей предоставляется по предварительному заказу на специализированном сайте [Weis]. Чаще всего родители оплачивают в среднем минимум три визита-семи-

По мере достижения ребёнком сложного подросткового возраста рынок семейных услуг открывает для родителей новый сегмент предложений – услуга собеседования с тренером для родителей. В роли тренера выступает пожилая мудрая женщина, имеющая разнообразный материнский опыт.

нара. Если родителям понадобится консультация по другим, специфическим вопросам, они могут «докупить комплект» ещё из трёх-пяти семинаров на интересующую их тему [Senders Pediatrics]. В российской социальной действительности трудно представить, что такие советы можно получить на платной основе. Обычно в русском обществе такую услугу заменяют советы подруг, коллег по работе, которые воспринимаются как часть неформального и, разумеется, бесплатного общения.

Заключение

Когорта специалистов, оказывающих семейные услуги, является достаточно широкой и включает такие функции, как уборка квартиры, помощь детям в приготовлении уроков, выгул домашних питомцев, присмотр за детьми, няни, личные водители, приглашённые на дом аниматоры, частные детские сады, развивающие центры и прочие внешние помощники. Данные услуги пользуются спросом, так как экономят время, которое в современном мире зачастую бывает дороже денег. С одной стороны, потребитель получает свободу для построения личной жизни и карьеры, с другой – поставщики данных услуг развивают свой бизнес, который формирует новый вид рынка – рынок семейных услуг. Выборочную совокупность в данной статье составили поставщики различных форм платной помощи современной российской и зарубежной семье в построении социально-бытовой деятельности, относительно недавно появившиеся на рассматриваемом рынке, но ставшие показателем новых тенденций в сфере семейно-бытовых услуг.

Широкий спектр профессиональных услуг для выполнения семейных функций таит в себе опасность потери обществом логического и ассоциативного мышления, потому что по любому сложному или непонятному вопросу можно обратиться к специалисту, некоему «суррогатному родителю», преподносящему семье готовые решения. Для кого-то это оптимизация и повышение эффективности функционирования современной семьи, а для кого-то – разрушение семейных основ и деформация традиционного семейного уклада и семейных ценностей.

С одной стороны, вышеописанные явления представляют собой политику потребления и упрощения жизни. С другой – повышение осведомлённости, компетентности и ответственности родителей. Во втором случае политика потребления из цели превращается в средство, инструмент, который служит интересам оптимизации и повышения эффективности функционирования современной семьи, что ведёт к моральным,

Широкий спектр профессиональных услуг для выполнения семейных функций таит в себе опасность потери обществом логического и ассоциативного мышления, потому что по любому сложному вопросу можно обратиться к специалисту, преподносящему семье готовые решения.

социальным и демографическим улучшениям в обществе. Однако темпы и объёмы, в которых родители продолжают пользоваться услугами профессиональных помощников, увеличиваются. Роман Хаксли «О дивный новый мир» [Хаксли 1932], в котором люди на всей Земле живут в едином государстве, общество которого – это общество потребления, а дети выращиваются в бутылках на специальных заводах-инкубаториях, возможно и не покажется в будущем такой уж утопией.

Библиографический список

Айдинова А., Попова А. С. 2009. Исследование процессов формирования, функционирования и развития рынка услуг // Terra Economicus. Т. 7. № 4. Ч. 3. С. 161–164.

Ассонова Е. 2010. Новые ценности в детско-родительских отношениях // Pro&Contra. Т. 14. № 1/2. С. 78–93.

Боровикова Л. 2014. Проблемы современной семьи и мир детства // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. СПб.: Санкт-Петербургское ГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья». С. 14–28.

Детский-отель.рф // URL: <http://xn----gtbdbngfmzzkg6k.xn--plai> [Дата посещения: 29.09.2016].

Дробышева Т. В., Романовская М. А. 2014. Современная няня в российской семье: наёмный работник или член семьи? // Семья, брак и родительство в современной России. М.: Когито-Центр. С. 79–82.

Душкина М. 2010. Модели коммуникативного воздействия в маркетинге // Маркетинг в России и за рубежом. № 4. С. 67–73.

Ишембитова З. Г. 2014. Проблемы воспитания детей в семье в условиях глобализации общества // Вестник Башкирского университета. Т. 19. № 2. С. 682–702.

Коренькова М. М. 2016. Вызовы семейной социализации и процессов социального становления личности в рамках неуклонной модернизации российского менталитета // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского). СПб.: Скафия-принт. С. 225–227.

Машинистова Н. В. 2012. История становления дополнительного образования детей в России // Проблемы и перспективы развития образования: Материалы II международной научной конференции. Пермь: Меркурий. С. 38–42.

Мельников А. 2014. Многообразие полов. Зачем вводить 58 вариантов гендерной принадлежности // *АиФ*. № 9.

Никольская Г. 2006. Семья в условиях постиндустриального общества (на примере США) // *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 71–80.

Розен Э. 2013. *Анатомия сарафанного маркетинга*. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер». 416 с.

Хаксли О. 2013. *О дивный новый мир* / Пер. с англ. М.: АСТ. 541 с.

Целуйко В. М. 2004. *Вы и ваши дети. Психология семьи*. Ростов-на-Дону: Феникс. 283 с.

Шульга П. 2014. Вундеркинд по заказу. Что дают детям частные развивающие центры? // *АиФ-Алтай*. № 9.

Baby Proofing Montgomery // URL: <http://www.babyproofingmontgomery.com/services> [Дата посещения: 29.09.2016].

Benasich A, Brooks-Gunn J. 1996. Maternal attitudes and knowledge of child-rearing: Associations with family and child outcomes // *Child Development*. Number 67. P. 1186–1205.

Bruno V. 2015. *Personhood & Parenthood: an experiential account of balance & well-being*. Dissertation presented to the faculty of Antioch University Santa Barbara in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of psychology in clinical psychology. 137 p.

Bugental B, Happaney K. 2002. Parental attributions // Bornstein MH, editor. *Handbook of parenting: Vol. 3. Status and social conditions of parenting*. 2nd ed. Erlbaum; Mahwah, NJ. P. 509–535.

Caughy O., Miller T., Genevro L., Huang K., Nautiyal C. 2003. The effects of Healthy Steps on discipline strategies of parents of young children // *Journal of Applied Developmental Psychology*. Number 24(5). P. 517–534.

Children's hospital of Chicago. Lurie Children's Gender and Sex Development Program. URL: <https://www.luriechildrens.org/en-us/care-services/specialties-services/gender-program/Pages/index.aspx> [Дата посещения: 04.10.2016].

Chung-un C. 2016. Parental competition, anxiety over future drive kids market // *The Korea Herald*. April 29.

Delahunt J., Hayley D., Kennedy J., Hilton J., Young H., Chaudhri O., Elston M. 2016. Specialist services for management of individuals identifying as transgender in New Zealand // *The New Zealand Medical Journal*. V. 129. № 1434. P. 49–58.

Dichtelmiller M, Meisels SJ, Plunkett JW, Bozynski MA, Claflin C, Mangelsdorf SC. 1992. The relationship of parental knowledge to the development of extremely low birth weight infants // *Journal of Early Intervention*. № 16. P. 210–220.

Doherty G., Lero D., Goelman H., LaGrange A., Tougas J. 2000. You bet I care! A Canada-wide study on wages, working conditions, and practices in child care centres. Centre for Families, Work and Well-Being, University of Guelph, Ontario. 282 p.

Fuss J., Auer M., Briken P. 2015. Gender dysphoria in children and adolescents: a review of recent research // Current Opinion in Psychiatry. Number 28(6). P. 430–434.

Gender Reassignment Health Services for Trans People within New Zealand. 2012. Good Practice Guide for Health Professionals. Wellington // Gender Therapists. URL: <http://www.lauras-playground.com/gender-therapists> [Дата посещения: 04.10.2016].

Mainiero A., Sullivan E. 2005. Kaleidoscope careers: An alternate explanation for the “opt-out” revolution // Academy of Management Executive. № 19 (1). P. 106–123.

Malone R. 2006. Q and A: Beyond Outsourcing to Smartsourcing https://www.forbes.com/2006/08/11/smartsourcing-outsourcing-business-improvement-cx_rm_0811smart.html [Дата посещения: 29.11.2016].

National Child Care Info & Technical Assistance Centre. 2010. United States child care statistics for the National center for education statistics of National household education survey and the National survey of America’s families.

National Institute of Child Health and Human Development by Eunice Kennedy Shriver. 2006. The NICHD Study of Early Child Care and Youth Development (SECCYD). Findings for Children up to Age 4S Years. Washington, DC: U.S. Government Printing Office. 43 p.

Global Trust in Advertising report “Global Trust in Advertising. Winning Strategies for an Evolving Media Landscape” // The Nielsen Company, 2015. 20 p.

Senders Pediatrics // Parent coaching. URL: <https://www.senderspediatrics.com/services/parent-coaching> [Дата посещения: 03.10.2016].

Simons L., Leibowitz S., Hidalgo M. 2014. Understanding Gender Variance in Children and Adolescents // Pediatric Annals. V. 43. Issue 6. P. 126–131.

Simply Supper Cooking Station // Simply Supper. URL: <http://www.simplysupper.ca> [Дата посещения: 03.10.2016].

Stoiber C, Houghton G. 1993. The relationship of adolescent mothers’ expectations, knowledge and beliefs to their young children’s coping behavior // Infant Mental Health Journal. № 14. P. 61–79.

US Bureau of Labour Statistics. Employment Characteristics of Families. 2012 // URL: <http://www.bls.gov/news.release/famee.toc.htm> [Дата посещения: 29.09.2016].

Weis F. Parent, coach and educator. Working with parents of teens and young adults. URL: <http://www.fernweis.com/> [Дата посещения: 04.10.2016].

World Professional Association for Transgender Health // World Professional Association for Transgender Health. URL: <http://www.wpath.org> [Дата посещения: 04.10.2016].

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.454

Modern Tendencies for the Development of the Family Services Market. Analyzing Russian and Foreign Practices

Korenkova Marianna Maksimovna

Senior lecturer, Department of Literature and Cross-Cultural Communication, Nizhniy Novgorod Branch of the State Research University Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia. E-mail: mkorenkova@hse.ru

Abstract. This article's main focus is a certain matter, namely – the uprising of a market for services which replace or supplement those functions which are traditionally carried out by families. This article analyzes popular scientific articles, internet-forums, and service offers on the internet which have to do with maternity and the upbringing of children, the main objective being identifying instances of paid assistance for families on behalf of outside experts, as well as methods of stimulating the consumption of such assistance. Creating motivation for passing functions such as child upbringing and care to outside experts, as well as the availability of resources in the form of commercial offers, leads to the formation of a market for family services in Russia and abroad. The author attempts to identify and evaluate new paid services which did not exist prior or existed in other forms, offered to families who are the target commercial audience, with said services leading to the commercialization of family functions and the outsourcing of traditional parental practices to outside experts.

Keywords: family services market, social roles, paid household services, outsourcing, parenting, modern family.

Reference

Assonova E. Novye cennosti v detsko-roditel'skih otnoshenijah [New Values in Child-Parent Relations]. Pro&Contra, 2010, vol. 14, no 1–2, pp. 78–93.

Aydinova A., Popova A. S. Issledovanie processov formirovaniya, funkcionirovaniya i razvitija rynka uslug [Research of Processes of Formation, Functioning and Development of the Market of Services]. Terra Economicus, 2009, Vol. 7, no 4, Ch. 3, pp. 161–164.

Baby Proofing Montgomery. The Website. URL: <http://www.babyproofingmontgomery.com/services> [date of visit: 29.09.16].

Benasich A., Brooks-Gunn J. Maternal attitudes and knowledge of child-rearing: Associations with family and child outcomes. Child Development, 1996, no 67, pp. 1186–1205.

Borovikova L. Problemy sovremennoy sem'i i mir detstva [Problems of the modern family and the world of childhood]. Social'noe obsluzhivanie semey i detey: nauchno-metodichesky sbornik. Saint-Petersburg, Gorodskoy informacionno-metodichesky centr «Sem'ja», 2014, pp. 14–28.

Bruno V. Personhood & Parenthood: an experiential account of balance & well-being. Dissertation presented to the faculty of Antioch University Santa Barbara in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of psychology in clinical psychology. 2015. 137 p.

Bugental B., Happaney K. Parental attributions. Ed. by M. H. Bornstein. Handbook of parenting, Vol. 3. Status and social conditions of parenting. Sec. ed. Erlbaum, Mahwah, New Jersey, 2002, pp. 509–535.

Caughy O., Miller T., Genevro L., Huang K., Nautiyal C. The effects of Healthy Steps on discipline strategies of parents of young children. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2003, no 24 (5), pp. 517–534.

Celuyko V. M. *Vy i vashi deti. Psihologija sem'i [You and Your Family. Philosophy of Family]*. Rostov-na-Donu, Fenix, 2004. 283 p.

Children's hospital of Chicago. Lurie Children's Gender and Sex Development Program. The website. URL: <https://www.luriechildrens.org/en-us/care-services/specialties-services/gender-program/Pages/index.aspx> [date of visit: 04.10.2016].

Chung-un C. Parental competition, anxiety over future drive kids market. *The Korea Herald*. 2016. April 29.

Delahunt J., Hayley D., Kennedy J., Hilton J., Young H., Chaudhri O., Elston M. Specialist services for management of individuals identifying as transgender in New Zealand. *The New Zealand Medical Journal*, 2016, Vol. 129, no 1434, pp. 49–58.

Dichtelmiller M., Meisels S.J., Plunkett J., Bozynski M.A., Claflin C., Mangelsdorf S.C. The relationship of parental knowledge to the development of extremely low birth weight infants. *Journal of Early Intervention*, 1992, no 16, pp. 210–220.

Doherty G., Lero D., Goelman H., LaGrange A., Tougas J. *You bet I care! A Canada-wide study on wages, working conditions, and practices in child care centres*. Centre for Families, Work and Well-Being, University of Guelph, Ontario, 2000. 282 p.

Drobysheva T. V., Romanovskaja M. A. *Sovremennaja niania v rossiyskoy sem'e: najomny rabotnik ili chlen sem'i? [A Modern Childminder in a Russian Family: a Hired Worker or a Member of the Family?]* *Sem'ia, brak i roditel'stvo v sovremennoy Rossii*. Moscow, Kogito-Centr, 2014, pp. 79–82.

Dushkina M. *Modeli kommunikativnogo vozdeystviya v marketing [Models of Communicative Impact in Marketing]*. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2010, no 4, pp. 67–73.

Fuss J., Auer M., Briken P. Gender dysphoria in children and adolescents: a review of recent research. *Current Opinion in Psychiatry*, 2015, no 28 (6), pp. 430–434.

Gender Reassignment Health Services for Trans People within New Zealand. Good Practice Guide for Health Professionals. Wellington, 2012. Gender Therapists. The website. URL: <http://www.lauras-playground.com/gender-therapists> [date of visit: 04.10.2016].

Global Trust in Advertising report “Global Trust in Advertising. Winning Strategies for an Evolving Media Landscape”. The Nielsen Company, 2015. 20 p.

Huxley A. *O divny novy mir [Oh, Brave New World]*. Moscow, AST, 2013. 541 p.

Ishembitova Z. G. *Problemy vospitaniya detey v sem'e v usloviyah globalizatsii obschestva [Problems of Upbringing Children in the Family in the Context of Globalization of Society]*. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2014, Vol. 19, no 2, pp. 682–702.

Korenkova M. M. *Vyzovy semeynoy socializatsii i processov social'nogo stanovleniya lichnosti v ramkah neuklonnoy modernizatsii rossiyskogo mentaliteta [Challenges of Family Socialization and the Processes of Social Formation of the Individual within the Framework of the Steady Modernization of the Russian Mentality]*. *Rossiyskoe sociologicheskoe soobshchestvo: istoriya, sovremennost', mesto v mirovoy nauke (k 100-letiju Russkogo sociologicheskogo obschestva imeni M. M. Kovalevskogo)*. Saint-Petersburg, Skafija-print, 2016, pp. 225–227.

Mainiero A., Sullivan E. *Kaleidoscope careers: An alternate explanation for the “opt-out” revolution*. *Academy of Management Executive*, 2005, no 19 (1), pp. 106–123.

Malone R. Q. and A: *Beyond Outsourcing to Smartsourcing*. The Forbes Official website. Release 11.08.06. URL: https://www.forbes.com/2006/08/11/smartsourcing-outsourcing-business-improvement-cx_rm_0811smart.html 2006 [date of visit: 29.11.2016].

Mashinistova N. V. Istorija stanovlenija dopolnitel'nogo obrazovanija detey v Rossii [The History of the Formation of Additional Education for Children in Russia]. Problemy i perspektivy razvitiya obrazovanija: Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Perm, Mercury, 2012, pp. 38–42.

Mel'nikov A. Mnogoobrazie polov. Zachem vvodit' 58 variantov gendernoy prinadlezhnosti [The Variety of Sexes. Why Introduce 58 Gender Variants]. Argumenty I Fauty, 2014, no 9.

National Child Care Info & Technical Assistance Centre. United States child care statistics for the National center for education statistics of National household education survey and the National survey of America's families, 2010.

National Institute of Child Health and Human Development by Eunice Kennedy Shriver. The NICHD Study of Early Child Care and Youth Development (SECCYD). Findings for Children up to Age 4S Years. Washington, DC, U.S. Government Printing Office, 2006. 43 p.

Nikolskaja G. Sem'ja v uslovijah postindustrial'nogo obschestva (na primere SSA) [Family in the Conditions of a Post-Industrial Society (on an example of the USA)]. Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija, 2006, no 8, pp. 71–80.

Rozen E. Anatomija sarafannogo marketinga [Anatomy of Word of Mouth Marketing]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 416 p.

Senders Pediatrics. Parent coaching. The website. URL: <https://www.senderspediatrics.com/services/parent-coaching> [date of visit: 03.10.2016].

Shul'ga P. Vunderkind po zakazu. Chto dajut detiam chastnye razvivajushhie centry? [The Prodigy is Commissioned. What do Private Development Centers Give Children?]. AiF-Altay, 2014, no 9.

Simons L., Leibowitz S., Hidalgo M. Understanding Gender Variance in Children and Adolescents. Pediatric Annals, 2014, Vol. 43, Issue 6, pp. 126–131.

Simply Supper Cooking Station. Simply Supper. The website. URL: <http://www.simplysupper.ca> [date of visit: 03.10.2016].

Stoiber C., Houghton G. The relationship of adolescent mothers' expectations, knowledge and beliefs to their young children's coping behavior. Infant Mental Health Journal, 1993, no 14, pp. 61–79.

US Bureau of Labour Statistics. Employment Characteristics of Families, 2012. The Official website. URL: <http://www.bls.gov/news.release/famee.toc.htm> [date of visit: 29.09.2016].

Weis F. Parent, coach and educator. Working with parents of teens and young adults. The Personal website. URL: <http://www.fernweis.com> [date of visit: 04.10.2016].

World Professional Association for Transgender Health. World Professional Association for Transgender Health. The Official website. URL: <http://www.wpath.org> [date of visit: 04.10.2016].

Детский-отель.пф. The Official website. URL: <http://xn----gtbdbngfmzzkg6k.xn--p1ai> [date of visit: 29.09.16].

Социальные процессы в регионах России

Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса

Волков Юрий Григорьевич –
заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
директор Южнороссийского филиала Института
социологии Российской академии наук,
Ростов-на-Дону

E-mail: infoippk@sfedu.ru

Бинеева Наталья Камильевна –
кандидат социологических наук, доцент,
Южнороссийский филиал Института социологии
Российской академии наук, Ростов-на-Дону

E-mail: n.bineeva@gmail.com

Посухова Оксана Юрьевна –
кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону

E-mail: belloks@yandex.ru

Сериков Антон Владимирович –
кандидат социологических наук, доцент,
Южнороссийский филиал Института социологии
Российской академии наук, Ростов-на-Дону

E-mail: aserikov@inbox.ru

Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.456

Аннотация. В статье рассмотрены социальные настроения жителей Ростовской области в условиях кризиса 2016 г. на основе анализа их социально-психологического самочувствия, ожиданий и оценок, описаны основные адаптационные практики, а также определены гендерный аспект и региональная специфика в проявлениях социальных настроений и адаптационных практик. По выделенным в методике исследования параметрам проведён анализ полученных результатов, обозначены основные характеристики социально-экономической ситуации в регионе, отражена динамика представлений жителей региона в отношении жизненно важных сфер повседневной реальности. Основные положения статьи базируются на материалах социологического исследования, проведённого в Ростовской области в 2016 г. Южнороссийским филиалом ИС РАН в рамках научного проекта «Повседневная реальность в условиях кризиса», реализуемого институтом при поддержке Российского научного фонда. Исследование проведено по методике, разработанной учёными ИС РАН, и по ряду тематических блоков результаты приводятся в сопоставлении с общероссийскими данными.

Ключевые слова: повседневная реальность, социальное настроение, адаптивные практики, социально-экономический кризис

Постановка проблемы

Российские социологи на протяжении последних лет фиксируют в общественном сознании россиян отражение продолжающегося экономического кризиса, последствий санкционного режима и усложнившихся отношений со странами Запада. Неустойчивое экономическое положение большинства россиян, ухудшение их материального положения, рост безработицы и инфляция в сочетании с низким уровнем доверия органам власти влияют на изменения социальных настроений населения, приводят к локализации потенциального социального напряжения и недовольства. Результаты общероссийского социологического мониторинга ИС РАН, прове-

дённому в 2014–16 гг., фиксируют доминирующее среди большинства населения мнение о напряжённой ситуации в стране и констатируют, что большинство россиян ощущают влияние изменившихся экономических условий [Горшков 2016: 154]. Региональные исследования в целом коррелируют с общероссийскими результатами, но в них фиксируются не только сходства, но и отличия от общероссийских тенденций по проблемам жизненных ориентиров населения [Посухова, Сериков 2016] и бедности в изменившихся экономических условиях [Посухова, Сериков 2014].

На фоне признания социально-экономического кризиса в стране российские социологи отмечают тенденции ухудшения социально-экономического положения, увеличения численности населения, находящегося в «зоне риска», оценивают происходящие перемены [Лежнина 2016]. Не менее важным представляется анализ возможных сценариев поведения населения, изучение основных адаптационных стратегий и социальных ресурсов, используемых россиянами в условиях кризиса [Тихонова, Каравай 2016]. Экономия как доминирующая адаптационная стратегия характеризуется выходом за рамки потребительских расходов и охватывает сферу инвестиций в человеческий капитал [Горшков 2017]. В рамках региональных исследований социологи отмечают ухудшение социально-психологического самочувствия населения [Каминский 2016], в том числе представителей старшего поколения [Бутуева 2016], анализируют положение бедного населения в контексте социального неравенства, изучают влияние бедности на восприятие человеческого капитала [Кошарная, Каримова 2016] и on-line поведение в условиях кризиса [Садчикова, Андреева 2016].

В рамках исследований, проведённых в 2016 г., учитывался социальный контекст как фактор, определяющий дальнейшее развитие социальных, политических, экономических, этнорелигиозных и культурных процессов и их возможные результаты. Формирование проблематики социального контекста определяется индивидуальными факторами объективного (пол, возраст, место проживания) и субъективного (ценности, мотивы, убеждения) характера, комбинация которых в сочетании с социальным опытом и жизненными целями составляют основу настроений человека. Социально-психологическое самочувствие, восприятие массовым сознанием перемен, их оценка и ожидания являются важными составляющими социального настроения, которое как доминантная форма общественного сознания и поведения отражает эмоционально-рациональное восприятие населением социальной реальности, в том числе социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием социальных процессов [Тощенко 1998].

Современная реальность, в которой индивидуальное приобретает всё большую значимость, делает индивида активным субъектом социальной жизни, обладающим преобразовательным социальным потенциалом. Поэтому важно изучать и учитывать не только структурную композицию социальных систем, но и представления о внешнем мире, рациональные и эмоциональные оценки общественной жизни, регулирующие поступки, действия людей и социальных групп. Социальные настроения могут рассматриваться в качестве обобщающей характеристики совокупности оценок, по которым можно судить о степени зрелости, развития и готовности людей к действиям, реализации практик, конструирующих социальную реальность.

Интегративный характер социальных теорий (теория структуризации, структуралистский конструктивизм), использованных при проведении анализа региональной повседневности, позволил актуализировать вопрос о социальных настроениях населения, определяющих содержание и вектор происходящих в обществе изменений, изучить адаптивные практики, предоставляющие жителям региона возможность встраиваться в динамичную социальную реальность и участвовать в конструировании макросоциальных процессов.

Материалы статьи основаны на результатах эмпирического социологического исследования «Повседневная реальность в условиях кризиса в Ростовской области», проведённого Южнороссийским филиалом ИС РАН в 2016 г. В рамках исследовательского проекта был опрошен 851 человек. Репрезентативность проводимых исследовательских процедур обеспечивалась за счёт разработки и реализации многоступенчатой стратифицированной выборки (тип поселения, территория поселения, пол респондента, возрастная подгруппа, уровень образования, социально-профессиональный статус, социально-экономический статус), апробированной в предыдущих исследованиях ЮРФИС РАН. Объектом исследования являлось население в возрасте от 18 лет, постоянно проживающее на территории Ростовской области. Территориальная выборка включала в себя 10 городских и 8 сельских территорий.

Основные задачи, реализованные в рамках исследования, включали изучение социальных настроений жителей Ростовской области через анализ их социально-психологического самочувствия, ожиданий и оценок; выявление основных адаптационных практик, применяемых населением в регионе, а также поиск гендерной и региональной специфики в настроениях и практиках жителей области.

Выбирая в качестве объекта исследовательского внимания социальные настроения и практики жителей Ростовской области, необходимо обратиться к анализу структурных компо-

Современная реальность, в которой индивидуальное приобретает всё большую значимость, делает индивида активным субъектом социальной жизни, обладающим преобразовательным социальным потенциалом.

нентов социальной жизни, влияющих на их характер и динамику в силу интегративного характера макро- и микроуровневой социальной жизни.

Экономическая ситуация в Ростовской области в цифрах Росстата

Социально-экономическая сфера российского общества как одна из ключевых в формировании социальной повседневности на протяжении последних лет характеризуется состоянием кризиса, что подтверждают данные официальной статистики, и Ростовская область, хоть и имеет региональные особенности, не является исключением.

На протяжении 2016 г. в Ростовской области сохраняется тенденция снижения численности населения: за период с января по октябрь 2016 г. число умерших превысило число родившихся в 1,2 раза [Социально-экономическое развитие...2016: 92]. Миграционная убыль из Ростовской области в другие регионы России составила в 2015 г. 7093 чел. (за 2014 г. – 1862 чел.). В настоящее время сохраняется активный приграничный миграционный обмен Ростовской области с юго-восточными районами Украины. Однако этот процесс утратил стрессовый характер, закрыты пункты временного размещения беженцев [Межэтнические отношения...2016: 65–66]. Если Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала численность в 4284,8 тыс. чел., то на 01.01.2016 г. это число сократилось на 58,8 тыс. чел. и составило 4236,0 тыс. чел. [Социально-экономическое развитие...2016: 93].

Статистика фиксирует и снижение уровня жизни населения области. Так, по данным Росстата по Ростовской области, в структуре денежных доходов жителей за последние годы снизилась доля доходов от предпринимательской деятельности (11,0% в 2012 г. до 9,9% в 2015 г.) и оплаты труда (с 30,8 до 26,6% соответственно).

По оценке Департамента потребительского рынка Администрации РО, на протяжении 2016 г. сохраняется тенденция замедления темпов за январь-декабрь **продовольственной инфляции**, которая составила 105,1% против 119,6 % в январе-декабре 2015 г. В соответствии со статистическими данными, в течение года наблюдался рост заработной платы по всем видам деятельности. Однако реальные денежные доходы населения области снизились на 3,8% (в России в среднем на 5,3%). Данную ситуацию можно объяснить ростом потребительских цен на продукты питания, товары и услуги. Индекс потребительских цен в ноябре 2016 г. составил 104,7% к декабрю 2015 г. против 111,5% в 2015 г. Цены на продовольственные товары выросли на 3,2% [Подведены итоги...].

На протяжении 2016 г. в Ростовской области сохраняется тенденция снижения численности населения: за период с января по октябрь 2016 г. число умерших превысило число родившихся в 1,2 раза.

В структуре денежных доходов жителей за последние годы снизилась доля доходов от предпринимательской деятельности (11,0% в 2012 г. до 9,9% в 2015 г.) и оплаты труда (с 30,8 до 26,6% соответственно).

Стоимость условного минимального набора продуктов питания в Ростовской области на одного человека за год выросла на 7,6% и составила 3386,7 руб. Население Ростовской области реализует экономическую модель потребления, т. е. предпочитает покупать товары и услуги с минимальным ценовым индексом.

О снижении уровня жизни косвенно свидетельствует падение оборота розничной торговли на 3,4%, общественного питания – на 4,7%. За 2016 г. наблюдалась тенденция сокращения численности занятых на предприятиях основных сфер занятости. В наибольшей степени эта тенденция проявилась на строительных предприятиях (снижение численности занятых на 10,8%), в сфере добычи полезных ископаемых (на 9,1%). По состоянию на 1.12.2016 г. численность безработных составила 16,8 тыс., т. е. уровень безработицы равнялся 0,8% (в среднем по России – 1,1%) [Территориальный орган...]. Совокупность этих показателей подтверждает негативные тенденции в социально-экономическом положении жителей донского региона.

Социально-психологическое самочувствие и ожидания жителей

Проведённое в 2016 г. социологическое исследование по изучению повседневности жителей Ростовской области позволило зафиксировать повторяющиеся изменения в настроениях людей, интегрирующие основные формы восприятия действительности с позиций определённых мировоззренческих компонентов.

Отношение к действительности определяется повседневной жизнедеятельностью членов общества, а социальное настроение человека складывается из восприятия мира – чувств и эмоций, системы ценностей, убеждений, личностных оценок социального опыта, ожиданий, социальных целей и интересов. Для анализа оценки и отношения к происходящему в обществе не менее важна самооценка личного повседневного эмоционально-психологического состояния.

Полученные в ходе исследования результаты позволили выделить три тенденции в эмоционально-психологическом состоянии жителей Ростовской области: позитивное, негативное и погранично-неопределённое. Позитивное эмоционально-психологическое состояние характерно для 43,7% жителей области, негативное – для 28,5%. Настораживает тот факт, что у трети опрошенных проявилось погранично-неопределённое состояние (27,8%). Фиксируемая нестабильность определяет значимость ситуационного фактора, который в данной амбивалентной группе может спровоцировать непредсказу-

Население Ростовской области реализует экономическую модель потребления, т. е. предпочитает покупать товары и услуги с минимальным ценовым индексом.

Позитивное эмоционально-психологическое состояние характерно для 43,7% жителей области, негативное – для 28,5%; у трети опрошенных проявилось погранично-неопределённое состояние (27,8%).

емое поведение. В позитивном эмоционально-психологическом состоянии жители области в целом соответствуют общероссийской тенденции, при этом «негативное» состояние характеризуется рядом региональных отличий (см. таблицу 1).

Таблица 1

Самооценка жителями области и россиянами
личного повседневного эмоционально-психологического состояния, %

Эмоционально-психологическое состояние	Жители Ростовской области		Россияне в целом
	2015	2016	2016
Позитивное	-	43,7	47
Ощущаю эмоциональный подъём	10,2	4,1	4
Чувствую себя спокойно, уравновешенно	46,5	39,6	43
Негативное	-	28,5	53
Ощущаю тревогу	15,3	12,3	29
Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	8,9	4,8	12
Раздражённость, озлобленность, агрессия	19,1	7,4	12
Погранично-неопределённое (когда как, бывает по-разному)	-	27,8	-

Принципиальных различий в социально-психологическом состоянии мужчин и женщин исследование не обнаружило, за исключением того, что среди мужчин больше тех, кто в современных условиях чувствует себя более спокойно (43,5% мужчин против 36,3% женщин) и меньше испытывает тревогу (12,9 и 19,2% соответственно). Тревожность женщин, вызванная социально-политической реальностью (женщин, считающих, что «напряжение в обществе существенно возрастает», в 3 раза больше, чем мужчин) сочетается с пессимистичным прогнозом на будущее (34,9% женщин считают, что ситуация с их материальным положением скорее ухудшится). При этом индивидуальные стратегии женщин, существенно не отличаясь от мужских, характеризуются большей активностью и решительностью: только 0,9% женщин готовы ничего не предпринимать в случае ухудшения ситуации (против 10,5% мужчин) и в меньшей степени склонны к депрессии и апатии (3,4 против 6,5% мужчин) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Как бы Вы охарактеризовали своё обычное,
повседневное эмоционально-психологическое состояние? %

Эмоционально-психологическое состояние	Мужчины	Женщины
Ощущаю эмоциональный подъём	5,6	2,7
Чувствую себя спокойно, уравновешенно	43,5	36,3
Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	6,5	3,4

Продолжение таблицы 2

Эмоционально-психологическое состояние	Мужчины	Женщины
Ощущаю тревогу	12,9	19,2
Чувствую раздражение	4,8	6,2
Ощущаю чувство озлобленности	1,6	0,7
Ощущаю чувство агрессии	0,8	0,7
Когда как, бывает по-разному	24,2	30,8

На фоне выделенных трёх доминирующих тенденций личного повседневного эмоционально-психологического состояния жителей области интерес представляет их оценка ситуации в стране и тех перемен, которые произошли в России.

Сравнение ответов на эти вопросы позволяет отметить некоторое несоответствие между численностью отмечающих положительные изменения в стране (в общей сложности их 35,4%) и находящихся в состоянии эмоционального подъёма, чувствующих себя спокойно и уравновешенно (43,7%). При этом перемены к худшему чувствуют и замечают в общем 53,9%, а в негативном социально-психологическом состоянии находятся только 28,5%. Такое количественное распределение может подтверждать предположение о негативном потенциале выбравших вариант ответа о «погранично-неопределённом» социально-психологическом состоянии и указывать на возможность их непредсказуемого поведения (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос об оценке перемен, произошедших в России за последний год, %

Перемены	2015	2016	Мужчины	Женщины
Произошли значительные перемены к лучшему	10,2	4,8	7,3	2,7
Произошли некоторые перемены к лучшему	25,5	30,6	28,2	32,7
Произошли некоторые перемены к худшему	30,6	36,9	35,5	38,1
Произошли значительные перемены к худшему	22,3	17,0	13,7	19,7
Никаких перемен не произошло	11,5	10,7	15,3	6,8

Как видно из распределений, доминирующая тенденция в ответах жителей Ростовской области – это оценка перемен к худшему.

Ситуацию в России как напряжённую и кризисную оценивают более половины (63%) опрошенных жителей Ростовской области. Как нормальная и спокойная ситуация воспринимается практически третью (28,5%) респонден-

Ситуацию в России как напряжённую и кризисную оценивают более половины (63%) опрошенных жителей Ростовской области.

тов. И только 3,3% воспринимают её как катастрофическую, что даже меньше численности тех, кто затруднились с ответом (5,2% опрошенных) (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Распределения ответов на вопрос
об оценке нынешней ситуации в России в целом, %**

Нынешняя ситуация	2015	2016	Мужчины	Женщины
Ситуация нормальная, спокойная	27,4	28,5	31,7	25,9
Ситуация напряжённая, кризисная	53,5	63,0	59,3	66,0
Ситуация катастрофическая	7,6	3,3	4,1	2,7
Затрудняюсь ответить	11,5	5,2	4,9	5,4

Зафиксированными негативными тенденциями как в эмоционально-психологическом плане, так и при оценке перемен и сложившейся ситуации в России, объясняются и ответы на вопрос о перспективах развития России в целом. Практически 40% респондентов считают, что в ближайший год в России принципиально ничего не изменится. В сочетании с ответом на вопрос о переменах в текущем году это актуализирует проблему социального оптимизма, характерного для жителей региона: только 10,7% отметили, что никаких перемен не произошло, зато 39,4% верят в то, что в следующем году ничего не изменится. Для трети жителей области (31,6%) Россия будет развиваться успешно. Практически столько же – 29% уверены в том, что наступят трудные времена. По сравнению с ситуацией 2014 г., данные настроения выглядят более оптимистично: основная доля (почти половина – 48%) опрошенных считали, что страну ожидают трудные времена.

Анализ распределения ответов по гендерному признаку показал, что мужчины несколько оптимистичнее смотрят на перспективы развития страны и проявляют большую склонность к социальному оптимизму в целом, нежели женщины (см. таблицу 5).

Таблица 5

Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год? %

Перспективы развития России	Мужчины	Женщины
Россия будет развиваться успешно	33,3	30,1
Для России наступят трудные времена	23,6	33,6
В России ничего принципиально не изменится	43,1	36,3

Оптимизм, присущий мужской части жителей области, и женский пессимизм относительно будущего страны сказываются и на восприятии степени напряжённости, фиксируемой в обществе. По мнению почти половины опрошенных

Мужчины несколько оптимистичнее смотрят на перспективы развития страны и проявляют большую склонность к социальному оптимизму в целом, нежели женщины.

мужчин (46,3%), напряжение в обществе немного возрастает; 29,3% считают что ситуация остаётся такой же, как и была, а для 13,8% напряжение в обществе снижается.

Среди женщин также доминирует мнение о том, что напряжение в обществе немного возрастает (32,7%), но уже распределение ответов по остальным позициям несколько отличается: 23,1% женщин считают, что напряжение существенно возрастает (у мужчин этой позиции придерживаются только 7,3%). А вот полностью оптимистические прогнозы относительно существенного снижения напряжения в российском обществе занимают последнюю позицию, и её придерживаются всего лишь 3,3% мужчин и 5,4% женщин (см. таблицу 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос
о возрастании/снижении напряжения в обществе, %

Напряжение в обществе	Мужчины	Женщины
Напряжение в обществе существенно снижается	3,3	5,4
Напряжение в обществе немного снижается	13,8	22,4
Напряжение немного возрастает	46,3	32,7
Напряжение существенно возрастает	7,3	23,1
Ситуация в обществе остаётся такой же, как и была раньше	29,3	16,3

В целом массовые ожидания жителей Ростовской области можно охарактеризовать как тревожные, т. к. почти 40% опрошенных считают, что напряжение в обществе возрастает.

Примечательно, что оценка психологического состояния ближайшего окружения респондентов коррелируют и с их оценкой динамики напряжённости в обществе в целом (см. таблицу 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос
о возрастании/снижении напряжения в обществе,
% по Ростовской области в целом

Напряжение в обществе	2015	2016
Напряжение в обществе существенно снижается	3,2	4,4
Напряжение в обществе немного снижается	20,9	18,5
Напряжение немного возрастает	43,0	38,9
Напряжение существенно возрастает	19,6	15,9
Ситуация в обществе остаётся такой же, как и была раньше	13,3	22,2

Большинство респондентов, не видя особо катастрофических последствий, отмечают, тем не менее, небольшой рост напряжённости. Это коррелирует с остальными

разделами исследования. Общество, пусть и медленно, но всё в большем масштабе начинает ощущать тревогу за своё будущее. В общей сложности только 22,9% в целом по массиву опрошенных в Ростовской области говорят о снижении в обществе напряжённости, причём примерно пятая их часть (18,5%) акцентируют внимание на незначительном её снижении. Примечательно, что практически столько же респондентов (около 16%) ощущают существенный рост напряжённости. Таким образом, чуть менее половины респондентов, причём в равной пропорции, имеют диаметрально противоположные оценки относительно качественной динамики напряжённости в обществе. Стоит признать, что те, кто рационально воспринимают реальность долгого и системного кризиса, более адекватны в своих оценках, однако оптимистично настроенные граждане могут создавать тот моральный фон в обществе, который способствует преодолению объективно существующих трудностей и поддержанию социальной и политической стабильности. Однако число таких граждан снижается.

Оценки и адапционные стратегии жителей в условиях кризиса

В сложившейся ситуации интерес представляют мнения об угрозах для России, точнее – об их источниках. И, несмотря на фиксируемый высокий уровень недоверия к российской общественно-политической системе, практически для половины респондентов (49,3%) «основные угрозы исходят из-за рубежа». Только треть жителей области (33,3%) считают, что «основные угрозы находятся внутри страны»; 17,4% затруднились с ответом. В целом это соответствует общероссийской тенденции, при которой 71% опрошенных считают, что угрозы исходят из-за рубежа, а 29% видят угрозы внутри страны.

Но однозначно интерпретируемых оснований для этих внешних угроз в массовом сознании не присутствует. Это касается как вопросов международной политики, так и внутривнутриполитических процессов. Так, например, по мнению половины опрошенных (50,7%), военные конфликты с ближайшими соседями возможны, но маловероятны. Межэтнические и межконфессиональные конфликты возможны, но маловероятны для 52,3% опрошенных, так же как и война со странами Запада (40,5%). Практически нереальными видятся следующие события: потеря государственного суверенитета России (81,2%); распад России на несколько самостоятельных государств (72,6%); гражданская война (70,3%); диктатура и массовые репрессии в стране (64,9%); раскол элиты, «дворцовый переворот» (63,4%); социальный взрыв, революция (57,9%).

Практически для половины респондентов (49,3%) «основные угрозы исходят из-за рубежа». Только треть жителей области (33,3%) считают, что «основные угрозы находятся внутри страны».

В коллективных представлениях жителей Ростовской области такая интерпретация вероятности событий соответствует общероссийским тенденциям (см. таблицу 8).

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос
о степени вероятности различных событий в России,
% по Ростовской области**

События	Вполне реально	Возможно, но маловероятно	Практически нереально
Военные конфликты с ближайшими соседями (Украина, Турция, страны Балтии и т. д.)	26,1	50,7	23,1
Распад России на несколько самостоятельных государств	6,0	21,4	72,6
Гражданская война	9,8	19,9	70,3
Социальный взрыв, революция	10,9	31,2	57,9
Межэтнические и межконфессиональные конфликты	19,9	52,3	27,8
Раскол элиты, «дворцовый переворот»	8,3	28,3	63,4
Война со странами Запада	19,7	40,5	39,8
Потеря государственного суверенитета России, введение «внешнего» управления со стороны США и стран Запада	5,6	13,2	81,2
Диктатура, массовые репрессии в стране	10,9	24,2	64,9

Несмотря на зафиксированный пессимизм относительно ситуации в стране и перспектив развития нашего общества, существует ряд значимых событий, которые, по мнению опрошенных, необходимо оценить и проанализировать их влияние на жизнь страны. Положительно оцениваются политические действия руководства, направленные на укрепление геополитического статуса страны: воссоединение Крыма с Россией, участие России в бомбардировках ИГИЛ в Сирии, реакция российского руководства на действия турецких ВВС, сбивших российский самолёт. Положительно оценивают респонденты и решение о запрете на владение собственностью и счётами за рубежом депутатам и крупным чиновникам.

Но есть события, которые, по мнению респондентов, ухудшили положение страны: действия российского руководства по урегулированию ситуации на юго-востоке Украины, снижение цен на нефть, снижение курса рубля по отношению к доллару и евро, экономические и политические санкции стран Запада, ответные российские санкции. Среди полити-

Положительно оцениваются политические действия руководства, направленные на укрепление геополитического статуса страны: воссоединение Крыма с Россией, участие России в бомбардировках ИГИЛ в Сирии, реакция российского руководства на действия турецких ВВС, сбивших российский самолёт.

ческих и экономических институтов, деятельность которых либо положительно, либо отрицательно (как правило, деятельность в сфере экономической подсистемы) сказалась на жизни страны в прошедший период, только РПЦ никак не повлияла на политическую и общественную жизнь страны (см. таблицу 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос об отношении респондентов к некоторым социальным и политическим событиям, %

События	Это событие повлияло на жизнь страны		Это событие никак не повлияло на жизнь страны
	В лучшую сторону	В худшую сторону	
Воссоединение Крыма с Россией	64,1	26,3	9,6
Действия российского руководства по урегулированию ситуации на юго-востоке Украины (Донбасс, Луганск)	34,1	54,7	11,2
Участие России в бомбардировках объектов террористической организации ИГИЛ в Сирии	46,3	29,5	24,3
Реакция российского руководства на действия турецких военно-воздушных сил, сбивших российский самолет	43,6	29,7	26,7
Запрет депутатам и крупным чиновникам владеть счетами и собственностью за рубежом	57,7	7,5	34,8
Снижение цен на нефть	10,1	83,9	6,0
Снижение курса рубля по отношению к доллару и евро	6,3	86,2	7,4
Экономические и политические санкции, введенные против России странами Запада	17,2	65,9	16,9
Ответные санкции, введенные Россией против европейских стран и США	33,3	40,1	26,6
Активизация участия Русской православной церкви в политической и общественной жизни	27,0	20,6	52,4

Более детально негативные ожидания от процессов, происходящих в обществе, видны в приведенной ниже таблице 10. Эти данные необходимо воспринимать как детализацию ответов тех респондентов, которые определили свои ожидания от будущего как тревогу и пессимизм.

Таблица 10

**Процессы, происходящие в стране
и вызывающие наибольшую тревогу, %**

Процессы		Мужчины	Женщины
Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	4,5	5,5	3,8
Быстрое вымирание населения России	2,2	2,8	1,6
Охлаждение отношений России с Западом	5,4	5,2	5,6
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	2,8	2,3	3,2
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	9,2	8,0	10,1
Снижение уровня жизни значительной части населения	10,3	9,8	10,7
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	6,5	5,9	7,1
Рост цен на товары и услуги	14,9	14,6	15,2
Наличие межнациональных противоречий в обществе	2,0	2,1	1,9
Рост алкоголизма, наркомании	3,4	3,2	3,6
Коррупция, засилье бюрократии	8,1	10,5	6,2
Безработица	6,6	5,2	7,8
Рост численности нерусского населения в традиционно русских областях	2,9	2,7	3,2
Рост численности детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей	1,2	1,2	1,2
Рост преступности	1,6	1,6	1,6
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	4,6	5,3	4,0
Возможность новых терактов	2,9	2,8	2,9
Реформирование пенсионной системы, льгот	3,3	2,8	3,8
Сохранение напряжённой ситуации из-за процессов на Украине и вокруг неё	3,3	4,4	2,3
Распространение исламского экстремизма	4,1	3,7	4,3
Другое	0,2	0,2	0,1

Оценка населением Ростовской области уровня материальной обеспеченности, проведённая в конце 2015 г., отражала отрицательные тенденции, которые в настоящий момент

получили дальнейшее развитие. Так, оценка в целом показывала, что к категории «хорошо» материально обеспеченных (здесь понимается весь комплекс материальных благ и жизненных условий в целом) себя отнесли 28,5% респондентов, «удовлетворительно» – 57,6%, «плохо» – 13,9%. При этом по отдельным составляющим материального благополучия оценки респондентов существенно разнятся. Довольно высоко материальное благополучие отражено в ответах респондентов о потреблении базовых товаров: более половины опрошенных считают, что хорошо обеспечены питанием и одеждой (59,9 и 51,6% соответственно). Вселяет оптимизм, что 47,5% опрошенных оценивают состояние своего здоровья как хорошее и 44,3% – как удовлетворительное. Однако это не позволяет делать какие-либо выводы относительно оценки качества и доступности медицинских услуг для населения.

Кроме того, относительно благополучной выглядит оценка возможности удовлетворения базовых жилищных потребностей, а также социальных и духовных запросов более высокого уровня: в образовании и проведении досуга.

Вместе с тем обращает на себя внимание высокая оценка места своего проживания: подавляющее большинство (92,9%) удовлетворены своим регионом, при этом 42,9% дали высокую оценку и только 7,1% – неудовлетворительную. Это свидетельствует о достаточно высоком потенциале регионального и местного патриотизма у населения Ростовской области.

Важным аспектом для определения социальных настроений населения и видимых им перспектив дальнейшего развития ситуации является оценка текущего материального положения, а также его изменения (см. таблицу 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос об оценке изменения материального положения за последний год, %

Изменения материального положения	2015	2016	Мужчины	Женщины
			2016	
Улучшилось	20,9	12,5	13,7	11,6
Ухудшилось	36,7	41,7	37,1	45,6
Осталось без изменений	42,4	45,8	49,2	42,9

Оценка экономических возможностей и предполагаемого изменения уровня благосостояния выглядят, несмотря ни на что, достаточно оптимистично. При условии преобладания респондентов, которые считают, что их материальное положение ухудшилось (41,7%, в т. ч. 37,1% – мужчины, 45,6% – женщины), большая часть опрошенных (45,8%) всё-таки считают, что за последний год произошла стабилизация их материального положения, т. е. оно не изменилось. Примечательно, что в этой группе, равно как и в группе улуч-

Относительно благополучной выглядит оценка возможности удовлетворения базовых жилищных потребностей, а также социальных и духовных запросов более высокого уровня: в образовании и проведении досуга.

Большая часть опрошенных (45,8%) всё-таки считают, что за последний год произошла стабилизация их материального положения.

шивших своё материальное положение, преобладают мужчины (49,2 и 13,7% мужчин в каждой группе против 42,9 и 11,6% женщин соответственно). Такая характеристика материального положения достаточно тревожна, хотя не катастрофична и в условиях кризиса неизбежна.

Ещё менее тревожно выглядят ответы на вопрос о перспективах изменения материального положения респондентов в ближайшем будущем. Так, 71,0% опрошенных считают, что это положение, по крайней мере, не ухудшится, причём мужчины опять оказываются более оптимистичными: 78,0 против 65,0% женщин (см. таблицу 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос об оценке перспектив материального положения на ближайший год, %

Перспективы материального положения		Мужчины	Женщины
Должны улучшиться	31,2	32,5	30,1
Скорее ухудшатся, чем улучшатся	29,0	22,0	34,9
Останутся без изменений	39,8	45,5	34,9

Ростовская область в этом вопросе не показывает расходящейся с общероссийскими данными положительной динамики.

В отношении перспективы потерять работу в будущем оценки респондентов распределились следующим образом (см. таблицу 13).

Таблица 13

Мнения жителей области о вероятности оказаться безработными в ближайший год, %

Мнения жителей	
Это исключено	10,1
Это маловероятно	31,6
Это вполне возможно	29,8
Такая вероятность очень велика	13,3
В настоящее время Вы не работаете	15,2

Несмотря на комплекс принимаемых властями мер и заверения, что массовой безработицы никто не допустит, работающие респонденты, проживающие в Ростовской области, достаточно осторожны в оценках будущих перспектив потерять работу. Только 10,1% опрошенного населения Ростовской области считают, что для них исключена такая возможность. Самая большая группа респондентов (31,6%) уже задумываются над такой перспективой, хотя и считают её маловероятной. Средняя группа респондентов (29,8%) смотрят на ситуацию в сфере занятости ещё более

настороженно, полагая, что вполне вероятно могут в ближайший год потерять работу. Наконец, 13,3% респондентов оценивают вероятность потери работы очень высоко. Можно предположить, что остро ощущаемая опасность потери работы для данной группы занятых респондентов влияет на их оценки происходящих в стране и области событий, а также на формирование ими своих жизненных стратегий. Обнадёживающим фактором является то, что всё-таки данная группа относительно немногочисленна. Однако учитывая, что большинство участников опроса составили лица трудоспособного возраста, и даже делая поправку на небольшое присутствие среди опрошенных учащейся молодёжи и неработающих пенсионеров, достаточно высок (15,2%) удельный вес тех респондентов, которые заявили, что в настоящее время не работают. Эти цифры существенно превышают официальные данные об уровне безработицы в Ростовской области. И сама цифра в 15%, и наличие практически трёхкратного расхождения в официальных и опросных оценках являются очень опасным фактором, способным негативно повлиять на социальное самочувствие жителей относительно благополучного и стабильного региона – Ростовской области.

Если обратить внимание на изменения, произошедшие за последний год в общей оценке основных внутренних процессов, вызывавших наибольшую тревогу, то можно отметить определённую двойственность, переходящую в дезориентацию респондентов (см. таблицу 14).

Таблица 14

События и процессы, вызывающие у россиян тревогу
в 2015–16 гг., %

Тревоги		
Рост цен на товары и услуги ЖКХ	72	82
Рост платежей ЖКХ	51	58
Снижение уровня жизни значительной части населения	41	49

Ощутимо снижение оптимистичных оценок и приближение к порогу, за которым начинается развитие достаточно пессимистичных общественных ожиданий. Здесь есть несколько важных аспектов. Сохраняется достаточно высокая оценка результатов внешней политики и пока ещё отсутствует чёткая привязка экономических проблем к экономическим санкциям. Однако уже пришло ясное понимание, что кризис – явление долгосрочное. Он начинает оказывать влияние уже не только на глобальные экономические аспекты, а переходить на уровень повседневности и сказываться на качестве жизни достаточно большого числа россиян. Это отражается в приведённой выше таблице 14. Самыми болезненными оказываются процессы, связанные с подорожанием товаров повседневного

Сохраняется достаточно высокая оценка результатов внешней политики и пока ещё отсутствует чёткая привязка экономических проблем к экономическим санкциям. Однако уже пришло ясное понимание, что кризис – явление долгосрочное.

обихода и услуг ЖКХ, от чего практически невозможно отказаться. Доля таких расходов показывает тенденцию к преобладанию в семейных бюджетах и приводит к падению уровня жизни за счёт снижения расходов на другие потребности. Именно с этими статьями расходов связаны наиболее пессимистичные ожидания в дальнейшем.

Приведённая ниже таблица показывает, на чём конкретно респонденты начали экономить, при этом информация позволяет отследить различия в выборе мужчин и женщин. Режим экономии больше склонны поддерживать женщины (не привыкли экономить и будут жить как прежде 1,4% женщин и 6,7% мужчин). Мужчины более оптимистичны в оценках необходимости введения режима экономии – 3,2% опрошенных мужчин (против 2,1% женщин) считают, что их доходы и доходы их семей пока позволяют избегать такого режима (см. таблицу 15).

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос об экономии и видах сокращений расходов респондентов, %

Товары и сферы деятельности, на которых придётся экономить	Всего	Мужчины	Женщины
На продуктах питаниях	8,2	6,7	9,3
На покупке одежды и обуви	15,3	12,8	17,3
На отдыхе, включая туристические поездки	19,2	20,7	18,0
На досуге (посещения кино, театров, концертов, ресторанов, фитнес-клубов)	15,4	16,0	15,0
На хобби (книги, журналы, игры, предметы коллекционирования и т. п.)	6,5	7,3	5,8
На покупке дорогостоящих предметов длительного пользования (автомобиль, мебель, компьютер...)	15,4	16,0	15,0
На лекарствах, лечении или медицинских обследованиях	5,2	2,6	7,2
На образовании и развивающих занятиях (своих или других членов семьи, включая детей)	3,5	4,1	3,0
На материальной помощи родным, друзьям и т. д., которую раньше оказывали	5,2	5,0	5,4
Другое (укажите, что именно)	0,3	5,5	0,5
Мои доходы и доходы моей семьи достаточны, чтобы пока не экономить	3,6	3,2	2,1
Экономить не привык(ла), буду жить так же, как и раньше, а когда кончатся деньги, что-нибудь придумаю	2,2	6,7	1,4

Представленные в таблице данные свидетельствуют, что уже начинают оправдываться пессимистичные прогнозы относительно тотальной экономии на питании и предметах первой необходимости. Так, только на продуктах питания и покупке одежды и обуви склонны экономить почти четверть опрошенных (23,5%), а если всё-таки к благам первой необходимости отнести медицинскую помощь и образование, то добавится ещё около 9%. Кроме того, существенная часть опрошенных (21,9%) «секвестрируют» расходы на отдых и досуг. Всё это позволяет предположить, что подобная ситуация в целом негативно сказывается на общем эмоциональном фоне.

Беспокойство вызывает и сама структура экономии. Хотя в целом она достаточно адекватна для кризисного периода, но при этом показывает наличие понимания, что кризис будет продолжительным, и необходимо сокращать основные расходы, хотя они и сказываются на качестве жизни и затрагивают базовые направления потребления.

Для анализа возможных стратегий адаптации населения к кризису представляет интерес [таблица 16](#).

Первую позицию в структуре адаптационных практик жителей Ростовской области занимает сокращение расходов и экономия. Однако такая стратегия может быть эффективна, если кризис является краткосрочным. Но сейчас ситуация связана именно с неопределённо долгим социально-экономическим кризисом. В связи с этим становится популярной стратегия, связанная с поиском новых стабильных источников дохода, смена места работы (2 и 3 позиции). На четвёртом месте – использование социального капитала в виде помощи родственников, семьи, друзей. Далее следуют в большей степени «пассивные» практики, направленные на использование имеющихся экономических ресурсов, например, «сдавать в аренду недвижимость», «распродажа имущества», «использование имеющихся сбережений» (5–7 позиции). Адаптивные практики активистского характера, направленные на созидание, преобразование, самосовершенствование значимы для жителей области в меньшей степени и в иерархии стратегий занимают 8–11 позиции.

При этом население демонстрирует достаточно слабую готовность к территориальной или профессиональной мобильности. Если у кого-то было желание сменить страну пребывания или регион внутри России, то это уже было осуществлено. Достаточно рассмотреть структуру и характеристики эмигрантов из России за последние два-три года и характеристики внутренней миграции. Беспокойство вызывает практически полное отсутствие желания улучшить своё материальное положение посредством повышения уровня образования и приобретения новых профессиональных навыков.

Таблица 16

**Основные стратегии жителей региона
в условиях ухудшения материального положения, %**

Стратегии	Позиция	Всего	Мужчины	Женщины
Поменяю место работы	3	10,2	10,5	10,0
Сменю профессию	10	3,9	4,1	3,7
Открою собственное дело	8	4,4	5,0	3,9
Буду сдавать в аренду квартиру, дачу, гараж и т. д.	5	5,7	5,5	5,8
Сокращу расходы, начну экономить	1	21,4	20,7	22,0
Буду искать дополнительные заработки	2	18,9	19,6	18,3
Распродам что-нибудь из своего имущества	6	5,0	5,8	4,4
Поменяю место жительства в России	14	2,4	3,0	1,9
Перееду в другую страну	13	2,5	1,9	3,0
Вновь начну выращивать продукты питания на приусадебном участке	9	4,0	5,5	2,8
Буду жить на ранее сделанные сбережения	7	4,5	4,4	4,6
Возьму кредит	14	2,4	2,2	2,6
Обращусь за помощью к родственникам, друзьям	4	6,7	5,0	8,1
Обращусь за помощью к государственным органам социальной защиты	12	2,6	1,7	3,5
Обращусь за помощью к благотворительным организациям		0,3	0,3	0,2
Обращусь за помощью к религиозным организациям		0,1	2,8	0,2
Использую кризис для самосовершенствования, получения нового образования, приобщения к культурным ценностям, общения с интересными людьми	11	3,2	0,6	3,5
Другое (укажите, что именно)		0,5	1,4	0,5
Ничего предпринимать не буду	15	1,1	1,5	0,9

Население демонстрирует достаточно слабую готовность к территориальной или профессиональной мобильности.

Заключение

В целом анализ социального контекста позволяет говорить о тесной взаимосвязи между микро- и макросоциальными явлениями, о формировании социальных настроений и адаптивных практик под влиянием структур социальной реальности, об отражении реалий объективного мира в сознании и поведении людей. Исходя из условий социально-экономического кризиса российской действительности и анализа социально-психологического самочувствия, оценок и ожиданий, социальные настроения жителей Ростовской области можно определить как умеренно-тревожные. По сравнению с прошлым годом, оценка положения в стране и, в частности, своего социально-экономического положения ухудшилась. В эмоционально-психологическом состоянии жителей Ростовской области в 2016 г. выделено три условные группы восприятия социальной действительности: позитивное, негативное и погранично-неопределённое. Зафиксированное тревожное, негативное эмоционально-психологическое самочувствие в целом накладывает отпечаток на восприятие и оценку перспектив развития России к худшему и отражает тревожность в массовых ожиданиях.

Оценка социально-политической ситуации в стране носит неоднозначный характер. Жители Ростовской области положительно оценивают политические действия руководства страны, направленные на укрепление геополитического статуса страны, а негативная оценка связана с ухудшением положения в стране в связи с действиями по урегулированию ситуации на юго-востоке Украины, введением санкционного режима. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что те проблемы, которые не коснулись респондентов непосредственно, не воспринимаются ни в качестве непосредственной опасности, ни в качестве потенциально значимой угрозы. С другой стороны, это свидетельствует о том, что нарастание нерешённых проблем внутри самого российского общества заставляет людей всё больше тревожиться именно по этому поводу.

Заметна роль факторов, которые сказываются сразу, ведут к дискомфорту и отказу от привычного стиля и уровня жизни, проносят эмоциональное напряжение и неуверенность. Материальное положение оценивается жителями области в 2016 г. также неоднозначно: практически равное количество респондентов отмечают как ухудшение материального положения, так и стабилизацию ситуации.

Жители области дают диаметрально противоположные оценки относительно качественной динамики напряжённости в обществе. Стоит признать, что те, кто рационально вос-

принимают реальность долгого и системного кризиса, более адекватны в своих оценках, однако оптимистично настроенные граждане могут создавать тот моральный фон в обществе, который может помогать преодолевать объективно существующие трудности и поддерживать социальную и политическую стабильность. Тем не менее число таких граждан снижается.

Неоднозначные, местами противоречивые и пессимистичные оценки, которые даны происходящим в обществе переменам, свидетельствуют о ситуации неопределённости и пессимистических ожиданиях относительно перспектив развития страны.

Анализ социальных настроений жителей области в гендерном контексте не показал принципиальных различий за некоторым исключением: степень социального оптимизма и спокойствия, зафиксированная в ответах мужчин, несколько выше, чем у женщин. Мужчины оптимистичнее смотрят на перспективы развития страны и проявляют большую склонность к социальному оптимизму в целом, нежели женщины. Ответы женщин отличаются преобладанием тревожности, пессимизма в сочетании с большей активностью и решительностью в решении жизненных задач в условиях кризиса.

Стратегии адаптации к явлениям социально-экономического кризиса демонстрируют достаточно низкий уровень вариабельности. Жители Ростовской области, как и россияне в целом, в качестве основной стратегии выбирают экономию. Для тех, кто возлагают надежды на собственные силы, самостоятельный поиск вариантов адаптации к кризисным явлениям и способов поддержать своё материальное положение, преобладает ориентация на социальный капитал – помощь родственников и друзей. При этом на государственную поддержку или помощь благотворительных организаций особых надежд жители региона не возлагают. Характер реакции населения на кризис и адаптивные стратегии показывает, что в обществе уже есть готовность жить хуже и понимание долгосрочности такого периода. При этом готовность добиваться изменений в отношении своей собственной жизни заметна слабо: практики адаптации активистского типа в 2016 г. не очень популярны среди жителей области.

Библиографический список

Андреев А. Л., Садчикова А. С. 2016. Поисковые запросы в интернете как средство анализа социального поведения россиян в условиях социально-экономического кризиса (на примере Приволжского федерального округа) // Социологическая наука и социальная практика. № 4. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4759>.

Неоднозначные, местами противоречивые и пессимистичные оценки, которые даны происходящим в обществе переменам, свидетельствуют о ситуации неопределённости и пессимистических ожиданиях относительно перспектив развития страны.

Бутуева З. А. 2016. Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект // Вестник Института социологии. № 19. С. 121–135.

Горшков М. К. 2016. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2-х т. Т. 2. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф. 496 с.

Горшков М. К. 2017. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход // Социологические исследования. № 1. С. 5–13.

Каминский В. С. 2016. Социальные настроения жителей Вологодской области в условиях экономического кризиса // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 21–39. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.2.4269>.

Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. 2016. Уровень и образ жизни бедного населения в региональном социуме // Вестник Института социологии. № 18. С. 38–56. DOI: [10.19181/vis.2016.18.3.411](https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.411).

Лежнина Ю. П. 2016. Социально-экономический кризис на пространстве России: проблемы населения и «очаги беспокойства» // Социологические исследования. № 10. С. 54–65.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад 2016 // Под общей редакцией академика В. А. Тишкова. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. 168 с.

Подведены итоги развития потребительского рынка Ростовской области за 2016 год // URL: http://www.dprro.ru/index.php4?mod=nw&news_id=642&rubric=2 [Дата посещения: 18.04.2017].

Посухова О. Ю., Сериков А. В. 2014. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Ч. 2 // Вестник Института социологии. № 1 (8). С. 33–55.

Посухова О. Ю., Сериков А. В. 2016. Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий // Вестник Института социологии. № 1 (16). С. 56–73.

Социально-экономическое развитие Ростовской области // URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ [Дата посещения: 10.03.2017].

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области // URL: <http://rostov.gks.ru/> [Дата посещения: 10.03.2017].

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. 2016. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. № 10. С. 43–54.

Тощенко Ж. Т. 1998. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. № 1. С. 21–35.

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.456

The Social Attitudes and Adaptation Practices of People Living in Rostov Province Within the Context of Everyday Russian Life During Crisis

Volkov Yury Grigorievitch

Doctor of Philosophy, Professor, Director, South Russian branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: infoipk@sfedu.ru

Bineeva Natalia Camilievna

Candidate of Sociology, Associate professor, Leading researcher, South Russian branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: n.bineeva@gmail.com

Posukhova Oxana Yurievna

Candidate of Sociology, Associate professor, Department of a regional and Euroasian researches, Institute of sociology and regional studies of the Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: belloks@yandex.ru

Serikov Anton Vladimirovitch

Candidate of sociological sciences, associate professor, leading researcher, South Russian branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: avserikov@sfedu.ru

Abstract. This article examines the social attitudes of people living in Rostov province during the 2016 crisis, based on analyzing their social-psychological health, their expectations and evaluations; described are their main adaptation practices, while the gender aspect and regional specifics of the manifestations of said social attitudes and adaptation practices are established. The results are analyzed based upon characteristics highlighted in the study's methodology, indicated are the main specifics of the region's socio-economic situation, reflected is the dynamic of regional inhabitants' views when it comes to those spheres of everyday reality which are of vital importance. The main points of the article are based on material from a sociological study conducted in Rostov province in 2016 by the South-Russian subsidiary of the IS RAS within the framework of a scientific project called "Everyday reality during crisis", carried out by the institute with backing from the Russian scientific foundation. The study was conducted based upon a method developed by IS RAS scientists, and across an array of thematic clusters the results are cited in comparison to all-Russian data.

Keywords: everyday reality, social attitude, adaptation practices, socio-economic crisis.

References

Butueva Z. A. Social'noe samochuvstvie liudey starshego vozrasta v Respublike Buriatija: regional'ny aspekt [Social Health on Russia's Outskirts: Practicing the Sociological Study of Elderly People in the Republic of Buriatiya]. Vestnik Instituta sociologii, 2016, no 4 (19), pp. 121–135.

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as it is]. Second ed. Moscow, Novy Khronograf, 2016. 416 p.

Gorshkov M. K. Rossiysky socium v usloviyah krizisnogo razvitija: kontekstny podhod [Russian Socium in the Conditions of Crisis Development: a Contextual Approach]. Sociologicheskie issledovaniya, 2017, no 1, pp. 5–13.

Kaminsky V. S. Social'nye nastroyeniya zhiteley Vologodskoy oblasti v usloviyah ekonomicheskogo krizisa [Social Mood of Inhabitants of Vologda Region in Economic Crisis Conditions]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2016, no 2, pp. 21–39. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.2.4269>.

Kosharnaja G. B., Karimova L. F. Uroven' i obraz zhizni bednogo naselenija v regional'nom sociume [The Living Standards and Lifestyle of the Poor in a Regional Society]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2016, no 18, pp. 38–56. DOI: [10.19181/vis.2016.18.3.411](https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.411).

Lezhnina J. P. Social'no-ekonomicheskij krizis na prostranstve Rossii: problemy naselenija i «ochagi bespokoystva» [Socio-economic Crisis in Russia: Problems of the Population and “Pockets of Concern”]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2016, no 10, pp. 54–65.

Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaja situacija v Juzhnom federal'nom okruge. *Expertny doklad 2016 [Interethnic Relations and Religious Situation in the Southern Federal District]*. Ed. by ac. V. A. Tishkov. Rostov-na-Donu, Fond nauki i obrazovanija, 2016. 168 p.

Podvedeny itogi razvitija potrebitel'skogo rynka Rostovskoy oblasti za 2016 god [Results of Development of the Consumer Market of the Rostov Region for 2016 are Summed up]. The Consumer Market Department of Rostov Regional Government, Official website. URL: http://www.dprro.ru/index.php4?mod=nw&news_id=642&rubric=2 [date of visit: 18.04.17].

Posuhova O. Y., Serikov A. V. Zhiznennye orientiry zhiteley Juzhnogo federal'nogo okruga v kontexte sovremennykh realiy [Life Orientation for Inhabitants of the Southern Federal District in the Context of Modern-Day Life]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2016, no 1 (16), pp. 56–73.

Andreev A. L., Sadchikova A. S. Poiskovyje zaprosy v internete kak sredstvo analiza social'nogo povedeniya rossijan v usloviyah social'no-ekonomicheskogo krizisa (na primere Privolzhsckogo federal'nogo okruga) [Search requests on the Internet as a means of analyzing the social behavior of Russians in the conditions of the social and economic crisis (on the example of the Volga Federal District)]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2016, no 4, pp. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4759>.

Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rostovskoy oblasti [Social and Economic Development of the Rostov Region]. The Rostovstat Official website. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ [date of visit: 10.03.17].

Tikhonova N. E., Karavay A. V. Resursy rossijan v usloviyakh krizisa: dinamika i rol' v adaptacii k novym usloviyam [Resources of Russians in Times of Crisis: Dynamics and Role in Adaptation to New Conditions]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2016, no 10, pp. 43–54.

Toschenko J. T. Social'noe nastroyenie – fenomen sovremennoy sociologicheskoy teorii i praktiki [Social mood is a phenomenon of modern sociological theory and practice]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1998, no 1, pp. 21–35.

Volkov Y. G., Barkov F. A., Vereschagina A. V., Posuhova O. Y., Serikov A. V., Chernous V. V. Bednost' i social'noe neravenstvo v Rostovskoy oblasti. Part 2 [Poverty and Social Inequality in the Rostov Region]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2014, no 1 (8), pp. 33–55.

Социальные процессы в регионах России

Здоровый образ жизни в Тюменском регионе

Силин Анатолий Николаевич –
доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Западно-Сибирский филиал, Институт социологии
Российской академии наук, Тюмень

E-mail: sm-2004@rambler.ru

Ковальжина Лариса Сергеевна –
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра менеджмента в отраслях ТЭК,
Тюменский индустриальный университет,
Тюмень

E-mail: kls77@mail.ru

Здоровый образ жизни в Тюменском регионе

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.457

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования здорового образа жизни по оценкам школьников и их родителей. Опрос проведён на территории Тюменской области по репрезентативной гнездовой выборке методом анкетирования. В исследовании приняли участие родители (n=677) и школьники (n=744) 34-х дневных общеобразовательных школ из пяти городов и десяти сельских районов Тюменской области. Рассмотрены особенности ведения здорового образа жизни (ЗОЖ), различные подходы в определении термина «здоровье», проведён обзор групп факторов, влияющих на состояние здоровья. Проведён анализ понимания респондентами содержания понятия «здоровый образ жизни» и сравнение с группой респондентов, его придерживающихся. В понимании респондентами здорового образа жизни преобладают показатели физической активности и отказ от вредных привычек. При этом школьниками приоритет отдан физической активности, а родителями – отказу от вредных привычек. Показатели «соблюдение режима», «рациональность питания» и «избегание стресса» занимают более низкие места в рейтинге. В виду актуальности здорового образа жизни подчёркнута необходимость формирования осознанного и целенаправленного поведения, ориентированного на профилактику и сохранение здоровья. Отмечена актуальность формирования здорового образа жизни населения, основными составляющими которого должны стать личная и общественная гигиена, рациональное питание, оптимально организованный режим и физическая активность, что имеет решающее значение для здоровья населения, социальной и демографической стабильности страны в будущем.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, оценка здорового образа жизни, здоровье, родители, школьники, Тюменская область

В современной России проблема сохранения здоровья населения является актуальной задачей, на решение которой направлено большое число федеральных и региональных программ, мероприятий по охране, укреплению здоровья, формированию здорового образа жизни и профилактики заболеваемости населения. Социологическое видение здоровья состоит, прежде всего, в его понимании как сложного социального феномена, который отражает способность адаптации организма человека к условиям природной и социальной среды.

Из множества дефиниций термина «здоровье» наибольшее распространение по количеству ссылок и цитирования получило определение, предложенное экспертами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Согласно Уставу ВОЗ,

здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней [Устав ВОЗ...]. Предложенное определение ёмкое, но периодически подвергается критике за идеальность цели, т. к. здоровый человек должен иметь гармонию в отношении физической (природной) и социальной среды обитания, что труднодостижимо. При этом понятие ориентировано на субъективность восприятия человеком параметров физического, душевного и социального благополучия. Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ даётся следующее определение: «Здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [Федеральный закон... 2011]. Авторы придерживаются позиции академика В. П. Казначеева, согласно которому здоровье индивида есть динамическое состояние, процесс сохранения и развития его биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни [Казначеев 1983]. В предложенном определении акцентируется внимание на здоровье как процессе сохранения и развития различных функций человека. По оценкам экспертов ВОЗ, в обеспечении здоровья играют роль следующие группы факторов: на долю образа жизни приходится около 50%, на факторы окружающей среды – 20%, на генетические факторы – 15–20% и на здравоохранение – 10–15%. Отметим, что одни факторы позитивно влияют на состояние здоровья населения, другие, наоборот, оказывают отрицательное воздействие. По мнению Ю. П. Лисицына, величина влияния отдельных факторов разной природы на показатели здоровья зависит от возраста, пола и индивидуально-типологических особенностей человека [Лисицын 2010].

Учитывая преобладание фактора образа жизни в сохранении здоровья населения, рассмотрим его с медико-социологической точки зрения. Оценка образа жизни населения представляет особый научный интерес, поскольку отражает социокультурное состояние и отношение населения к профилактике и здоровью. Самооценка образа жизни и состояния здоровья – это реальный показатель здоровья людей, определяющий высокую степень соответствия самооценки и объективной характеристики здоровья. Вместе с тем самооценка здоровья отражает субъектную характеристику индивидов, групп удовлетворённостью условиями жизни, состоянием системы здравоохранения и реализуемой социальной политикой. Индивидуальные представления и общественное мнение о здоровье являются важными источниками формирования целостного комплекса социально-медицинской и социологиче-

Самооценка здоровья отражает субъектную характеристику индивидов удовлетворённостью условиями жизни, состоянием системы здравоохранения и реализуемой социальной политикой.

ской информации [Силин 2013]. При этом самооценка здоровья и качества жизни является важным индикатором состояния здоровья населения, дополняя данные медицинских исследований [Аубанова, Силин 2005].

Так, И. В. Журавлева отмечает, что для большинства населения самооценка здоровья нередко сводится к выражению текущего самочувствия, отождествляется с ним [Журавлева 1998]. Самочувствие является категорией, в которой здоровье отражается восприятием самооценки личности, как индивидуально обобщённая (недифференцированная) оценка психофизиологического состояния человека, преломляемая через его волевые качества. При этом здоровый образ жизни выступает важной системой социального поведения человека, базирующейся на персональном опыте, принятых в обществе и семье нормах поведения, традициях и мотивах самореализации, его целью является достижение душевного, физического и социального благополучия. ЗОЖ представляет собой динамическую систему поведения человека, основанную на знаниях различных факторов, оказывающих влияние на здоровье, и поддающуюся влиянию.

Современные методы социологических исследований позволяют получать информацию о здоровье и образе жизни различных групп населения региона и тем самым получить информацию не только в форме субъективных оценок, но и в форме объективных социологических показателей оценки проводимых в регионе профилактических программ. Как справедливо отметил В. В. Маркин, анализ полученной социологической информации позволяет органам государственной власти на региональном и муниципальном уровнях осуществлять оперативную обратную связь с населением, учитывать удовлетворённость населения деятельностью власти, в целом социальной инфраструктурой, её качеством и доступностью [Маркин, Нелюбин 2009: 86; Маркин 2014].

Организация исследования

Фокус исследования направлен на Тюменскую область (субъект Российской Федерации), которая входит в состав Уральского федерального округа (УФО), включающий в себя регионы с развитым индустриальным производством и нефтегазодобычи, которые характеризуются относительно благоприятными социально-экономическими условиями и хорошими показателями здоровья населения [Прохоров 2011: 131]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, численность населения Тюменской области (без автономных округов) на 01.01.2017 г. составила 1477,9 тыс. чел. [Численность населения... 2017]. Общий прирост населения

демонстрирует стабильный рост с 2006 г. за счёт естественного и миграционного прироста населения, при этом показатель по УФО и автономным округам имеет волнообразный результат. Несмотря на кризисное состояние экономики в целом, Тюменская область по-прежнему остаётся относительно благополучным и привлекательным регионом.

С целью изучения особенностей здоровьесберегающего поведения населения репродуктивного возраста (родители школьников) и их детей проведён опрос по репрезентативной гнездовой выборке методом анкетирования. В исследовании приняли участие родители ($n = 677$) и школьники ($n = 744$) 34-х дневных общеобразовательных школ из пяти городов и десяти сельских районов Тюменской области (без автономных округов; из числа респондентов-школьников 66,9% проживают в городах, 33,1% – в сельской местности). Выборка вероятностная, гнездовая; отбор гнезд пропорционален численности школьников. Полевой этап исследования – 2013 г. [Ковальжина 2014]. Статистическая ошибка выборки не превышает 4%. Для установления меры связанности для номинальных переменных использован коэффициент сопряжённости признаков (χ^2 Пирсона), для оценки силы связи коэффициент V Крамера, для определения достоверности связей выбран критерий $p < 0,05$. В статье представлен фрагмент исследования.

В поле исследования попали 677 семей, постоянно проживающих на территории региона, из которых 49,6% проживают на одном месте с рождения родителя-респондента, 28,4% семей более 15 лет, ранее переехав из других регионов. 1115 лет на одном месте проживают 8,1% и менее 10 лет 13,9% семей респондентов. По данным, представленным родителями, 81,1% детей с рождения проживают в своём населённом пункте. Из числа респондентов-школьников 66,9% проживают в городах, 33,1% – в сельской местности.

Из числа респондентов-родителей подавляющая часть (71,8%) состоит в браке (из них 58,3% семей имеют двоих детей, 19,6% одного ребёнка, троих детей 13,1%, более трёх детей в 9% семей); 10,3% респондентов отметили, что состоят в гражданском браке, разведены 10,8% родителей, 4% респондентов холосты (не замужем), в 3,1% семей родитель вдовец/вдова. Между переменными «Брачный статус» и «Число детей в семье» отмечается высокозначимая связь (Хи-квадрат (χ^2) = 51, степени свободы (df) = 28, уровень значимости (p) = 0,005; коэффициент Крамера (V Крамера) = 0,14, наблюдаемая частота (n) = 648). В семьях респондентов в среднем двое детей. Среди семей, проживающих в городе, наибольшая доля (52,2%) имеют двоих детей, третья часть (27,6%) одного ребёнка. В сельской местности наблюдается смещение в сторону большего числа детей. Между переменными

«Местность проживания: городская/сельская» и «Число детей в семье» наблюдается значимая связь ($\chi^2 = 17,35$, $df = 7$, $p = 0,015$; V Крамера = 0,163, $n = 657$).

Подавляющее большинство родителей 80,9% отнесли себя к группе работающих, 14,2% домохозяйки, 2,8% пенсионеры, 1,6% безработные, 0,5% студенты.

Большая часть респондентов 66,2% оценили свой уровень жизни как «средний», среди сельских жителей доля выше (69,7%), чем у городских жителей (64,5%). К уровню жизни «выше среднего» отнесли себя 13,9% респондентов (в городах 14,9%, в сельской местности 11,8%). Ниже среднего уровень жизни оценили 9% опрошенных, а низкий 3,2%. Высокий уровень жизни отмечают 2,5% родителей (в городах 3,3%, на селе 0,9%). Затруднились с оценкой 5,2% опрошенных.

Оценка здорового образа жизни школьников и их родителей

Изучая, как школьники и их родители оценивают соблюдение здорового образа жизни, можно отметить следующее: более половины родителей (56,3%) и школьников (49,2%) отметили, что они ведут ЗОЖ (ответ «Скорее, да»), при этом 13,9% родителей и 36,2% школьников более категоричны в оценке своего ведения ЗОЖ (ответ «Да, безусловно»); респондентов, затруднившихся с оценкой, не было (см. рис. 1).

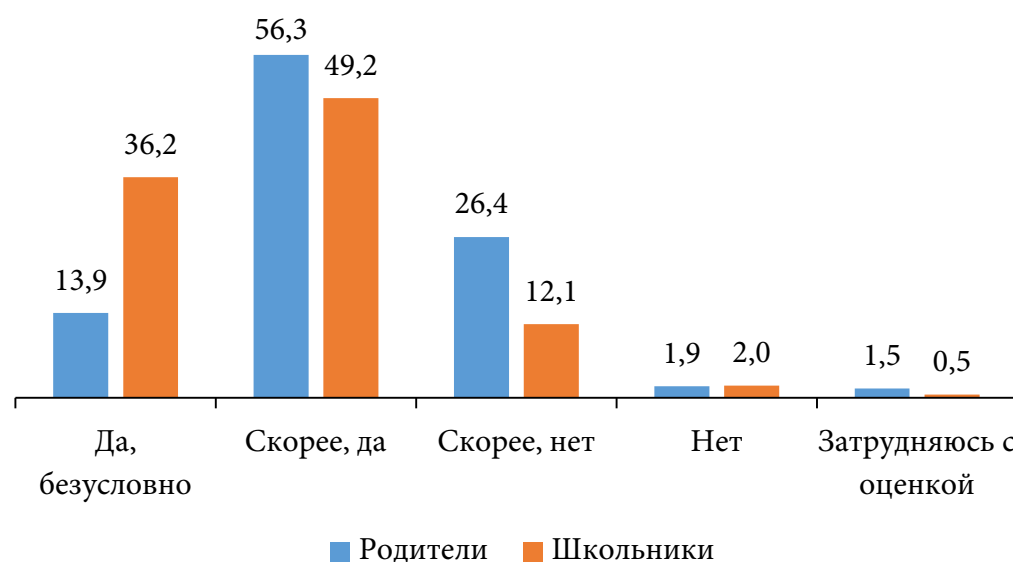

Рис. 1 Распределение ответов на вопрос: «Ведёте ли вы здоровый образ жизни?», %

Рассматривая оценку ведения ЗОЖ родителей и их детей, наблюдаем высокосвязную связь (χ^2 Пирсона = 22,3, $df = 9$, $p = 0,008$, V Крамера = 0,107, $n = 651$).

В распределении оценок ведения здорового образа жизни в группе родителей значимой связи с полом, возрастом и местностью проживания не обнаружено ($p > 0,05$). В группе родителей наблюдается зависимость знания от уровня образования, связь статистически высокодостоверная ($df = 18$, $p = 0,007$, V Крамера = 0,135, $n = 625$; отношение правдоподобия (ОП) = 35,856), связь ответов с оценкой уровня жизни высокодостоверная (ОП = 26,992, $df = 12$, $p = 0,008$, V Крамера = 0,106, $n = 636$). При ответе на вопрос «Ведёте ли Вы здоровый образ жизни?» отмечена высокая статистически значимая связь ($p \leq 0,001$) ответов родителей от самооценки качества жизни и наличия вредной привычки курения (у матерей школьников). В группе родителей отмечена связь ($p \leq 0,05$) ответов с такими факторами, как «наличие хронических заболеваний у матери», «удовлетворённость общим развитием своего ребёнка» и «профессиональный статус».

Таблица 1

Распределение ответов школьников и родителей на вопрос о ведении здорового образа жизни, %

Школьники	Родители				Итого
	Да, безусловно	Скорее, да	Скорее, нет	Нет	
Да, безусловно	6,5	19,8	9,7	0,2	36,2
Скорее, да	5,8	30,4	11,4	1,5	49,1
Скорее, нет	1,2	6,0	5,1	0,2	12,5
Нет	0,3	0,9	0,8	0,2	2,2
Итого	13,8	57,1	27,0	2,1	100,0

В распределении ответов школьников о персональном ведении ЗОЖ отмечается слабая, высокодостоверная связь ответов с возрастом (χ^2 Пирсона = 30,677, $df = 6$, $p = 0,000$, V Крамера = 0,144, $n = 740$) и полом респондентов (χ^2 Пирсона = 15,393, $df = 3$, $p = 0,002$, V Крамера = 0,144, $n = 740$). Такая же связь наблюдается в группе школьников с образованием респондентов (χ^2 Пирсона = 14,566, $df = 3$, $p = 0,002$, V Крамера = 0,140, $n = 740$) и с местностью проживания (χ^2 Пирсона = 9,53, $df = 3$, $p = 0,023$, V Крамера = 0,113, $n = 740$). Оценивая влияние фактора проживания в городской или сельской местности, необходимо отметить более высокие оценки ведения ЗОЖ у сельских школьников, чем у городских.

С ростом уровня жизни респондентов наблюдается и увеличение числа ведущих ЗОЖ среди опрошенных. Так, среди родителей с низким уровнем жизни нет «безусловно ведущих ЗОЖ», а в группе родителей с высоким уровнем жизни их доля составляет 29,4%.

С ростом уровня жизни респондентов наблюдается и увеличение числа ведущих здоровый образ жизни среди опрошенных.

Описывая своё понимание термина «здоровый образ жизни», большая часть родителей (72%) отметили показатель «не курить», поставив его на первое место, в группе школьников этот показатель смещён на второе место (75,3%) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Понимание респондентами термина «здоровый образ жизни» и оценка личного соблюдения ЗОЖ, %

Варианты ответов*	Вопрос: «Как Вы думаете, в чём выражается здоровый образ жизни?»				Вопрос: «Если Вы придерживаетесь ЗОЖ, укажите, в чём это выражается?»			
	Родители		Школьники		Родители		Школьники	
	Доля	Рейтинг	Доля	Рейтинг	Доля	Рейтинг	Доля	Рейтинг
В питании: не злоупотреблять жирной, острой пищей	34,3	13	41,5	9	49,7	4	36,4	7
В питании: соблюдать баланс витаминов, микроэлементов	40,6	11	43,0	7	27,4	13	29,1	11
Питаться в меру (не переедать)	49,8	7	42,1	8	51,4	3	41,7	4
Регулярно питаться	50,4	5	33,7	11	43,8	6	32,6	8
Заниматься спортом	60,1	3	78,0	1	24,2	15	66,0	2
Заниматься физкультурой	42,4	10	48,5	5	27,8	12	40,9	5
Пить комплексные витамины	27,5	14	21,5	15	30,1	10	21,3	12
Пить очищенную воду (фильтрованную)	38,7	12	33,6	12	42,1	7	37,6	6
Не употреблять спиртные напитки	50,1	6	66,0	3	41,7	8	нд	нд
Не злоупотреблять спиртным	49,3	8	33,3	13	54,7	2	нд	нд
Больше двигаться, гулять	67,8	2	58,1	4	46,3	5	57,8	3
Не курить	72,1	1	75,3	2	69,3	1	72,9	1
Высыпаться ночами	56,6	4	48,0	6	32,8	9	31,0	9
Меньше смотреть телевизор	26,3	15	26,3	14	26,9	14	29,3	10
Избегать стрессов	45,9	9	34,1	10	21,7	16	20,6	13
Работа на дачном участке	24,1	16	14,7	16	29,9	11	15,7	14

*Респондентам предлагалось выбрать любое число вариантов ответа.

Показатель «больше двигаться, гулять» среди родителей занимает второе место в рейтинге (67,8%), среди школьников данный критерий на четвертом месте (58,1%). «Заниматься спортом» выбрали более половины родителей (60,1%, третье место в рейтинге); доля школьников, выбравших спортивный образ жизни, составляет 78% (первое место в рейтинге). Более половины родителей отметили важность такого фактора, как необходимость «высыпаться ночами» – 56,6% (4-е место), школьники относят этот показатель на 6-е место (выбор 48%). «Регулярно питаться» важно для 50,4% родителей и всего 33,7% детей. Важность отказа от спиртных напитков отмечают 50,1% родителей (6-е место) и 66,0% школьников (по значимости они ставят этот фактор на 3-е место).

Сгруппировав показатели ЗОЖ, выбранные респондентами различных групп, можно отметить, что в понимании здорового образа жизни преобладают показатели физической активности и отказ от вредных привычек. При этом школьники приоритет отдают показателям физической активности, а родители – отказу от вредных привычек. Показатели соблюдения режима, рациональности питания и избегания стресса имеют значительно меньший рейтинг.

Среди родителей, ведущих здоровый образ жизни, более половины не курят (69,3%), не злоупотребляют спиртным (54,7%), питаются в меру (51,4%) и регулярно (43,8%), в питании не злоупотребляют жирной и острой пищей (49,7%), стараются больше двигаться, гулять (46,3%). Подавляющая часть таких школьников не курят 72,9% и занимаются спортом 66%; стараются больше двигаться и гулять 57,8%; питаются в меру 41,7%, занимаются физкультурой 40,9%.

Анализ вторичных данных исследования, проводимого ВЦИОМ среди взрослого населения России (2014 г.), показывает, что 28% респондентов правильно питаются, 35% не курят и не пьют спиртные напитки, 24% занимаются физкультурой и спортом, 22% регулярно проверяют своё здоровье и проходят диспансеризацию, 6% регулярно смотрят передачи о здоровье по телевидению, читают медицинские книги и журналы [Правильное питание...]. В сравнении с представленными показателями родители школьников Тюменской области лучше следят за своим питанием и меньше употребляют спиртные напитки, при этом отмечается одинаковая спортивная ориентация.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют важность продолжения стратегии целенаправленного формирования установок населения на здоровый образ жизни, который

должен формироваться в течение всей жизни человека и быть устойчивым вне зависимости от жизненных обстоятельств и ситуаций.

Ориентация индивида на здоровый образ жизни и профилактику в повседневной жизнедеятельности отвечает интересам личности и общества. В связи с этим необходимо дальнейшее активное формирование знаний, навыков и внутренней необходимости здорового образа жизни для детей, подростков, родителей и учащейся молодёжи при активном взаимодействии таких социальных институтов, как семья, образование, здравоохранение.

Специфика здорового образа жизни молодёжи состоит в том, что поведение должно быть осознанным и целенаправленным, обеспечивающим формирование ценностных ориентаций профилактики и сохранения здоровья. Основными составляющими здорового образа жизни молодого поколения должны стать личная и общественная гигиена, рациональное питание, оптимально организованный режим и физическая активность. Стимулирование здорового образа жизни имеет решающее значение для здоровья населения, социальной и демографической стабильности страны в будущем.

Библиографический список

Аубанова Г. К., Силин А. Н. 2005. Общественное здоровье: концептуальные подходы и управление на уровне региона. Павлодар: ЭКО. 140 с.

Журавлева И. В. 1998. Здоровье населения как междисциплинарная проблема. Становление социологии здоровья // Социология в России. 2-е изд. / Под ред. В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН. 694 с.

Казначеев В. П. 1983. Очерки теории и практики экологии человека / АН СССР, Науч. совет по проблемам биосферы. М.: Наука. 260 с.

Ковальжина Л. С. 2014. Социальные технологии управления профилактикой микронутриентной недостаточности населения. Тюмень: ТюмГНГУ. 182 с.

Лисицын Ю. П. 2010. Общественное здоровье и здравоохранение: учебное пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа. 512 с.

Маркин В. В., Нелюбин А. А. 2009. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Вып. 8. 466 с.

Маркин В. В. 2014. Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (35). С. 135142.

Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 23.11.2011 г.

Правильное питание, спорт и отказ от вредных привычек три составляющих здорового образа жизни // ВЦИОМ. Релиз № 2831 URL: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/fooddiet/article/pravilnoe-pitanie-sport-i-otkaz-ot-vrednykh-privyчек> [Дата посещения: 23.03.2016].

Прохоров Б. Б. 2011. Регионы России на пути в медико-демографическое будущее // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 115135.

Силин А. Н. 2013. Общественное здоровье на Крайнем Севере // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 12. М: Совет Федерации. С. 1518.

Устав ВОЗ // URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf [Дата посещения: 20.03.2015].

Численность населения в разрезе городских округов и муниципальных районов Тюменской области без автономных округов на начало 2017 года URL:http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/ru/statistics/tumStat/population/ [Дата посещения: 20.04.2017].

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.457

Healthy Lifestyle in the Tyumen Region

Silin Anatoly Nikolaevitch

Doctor of Sociology, Professor, Main researcher, Tyumen branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia. E-mail: sm-2004@rambler.ru

Koval`zhina Larissa Sergeevna

Candidate of Sociology, Associate professor, Department of Management of Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia. E-mail: kls77@mail.ru

Abstract. Presented in this article are the results of a sociological study of healthy lifestyle based on evaluations from school pupils and their parents. The survey was conducted on the territory of Tyumen province, with a representative nested sample and by method of questionnaire survey. Parents (n=677) and school pupils (n=744) took part in this survey, from 34 secondary day schools in five cities and ten rural zones of Tyumen province. Examined are the specifics of leading a healthy lifestyle (HL), as well as various approaches to defining the term "health", a review is conducted of the groups of factors which effect health condition. Conducted is an analysis of the respondents' understanding of the meaning of the term "healthy lifestyle", as well as a comparison to a group of respondents which lead such a lifestyle. Physical activity parameters and rejecting harmful habits prevail in the respondents' understanding of healthy lifestyle. School pupils' priorities went to physical activities, while parents' main priority was rejecting harmful habits. Such parameters as "adhering to a regimen", "rational nutrition" and "avoiding stress" rank lower down in the rating. Considering the relevance of a healthy lifestyle, emphasized is the need to shape conscious and intentional behavior orientated towards preventive methods and conserving health. Noted is the relevance of getting the population to lead a healthy lifestyle, the main components of the latter having to be personal and public hygiene, rational nutrition, a thoroughly organized regimen and physical activity, which bears crucial importance when it comes to public health, as well as social and demographical stability for the country in the future.

Keywords: healthy lifestyle, healthy lifestyle evaluation, health, parents, school pupils, Tyumen province.

References

Aubanova G. K., Silin A. N. Obschestvennoe zdorov'e: konceptual'nye podhody i upravlenie na urovne regiona [Public Health: Conceptual Approaches and Management at the Regional Level]. Pavlodar, EKO, 2005. 140 p.

Chislennost' naselenija v razreze gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov Tiumenskoj oblasti bez avtonomnyh okrugov na nachalo 2017 goda [Population in the Context of Urban and Municipal Districts of the Tyumen Region without Autonomous Districts at the beginning of 2017]. TiumStat Official website. URL:http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/ru/statistics/tumStat/population/ [date of visit: 20.04.17].

Kaznacheev V. P. Oчерки теории и практики jekologii cheloveka [Essays on the Theory and Practice of Human Ecology]. Moscow, Nauka, 1983. 260 p.

Koval'zhina L. S. Social'nye tehnologii upravlenija profilaktikoy mikronutrientnoy nedostatochnosti naselenija [Social Technologies of Management of the Prevention of Micronutrient Deficiency of the Population]. Tiumen, TiumGNGU, 2014. 182 p.

Lisicyn Y. P. Obschestvennoe zdorov'e i zdavoohranenie: uchebnoe posobie [Public health and health care: a tutorial]. Moscow, GEOTAR-Media, 2010. 512 p.

Markin V. V. Regional'naja sociologija i upravlenie: «dorozhnaja karta» vzaimodejstvija [Regional Sociology and Management: the "Road Map" of Interaction]. Economicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz, 2014, no 5 (35), pp. 135-142.

Markin V.V., Neliubin A.A. Social'noe modelirovanie prostranstvennykh transformacij. Monitoring regional'nykh organov vlasti [Social Modeling of Spatial Transformations. Monitoring of Regional Authorities]. Rossiya reformirujuschajasja. V. 8. Moscow, IS RAS publ., 2009. 466 p.

Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii [On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation]. Federal'ny zakon ot 21.11.2011 no 323-FZ.

Pravil'noe pitanie, sport i otkaz ot vrednykh privyчек: tri sostavljajuschih zdorovogo obraza zhizni [Proper Nutrition, Sports and Rejection of Bad Habits are the Three Components of a Healthy Lifestyle]. VCIOM Release 2016, no 2831. URL: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/fooddiet/article/pravilnoe-pitanie-sport-i-otkaz-ot-vrednykh-privyчек> [date of visit: 23.03.16].

Prohorov B. B. Regiony Rossii na puti v mediko-demograficheskoe budushee [Regions of Russia on Their Way to the Medical and Demographic Future]. Problemy prognozirovanija, 2011, no 1, pp. 115-135.

Silin A. N. Obschestvennoe zdorov'e na Kraynem Severe [Public Health in the Far North]. Problemy Severa i Arktiki Rossijskoj Federacii, 2013, V. 12. Moscow, Sovet Federacii FS RF, pp. 518.

Ustav VOZ. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf [date of visit: 20.03.15].

Zhuravliova I. V. Zdorov'e naselenija kak mezhdisciplinarnaja problema. Stanovlenie sociologii zdorov'ja [Public Health as an Interdisciplinary Problem. The Formation of the Sociology of Health]. Sociologija v Rossii. Second edition. Ed. by V. A. Yadov. Moscow, IS RAS publ., 1998. 694 p.

Ценности и их носители

Горнее и дольнее в системе ценностей верующих: результаты апробации методики

Дивисенко Константин Сергеевич –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

E-mail: k.divisenko@socinst.ru

Горнее и дольнее в системе ценностей верующих: результаты апробации методики

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.459

Аннотация. В статье¹ представлено описание методики, позволяющей выявить соответствие ценностных ориентаций верующих людей существенным христианским ценностям как компонентам религиозной культуры. Представлен краткий обзор эмпирических исследований ценностной сферы верующих, а также методик, ориентированных на анализ различных компонентов религиозного сознания и поведения. Как правило, эмпирические исследования объединяет то обстоятельство, что в них изучаются универсальные ценностные категории, а не собственно религиозные. В предложенном методическом решении для анализа аксиосферы верующих выделяются два измерения: «горнее» (христианские ценности) и «дольнее» (ценности мирской, светской жизни). Опросник состоит из десяти пунктов, относящихся к двум субшкалам. Проведённое исследование на двух группах верующих, относящих себя к православию и протестантизму, показало высокий уровень значимости христианских ценностей и относительно низкое значение мирских. Апробация методики также позволила выявить, что в более воцерковлённой подгруппе православных верующих, выделенной по критерию религиозного поведения, значимость христианских ценностей достоверно выше, а мирских ниже, чем в более слабой подгруппе. Данное обнаружение позволяет говорить о том, что на ценности как компонент религиозного сознания влияет степень воцерковлённости. Принципиальных различий в ценностных ориентациях у православных и протестантов не обнаружено, что свидетельствует о возможности использования методики для христиан, независимо от их конфессиональной принадлежности. Разработанная методика может быть использована в различных исследовательских и диагностических целях как шкала, характеризующая особенности религиозного сознания верующих, их ценностных ориентаций относительно основных категорий христианской жизни.

Ключевые слова: религиозные ценности, православие, протестантизм, индекс воцерковлённости (В-индекс), религиозное поведение, религиозное сознание

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Жизненный мир верующих: теоретико-методологические аспекты исследования индивидуальной духовности и религиозности» (Грант Президента РФ. Конкурс 2015 г. по государственной поддержке молодых российских учёных-кандидатов наук. № МК-6693.2015.6).

Проблематика изучения ценностей в социологии является одной из традиционных тем, связанных с анализом культурной обусловленности социальных процессов и факторов, которые оказывают влияние на социальное взаимодействие. Ценности являются не только «важным креативным источником личности» [Баева 2005: 5], но и основой социальных коллективных действий [Актуализированные ценности... 2015: 8]. Особую актуальность изучение ценностной сферы обретает в те моменты исторического времени, когда общество переживает значительные социокультурные изменения, приводящие к смене одних ценностных приоритетов другими.

Ценности и религиозность как предмет исследования

Известный социальный теоретик Эндрю Сэйер отмечает, что ценности – это седиментированные оценки, ставшие установками, которые рассматриваются людьми в качестве правильных. Ценности носят «рекурсивный» характер: они формируются на основе отдельных оценок, имеющих место в повседневном опыте, а также оказывают опережающее влияние на последующие действия. Отличие ценностей от предпочтений и склонностей заключается в том, что первые в большей степени отрефлексированы людьми. Осознанность также оказывается одной из причин того, что наши «исповедуемые» ценности отличаются от тех ценностей, в соответствии с которыми мы поступаем [Sayer 2011: 25–26]. Эта особенность ценностной сферы порождает существенные методологические трудности для её изучения, поскольку опросный инструментарий работает преимущественно с «исповедуемыми» ценностями, а изучение «ценностей в действии», как это осуществляется в этнометодологических опытах, сопряжено с рядом практических и этических проблем.

При достаточно большом числе исследований, посвящённых анализу различных аспектов ценностной сферы, можно отметить, что изучению религиозных ценностей в отечественной науке уделяется значительно меньше внимания. Тем не менее, в последнее годы активно изучались различные аспекты ценностной сферы верующих людей [Синелина 2009; Сенюткина, Шиманская 2015; Пруцкова 2016]. Религиозные ценности верующих рассматриваются в контексте экономического поведения [Ефремова, Лепшокова 2010], политических и электоральных предпочтений россиян [Богачёв 2016]. Поднимается проблема связи ценностей и установок с другими элементами религиозного сознания, а также с поведением верующих людей [Богатова 2014]. В этом же ключе

Ценности – это седиментированные оценки, ставшие установками, которые рассматриваются людьми в качестве правильных.

осуществлено сравнительное исследование ценностей студентов светского и религиозного вуза на предмет соответствия декларируемых ценностей поведению [Далгатов и др. 2011]. Анализируется влияние религиозности на социальные отношения и субъективное благополучие [Лебедева, Татарко 2010; Шамионов 2014; Клинецкая 2015].

Психологические исследования аксиосферы верующих ориентированы на выявление связи между религиозностью и другими чертами личности [Гумницкий 2013]. Показано, что индивидуальная аксиосфера имеет более высокую степень дифференциации у людей с нормативными показателями агрессивности, и, напротив, более высокая степень агрессивности коррелирует с более простым пониманием религиозных ценностей [Долганов 2014]. В одном из исследований православной молодёжи выявлены гендерные особенности ценностей, связанные с ощущением контроля над собственной жизнью [Двойнин, Данилова 2012]. Для анализа базовых ценностей в связи с религиозностью используются методики Г. Хофстеде и Ш. Шварца [Шорохова и др. 2016; Хухлаев, Шорохова 2016].

Разработанные отечественными и зарубежными учёными методики изучения религиозности, как правило, связаны с многомерным подходом, несмотря на то, что данный методологический принцип имеет определённые ограничения [Бабич, Хоменко 2013]. Так, в тесте для определения структуры индивидуальной религиозности предусмотрено восемь субшкал: склонность к идеалистической философии; отношение к магии; поиск в религии поддержки и утешения; внешние признаки религиозности; интерес к «псевдонауке»; вера в Творца; религиозное самосознание; отношение к религии как образцу моральных норм поведения [Мягков, Щербаков 1996]. В другой методике, предложенной О. В. Сучковой, религиозность рассматривается как сложное социально-психологическое свойство личности, измерение которого осуществляется по двум субшкалам: конфессиональные верования и нравственные нормы [Сучкова 2008]. Следует отметить, что в этих и других психологических методиках анализа индивидуальной религиозности и духовности не уделяется особого внимания ценностному измерению [Шемет 2012, Смирнов 2001].

В отечественной социологии религии наиболее известна методика В. Ф. Чесноковой, ориентированная на анализ ценностных представлений и жизненных ориентиров [Чеснокова 2005]. Каждая из четырёх субшкал: «жизнелюбие (миролюбие, любовь к себе как земному существу)», «индивидуализм саморазвития», «включённость в человеческие отношения» и «любовь к Богу (религиозность)», состоит из четырёх переменных. Две субшкалы («жизнелюбие» и «религиозность») образуют ось ценностной направленности человека на христи-

анские либо земные, нерелигиозные ценности. Оставшиеся две субшкалы («индивидуализм саморазвития», «включённость в человеческие отношения») образуют второй континуум – ориентированность на собственный внутренний мир либо на социальность.

Среди зарубежных методик изучения религиозных ценностей следует отметить Шкалу христианских моральных ценностей (Christian Moral Values Scale), предложенную Джоном Гриром и Лесли Френсисом [Greer, Francis 1990]. Шкала состоит из десяти пунктов, характеризующих отдельные формы поведения, которые противоречат христианской морали: азартные игры, употребление алкоголя, пьянство, воровство, употребление наркотиков, сексуальные отношения до брака, искусственное прерывание беременности, использование противозачаточных средств, самоубийство, развод. Респондентам предлагается оценить данные формы поведения по пятибалльной шкале: «всегда неправильно», «как правило, неправильно, но прощительно при определённых обстоятельствах», «сложно сказать (undecided)», «обычно прощительно, но иногда неправильно», «никогда неправильно». Заметим, что в методике используется не прямой вопрос о значимых христианских ценностях, а косвенный – выясняется отношение респондентов к таким формам поведения, которые осуждаются традиционной христианской моралью.

Исследования религиозных ценностей, как правило, объединяет то обстоятельство, что в них изучаются универсальные ценностные категории, а собственно религиозные и, тем более, узкоконфессиональные остаются вне фокуса исследования.

На наш взгляд, данная проблематика заслуживает пристального изучения, поскольку в последние годы зафиксированы стабилизовавшиеся количественные характеристики религиозности людей и лишь небольшое увеличение доли воцерковлённых [Синелина 2013: 81; Мчедлова 2012: 17–18], что позволяет выдвинуть предположение о происходящих качественных изменениях в сознании верующих, в том числе и в ценностной системе.

Для анализа ценностной сферы верующих актуальной остаётся проблема критерия религиозности, поскольку использование мягких критериев (например, такого, как самоидентификация) приводит к выделению аморфной группы верующих, чьё мировоззрение принципиальным образом не отличается от мировоззрения нерелигиозных людей. В наших предыдущих публикациях было показано, что необходимым и достаточным индикатором религиозности является религиозное поведение [Дивисенко 2016]. Выявлено, что у людей, выполняющих религиозные практики более часто, религиозное сознание менее противоречно и эклектично. В настоящей статье мы постараемся проиллюстрировать это положение, рассмотрев

Исследования религиозных ценностей, как правило, объединяет то обстоятельство, что в них изучаются универсальные ценностные категории, а собственно религиозные и, тем более, узкоконфессиональные остаются вне фокуса исследования.

такой компонент религиозного сознания, как христианские ценности в группах, различающихся конфессиональной принадлежностью верующих и степенью их воцерковлённости.

Методика исследования

На основе анализа существующих методик измерения религиозных ценностей и опыта собственных исследований нами были выделены десять пунктов, которые, по нашему мнению, должны были бы составить две шкалы. Назовём их условно «горнее» и «долнее». Шкала «горнее» (ШГ) состоит из пяти пунктов, которые представляют собой формулировки, близкие основным христианским заповедям, нравственным нормам:

- Чем меньше нужно человеку материальных благ в этом мире, тем он свободнее.
- Я стремлюсь воспитывать в себе смирение, любовь к ближним, умение прощать врагов.
- Страдания нужно переносить с надеждой и терпением, поскольку они нас очищают для вечной жизни.
- Ходить перед Богом, чувствовать Его рядом с собой – всё остальное не имеет значения.
- Мне хотелось бы всё переносить без жалоб и ропота.

Другие пять утверждений характеризуют устремлённость людей к иным идеалам – ценностям мирской, светской жизни. Эти пункты составляют вторую шкалу – «долнее» (ШД). Данные ценностные ориентиры не рассматриваются как противоположные «горнему», они выражают иную систему координат. Формулировки ШД связаны с категориями, которые сопряжены с ценностями «мира сего» – гедонизм, тщеславие, власть, неумеренное стремление к материальному богатству:

- Материальное благосостояние человека – основа его независимости и самоуважения.
- Благодаря моей вере мне удаётся достичь финансовой независимости.
- Человеку нужно добиваться успехов в профессии, заботиться о карьере.
- Для меня важно добиваться того, чтобы люди прислушивались к моему мнению.
- Земная жизнь коротка – нужно постараться насладиться ею.

В анкете десять пунктов двух шкал были представлены в случайном порядке. Общий вопрос, относящийся ко всем пунктам, был сформулирован следующим образом: «Прочитайте, пожалуйста, внимательно следующие утверждения и постарайтесь ответить, насколько Вы согласны с каждым из них». Напротив каждой формулировки респондент мог отметить только один вариант ответа, выражающий степень согласия: «Скорее да», «Трудно сказать» и «Скорее нет».

Две шкалы (ШГ и ШД) позволяют выявить не только общий уровень значимости религиозных ценностей индивида, но и определить тип религиозности: 1) строго религиозный, в котором присутствуют максимальные значения по ШГ и минимальные по ШД, 2) нерелигиозный – противоположен первому (минимальные значения по ШГ и максимальные по ШД) и 3) смешанный, где в равной мере присутствуют горние и долние ценности.

Основные наши предположения, сформулированные на подготовительном этапе разработки методики, были связаны со следующими особенностями жизненного мира верующих людей. Можно предположить, что ценности как компонент религиозного сознания соотносятся с другими когнитивными элементами (знаниями и убеждениями), а также и с религиозным поведением. Эклектичность религиозного сознания у верующих, которая зачастую обнаруживается в исследованиях [Мчедлова 2015: 171; Безнюк 2006: 129], на наш взгляд, характерна для менее воцерковлённых групп людей. Следовательно, можно обнаружить более высокий уровень значимости христианских ценностей у людей, принадлежащих сильным группам верующих. Напротив, смешанный тип и превалирование мирских ценностей будет характерно для людей слабоцерковлённых. В качестве независимой переменной мы рассматриваем воцерковлённость (В-индекс) как интегральный показатель особенностей религиозного поведения. По нашему мнению, религиозное поведение и сознание детерминируют друг друга. Религиозная практика начинается с осознанного обращения, а регулярность практики оказывает влияние на становление различных компонентов религиозного сознания.

Можно также предположить, что уровень значимости христианских ценностей связан с общим религиозным стажем (числом лет, прошедших с момента начала сознательной церковной жизни).

Формулировки, используемые в нашей методике, не ориентированы на специфические конфессиональные особенности, поэтому в результатах не должно наблюдаться существенных различий в аксиоферах верующих православных и протестантов, хотя могут присутствовать некоторые нюансы.

Уровень значимости христианских ценностей связан с общим религиозным стажем (числом лет, прошедших с момента начала сознательной церковной жизни).

Православные верующие о своих ценностях

Эмпирические данные получены в ходе реализации полевого этапа исследования в 2013 г. (см. таблицу 1). В анкетном опросе (целевая выборка) приняли участие 154 респондента, относящих себя к православию и являющихся прихожанами ряда петербургских храмов, и 68 представителей протестантских (в том числе евангельских) церквей.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов

Социально-демографические характеристики	Конфессия	
	Православие	Протестантизм
Пол		
Женский	113	34
Мужской	41	34
Средний возраст, лет		
Женщины	38,4	33,2
Мужчины	42,4	38,8
Уровень светского образования, %		
Общее или полное среднее	2,6	6,0
Средне-специальное	9,1	25,4
Неполное высшее	9,1	9,0
Высшее	72,1	43,3
Учёная степень	4,5	16,4

Вначале рассмотрим распределение ответов православных верующих на вопросы, касающиеся христианских ценностей (см. рис. 1).

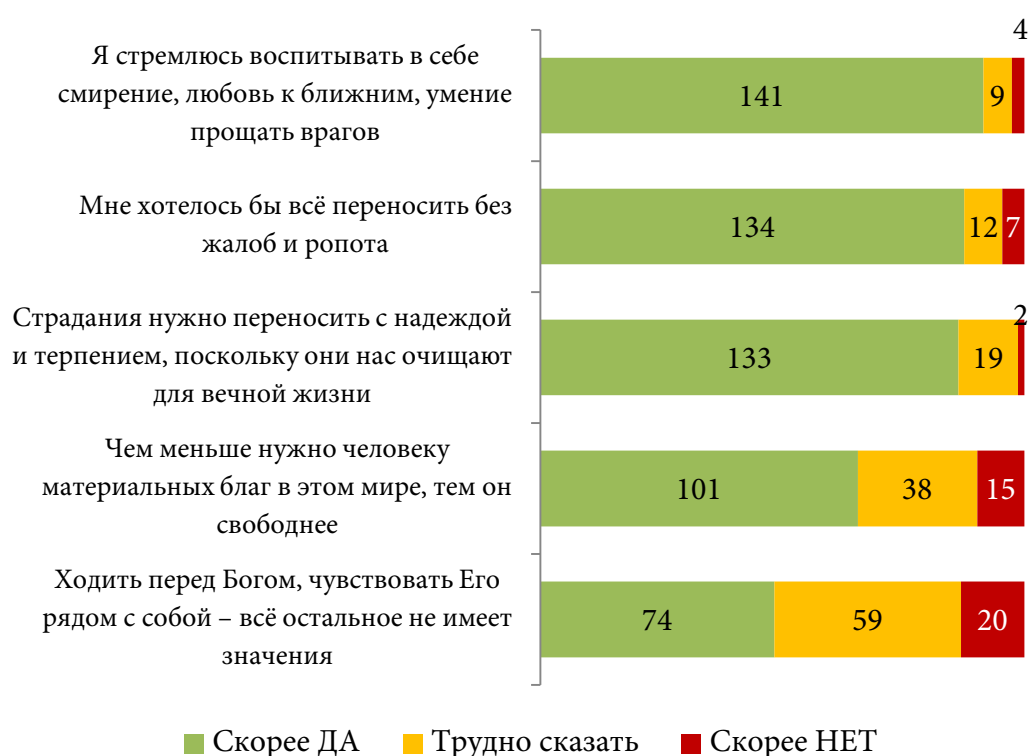

Рис. 1. Распределение ответов на пункты ШГ, православные, %

Примечательно, что с тремя из пяти пунктов «я стремлюсь воспитывать в себе смирение...»¹, «мне хотелось бы всё переносить без жалоб и ропота» и «страдания нужно переносить с надеждой и терпением...» согласно большинство респондентов (91,6; 87,0 и 86,4% соответственно). Оставшиеся два пункта оказались несколько менее значимыми: «чем меньше нужно человеку материальных благ...» отметили 65,6% верующих, а «ходить перед Богом...» – только 48,0%. Такое распределение ответов не оказалось неожиданным, поскольку все респонденты являются верующими и в той или иной степени ориентированы на христианские ценности.

В распределении ответов на вопросы, касающиеся долних ценностей, следует заметить, что здесь выше «уровень неопределённости» – доля выбора варианта «трудно сказать» (в среднем 33 против 17% для пунктов ШГ). Как следует из диаграммы (см. рис. 2), наиболее неприемлем для христиан гедонизм («земная жизнь коротка – нужно постараться насладиться ею») и избыточное внимание к материальному («материальное благосостояние человека – основа его независимости и самоуважения», «благодаря моей вере мне удаётся достичь финансовой независимости»). По этим пунктам доля выбравших вариант «Скорее нет» составила соответственно 59,7; 58,4 и 53,2%.

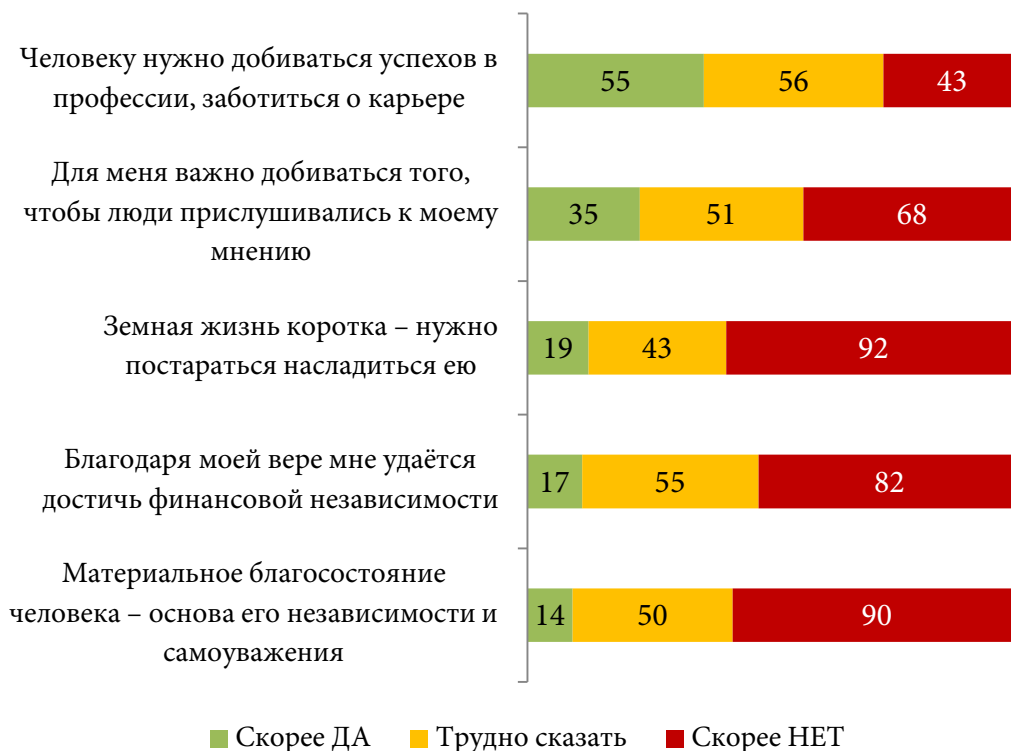

Рис. 2. Распределение ответов на пункты ШД, православные, %

¹ Здесь и далее в основном приводятся сокращённые формулировки пунктов.

Построение шкал

С нашей точки зрения, ориентация человека на христианские ценности связана не только с выбором соответствующих суждений, но и должна подкрепляться отрицательными оценками противоположных (мирских ценностей). В силу этого положения ШГ и ШД строятся на всех десяти пунктах.

Для построения ШГ подсчитывается число ответов «Скорее да», относящихся к христианским ценностям, и суммируется с числом ответов «Скорее нет», отмеченных напротив мирских ценностей. Аналогично и ШД – суммируется число положительных ответов на вопросы, связанные с мирскими ценностями, и число отрицательных ответов на вопросы, отражающие христианские ценности. Значение каждой из шкал может колебаться от нуля до десяти (см. таблицу 2).

Таблица 2

Описательные статистики распределения ШГ и ШД

Меры среднего уровня	ШГ	ШД
Среднее	6,230	1,240
Медиана	0,600	1,000
Стандартное отклонение	2,070	1,420
Размах	9,000	9,000
Минимум	1,000	0,000
Максимум	10,00	9,000
Коэфф. асимметрии	-0,304	1,847
Станд. ош. асимметрии	0,197	0,197
Коэфф. эксцесса	-0,685	5,753
Станд. ош. эксцесса	0,391	0,391

Результаты дескриптивной статистики показали, что распределение ШГ близко к нормальному, а ШД смещено влево. Шкалы коррелируют на уровне $r^1 = -0,557$; $p = 0,000$. Статистически значимых различий для двух шкал по полу и возрасту (группы до 35 лет и от 35 лет и старше) не выявлено.

Связь религиозных ценностей с воцерковлённостью

Проведённое нами ранее тестирование методики В. Ф. Чесноковой «В-индекс» показало, что алгоритм, который применяется в ней для выделения различных групп верующих по степени их религиозности, ориентирован в первую очередь на массовые опросы, где респонденты могут быть как верующими,

¹ Здесь и далее r – коэффициент корреляции Пирсона, p – уровень статистической значимости, F – F-критерий Фишера.

относящимися к строго религиозному типу, так и слабоцерковлёнными людьми. Было также выявлено, что шкалы, используемые для построения В-индекса, характеризующие особенности религиозного поведения, позволяют достаточно чётко дифференцировать степень религиозности. Для работы с респондентами, относящимися к наиболее воцерковлённым группам верующих, классический алгоритм В-индекса не предназначен. В силу этого обстоятельства нами был предложен другой способ построения индекса воцерковлённости на тех же шкалах. Валидность этого алгоритма определяется связью индексного показателя с другими показателями, характеризующими религиозное сознание.

Для определения степени воцерковлённости (В-индекса) используются пять переменных: «частота посещения храма», «частота Причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «церковный пост». Каждая из переменных изменяется по порядковой шкале, имеющей пять градаций. В соответствии с предложенным нами принципом «числа сильных ответов» [Дивисенко 2016], разделим весь массив на две группы. К первой, наиболее сильной, отнесём те случаи, где число «сильных ответов» не менее трёх, а ко второй – оставшиеся случаи. Если наше предположение о существовании связи между ценностями и религиозным поведением верно, оно подтвердится на таком группировании.

Дисперсионный анализ показал статистически значимые различия в средних значениях по ШГ и ШД для двух групп верующих ($F = 14,4$, $p = 0,000$ и $F = 7,14$, $p = 0,008$). Использование данного метода для ШД является не совсем корректным, поскольку нормальному распределению подчиняется только ШГ. Поэтому более подробно рассмотрим ответы респондентов двух групп по всем десяти пунктам (см. таблицы 3 и 4).

Таблица 3

**Распределение ответов православных верующих по ШГ
относительно степени воцерковлённости, %**

Пункт шкалы	Сильная группа (n=104)		Слабая группа (n=50)	
	Да	Нет	Да	Нет
Чем меньше нужно человеку материальных благ в этом мире, тем он свободнее	73	5	50	20
Я стремлюсь воспитывать в себе смирение, любовь к ближним, умение прощать врагов	93	2	88	4
Страдания нужно переносить с надеждой и терпением...	94	0	70	4
Ходить перед Богом, чувствовать Его рядом с собой – всё остальное не имеет значения	52	10	40	20
Мне хотелось бы всё переносить без жалоб и ропота	92	3	76	8

Как видим, в распределении вопросов о христианских ценностях доля ответов «Да» (согласие с утверждением) по всем пяти пунктам выше для первой группы; а доля ответов «Нет» по всем пунктам выше у второй группы.

Таблица 4

Распределение ответов православных верующих по ШД относительно степени воцерковлённости, %

Пункт шкалы	Сильная группа (n=104)		Слабая группа (n=50)	
	Да	Нет	Да	Нет
Материальное благосостояние человека – основа его независимости и самоуважения	5	66	18	42
Благодаря моей вере мне удастся достичь финансовой независимости	11	54	12	52
Человеку нужно добиваться успехов в профессии, заботиться о карьере	34	28	40	28
Для меня важно добиваться того, чтобы люди прислушивались к моему мнению	24	45	20	42
Земная жизнь коротка – нужно постараться насладиться ею	10	69	18	40

В таблице 4, как и в предыдущей, отражена аналогичная тенденция, только в зеркальном отражении: доля респондентов, отметивших значимость дальних ценностей (вариант ответа «скорее да»), выше во второй группе, а в первой – выше доля ответов «скорее нет». Исключение составляет единственный пункт «Для меня важно добиваться того, чтобы люди прислушивались к моему мнению». Распределение же ответов, касающихся финансовой независимости и карьеры, в обеих группах сопоставимо.

Выявлено, что для людей, получивших образование на катехизаторских курсах, значимость христианских ценностей выше (7,04 против 6,08; $F = 4,5$, $p = 0,036$), а у людей, не принадлежащих конкретной общине, напротив, значения по ШГ ниже, чем у других (5,32 против 6,46; $F = 7,7$, $p = 0,006$).

При сопоставлении значимости христианских и мирских ценностей со стажем пребывания в церкви и с уровнем светского образования статистически значимых различий не было обнаружено.

Межконфессиональные особенности

Средние значения по ШГ у протестантов ниже, чем в сильной группе православных, и несколько выше, чем в слабой. Средние значения по ШД у протестантов также занимают промежуточное положение между двумя группами православных (см. таблицу 5). По ШГ достоверные различия обнаружены между двумя группами православных, а также

При сопоставлении значимости христианских и мирских ценностей со стажем пребывания в церкви и с уровнем светского образования статистически значимых различий не было обнаружено.

между сильной группой православных и протестантами. Значимые различия по ШД обнаружены только между двумя группами православных.

Таблица 5

Средние значения по ШГ и ШД, весь массив

Шкала	Меры среднего уровня	Православные		Протестанты (n=64)	Весь массив
		Сильная группа (n=104)	Слабая группа (n=50)		
ШГ	Среднее	6,65	5,35	5,42	6,00
	Станд. откл.	1,86	2,21	1,99	2,07
ШД	Среднее	1,03	1,67	1,52	1,32
	Станд. откл.	1,12	1,84	1,52	1,45

Касательно отдельных пунктов двух шкал для протестантов и православных респондентов в целом статистически значимые различия обнаруживаются только в одной позиции: «чем меньше нужно человеку материальных благ в этом мире, тем он свободнее». Своё согласие с данным утверждением выразили 65,6% православных и только 38,7% протестантов (распределение варианта ответа «нет» – 9,7 и 25,8% соответственно).

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о высокой значимости христианских и относительно низком значении мирских ценностей для верующих. Показано, что для строго религиозного типа православных верующих значимость христианских ценностей выше, чем для более слабой группы. Эта же особенность обнаружена и относительно дольных ценностей – их значимость находится в обратной зависимости от степени воцерковлённости.

Связи между ценностями и стажем церковной жизни (временем, прошедшим с момента первого сознательного участия в церковных таинствах) не обнаружено, хотя данный показатель можно рассматривать как характеризующий религиозное поведение. Данное обстоятельство, вероятно, объясняется тем, что на выбор религиозных ценностей в первую очередь оказывает влияние интенсивность участия в религиозных практиках в настоящее время, а не наличие их в прошлом.

Выявленная относительно высокая значимость мирских ценностей и низкая – христианских по отдельным пунктам шкал может рассматриваться как вполне соответствующая действительности: в сознании верующих религиозные ценности часто являются противоречивым и недоминирующим компонентом.

Результаты исследования свидетельствуют о высокой значимости христианских и относительно низком значении мирских ценностей для верующих.

В сознании верующих религиозные ценности часто являются противоречивым и недоминирующим компонентом.

щим компонентом. Сознание слабоцерковлённых людей, связанное с областью религии, духовности и экзистенциальной проблематики, является противоречивым и эклектичным. Так, в ряде эмпирических исследований выявлено, что не только некоторые люди, называющие себя православными, не верят в существование Бога, но и, наоборот, называющие себя атеистами, признают существование Бога или верят в реинкарнацию [Фёдорова 2015], а христианские ценности вполне сочетаются с мирскими [Двойнин, Данилова 2012].

В нашей методике использованы некоторые формулировки, предложенные В. Ф. Чесноковой, что позволяет сопоставить полученные результаты. Так, в сравнительном исследовании православных и мусульман мирские ценности («материальное благосостояние человека – основа его независимости» и «жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею») у православных занимают 4 и 11 место в общей структуре ценностей (что соответствует месту этих пунктов по массиву в целом) [Синелина 2009]. Религиозные ценности («страдания нужно переносить терпеливо», «чем меньше нужно человеку благ в этом мире, тем он свободнее» и «ходить перед Богом, чувствовать его рядом с собой – всё остальное не имеет значения») оказались на 7, 14 и 16 местах соответственно (по массиву эти позиции заняли 8, 15 и 16 места). Обращает на себя внимание, что эти две христианские ценности занимают последние места в общей структуре. Обнаружилось отсутствие связи между ценностной системой верующих и религиозной самоидентификацией. В нашем же исследовании доля отметивших соответствующие христианские ценности в 2–3 раза выше (по доле выбравших соответствующие ценности), поскольку респонденты – воцерковлённые верующие. Таким образом, можно предположить, что обнаруживаемый «люфт» между самоидентификацией и ценностной сферой, а также слабое влияние религиозных ценностей и норм на повседневное поведение людей в различных социальных группах верующих [Тарасова 2014, Дубограй 2011], по нашему мнению, обусловлен использованием мягких критериев религиозности.

Проведённая апробация методики диагностики горних и дольних ценностей в аксиосфере верующих людей позволяет сделать ряд выводов методического характера.

Предложенное методическое решение позволяет выявить соответствие ценностных ориентаций верующих людей существенным христианским ценностям как компонентам религиозной культуры, которое может также рассматриваться как критерий религиозности [Лебедев 2005: 167]. Принципиальных различий в ценностных ориентациях православных и протестантов (в том числе представителей евангельского сообщества)

Обнаружилось отсутствие связи между ценностной системой верующих и религиозной самоидентификацией.

Принципиальных различий в ценностных ориентациях православных и протестантов (в том числе представителей евангельского сообщества) не обнаружено.

не обнаружено, что позволяет говорить о возможности использования предложенного методического решения не только на православной выборке.

В методике использовалась номинальная шкала для каждого пункта («Скорее да» и «Скорее нет») с возможностью выбрать вариант «Трудно сказать», который не учитывался при построении ШГ и ШД. Очевидно, что такое дихотомическое решение ограничивает возможности для альтернативных способов построения шкал и обчёта данных, но в то же время избавляет респондентов от необходимости «натянутого» ответа, когда выбор того или иного варианта осуществляется не в силу значимости ценности, а обусловлен методическим решением *tertium non datur*.

Относительно высокий уровень ответов «Трудно сказать» в пунктах, касающихся мирских ценностей, вероятно, требует коррекции формулировок отдельных позиций и апробирование альтернативных шкал, что может стать предметом дальнейшей работы.

Можно предположить, что горние и дольные ценности взаимно не исключают друг друга, то есть теоретически возможен смешанный тип ценностных ориентаций. Это требует дальнейшей эмпирической проверки на целевой выборке (слабовоцерковлённые люди и номинально верующие). Имеющиеся эмпирические данные не позволили выявить данный тип.

Предложенная методика может быть использована в различных исследовательских и диагностических целях как шкала, характеризующая направленность ценностных ориентаций верующих людей относительно христианских ценностей.

Библиографический список

Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.

Бабиц Н. С., Хоменко В. И. 2013. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. № 2. С. 89–96.

Баева Л. В. 2005. Религиозные ценности: неклассический подход // Гуманитарные исследования. Астрахань: Астраханский государственный университет. № 4. С. 5–11.

Безнюк Д. К. 2006. Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси // Социологические исследования. № 2. С. 128–135.

Богатова О. А. 2014. Секулярная религиозность в России: самоидентификация и социальные установки верующих (На примере Республики Мордовия) // Вестник Мордовского университета. № 3. С. 153–158.

Можно предположить, что горние и дольные ценности взаимно не исключают друг друга, то есть теоретически возможен смешанный тип ценностных ориентаций.

Богачёв М. И. 2016. Динамика политических предпочтений православных верующих в России // Власть. № 5. С. 146–150.

Гумницкий М. Е. 2013. Особенности ценностно-смысловой сферы личности молодых людей с разным уровнем выраженности религиозности // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология. № 5 (52). С. 72–78.

Далгатов М. М., Магомедова Н. Т., Асадулаева У. М., Гадисова И. А. 2011. Ценностные и смысло-жизненные ориентации студентов исламских и светских высших учебных заведений // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. № 3. С. 12–18.

Двойнин А. М., Данилова Г. И. 2012. Психологическое исследование религиозности современной православной молодежи // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. № 25. С. 131–137.

Дивисенко К. С. 2016. Тесным путём и в нужном направлении: проблема выявления сильной группы православных верующих // Социологические исследования. № 10. С. 128–138.

Долганов Д. Н. 2014. Семантические особенности религиозных представлений // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. № 3 (34). С. 110–121.

Дубограй Е. В. 2011. Религиозность военнослужащих Вооружённых сил России: духовные ценности и нормы поведения // Пространство и Время. № 3. С. 106–110.

Ефремова М. В., Лепшокова З. Х. 2010. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями у представителей христианской и мусульманской конфессий // Альманах современной науки и образования. № 11. С. 19–26.

Клинецкая Н. В. 2015. Молодёжь, жизненный успех, религия (по материалам социологического исследования) // Научный результат. Серия: Социология и управление. № 3. С. 24–28.

Лебедев С. Д. 2005. Религиозность: в поисках «рубежона» // Социологический журнал. № 3. С. 153–168.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. 2010. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // Journal of Institutional Studies. № 2. С. 17–34.

Мчедлова М. М. 2015. Влияние религии на ценностное сознание россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков [и др.]. Институт социологии РАН. М.: Весь Мир. С. 166–197.

Мчедлова М. М. 2012. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. № 4. С. 10–24.

Мягков И. Ф., Щербатых Ю. В., Кравцова М. С. 1996. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. Том 17. № 6. С. 120–122.

Пруцкова Е. В. 2016. Связь религиозности и базовых ценностей в России (по данным «Европейского социального исследования» и всероссийского исследования «ОртодоксМонитор») // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. URL: <https://conf.hse.ru/2016/program> [Дата посещения: 5.09.2016].

Сенюткина О. Н., Шиманская О. К. 2015. Религиозные ценности в социально-политической жизни России // Современная Европа. Журнал общественно-политических исследований. Июль-сентябрь. № 3 (63). С. 107–118.

Синелина Ю. Ю. 2013. Новые тенденции в религиозном сознании и поведении россиян // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. № 1. С. 76–82.

Синелина Ю. Ю. 2009. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. № 4. С. 89–95.

Смирнов Д. О. 2001. Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: автореферат дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.01 / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь. 20 с.

Сучкова О. В. 2008. Методика изучения социально-психологического свойства личности «религиозность» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. № 3. С. 136–146.

Тарасова Т. Т. 2014. Религиозность студенческой молодёжи крупного поликонфессионального города // Вестник Южного научного центра РАН. Том 10. № 4. С. 80–84.

Фёдорова М. В. 2015. Трансформация религиозных ценностей в современной молодёжной культуре // Инновационная наука. № 10. С. 49–55.

Хухлаев О. Е., Шорохова В. А. 2016. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодёжи // Социальная психология и общество. Том 7. № 2. С. 35–50. DOI: [10.17759/sps.2016070203](https://doi.org/10.17759/sps.2016070203).

Чеснокова В. Ф. 2005. Тесным путём: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект. 304 с.

Шамионов Р. М. 2014. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов // Психологические исследования: электронный научный журнал. Т. 7. № 35. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/999-shamionov35.html> [Дата посещения: 12.05.2017].

Шемяк И. С. 2012. Религиозность и духовность с позиции концепции интеграции психики // Современные проблемы науки и образования. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/105-6934> [Дата посещения: 12.05.2017].

Шорохова В. А., Хухлаев О. Е., Дагбаева С. Б. 2016. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. Т. 12. № 1. С. 66–75. DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107).

Greer J. E., Francis L. J. 1990. The Religious Profile of Pupils in Northern Ireland // Journal of Empirical Theology. Volume 3. Issue 2. P. 35–50. DOI: [10.1163/157092590X00110](https://doi.org/10.1163/157092590X00110).

Sayer R. A. 2011. Why Things Matter to People: Social Science, Values and Ethical Life. New York: Cambridge University Press. 296 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.459

Divine and Terrestrial in the Value System of Religious People: The Results of Method Testing

Divisenko Konstantin Sergeevitch

Candidate of Sociology, Senior researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: k.divisenko@socinst.ru

Abstract. This article¹ presents a description of a method which allows determining whether the value orientations of religious folk are in compliance with significant Christian values as components of religious culture. Presented is a short overview of empirical studies of the value field of religious people, as well as methods aimed towards analyzing various components of religious consciousness and behavior. Usually empirical studies are united by the circumstance that they typically examine universal value categories, not just specifically religious ones. The provided methodical solution highlights two dimensions when it comes to analyzing the axiosphere: “divine” (Christian values) and “terrestrial” (mundane, secular life values). The questionnaire is comprised of ten items, divided into two sub-scales. The study conducted on two groups of religious folk – those who attribute themselves to orthodox and protestant faith – revealed a high level of importance for Christian values and a relatively low level of importance for mundane values. Testing the method also allowed establishing that the importance of Christian values for the more active church-goers in the subgroup of orthodox Christians, highlighted based on the religious behavior criterion, is certainly higher, while mundane values are less important, compared to the weaker sub-group. This discovery allows asserting that values as a component of religious consciousness are affected by the degree of church-going activity. No fundamental differences in the value orientations of orthodox and protestant Christians were discovered, which is a testament to the possibility of using this method on Christians regardless of their confessional affiliation. The developed method can be used for various examination and diagnostic purposes as a scale which characterizes peculiarities in the religious consciousness of religious folk, their value orientations when it comes to the main categories of Christian life.

Keywords: religious values, orthodox faith, Protestantism, church-going activity index (CGA-index), religious behavior, religious consciousness.

¹ The article was prepared within the framework of the research project “The Life World of Believers: Theoretical and Methodological Aspects of the Study of Individual Spirituality and Religiousness” (Grant of the President of the Russian Federation, the 2015 contest on state support for young Russian Ph.D. candidates No. МК-6693.2015.6).

References

Aktualizirovannye cennosti sovremennogo rossiyskogo obschestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 273 p.

Babich N. S., Homenko V. I. Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podhoda k izmereniju religioznosti [Logical and practical difficulties of the multidimensional approach to the measurement of religiosity]. Sociologicheskyy zhurnal, 2013, no 2, pp. 89–96.

Baeva L. V. Religioznye cennosti: neklassichesky podhod [Religious Values: Non-classical Approach]. Gumanitarnye issledovaniya, 2005, no 4, pp. 5–11.

Bezniuk D. K. Sostojanie i specifika sovremennoy religioznoy situatsii v Belarusi [The State and Specifics of Current Religious Situation in Belarus]. Sociologicheskyye issledovaniya, 2006, no 2, pp. 128–135.

Bogachiov M. I. Dinamika politicheskikh predpochteniy pravoslavnykh verujushchikh v Rossii [Dynamics of Political Preferences of Orthodox Believers in Russia]. Vlast', 2016, no 5, pp. 146–150.

Bogatova O. A. Sekuliarnaja religioznost' v Rossii: samoidentifikatsiya i social'nye ustanovki verujushchikh (Na primere Respubliki Mordovija) [Secular Religiosity in Russia: Self-identification and Social Attitudes of Believers (On the example of the Republic of Mordovia)]. Vestnik Mordovskogo universiteta, 2014, no 3, pp. 153–158.

Chesnokova V. F. Tesnym putiom: Process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX veka [Strait gate: The Process of the Churching of the Russian Population of at the End of the Twentieth Century]. Moscow, Akademicheskyy proekt, 2005. 304 p.

Dalgatov M. M., Magomedova N. T., Asadulaeva U. M., Gadisova I. A. Cennostnye i smyslozhiznennyye orientatsii studentov islamskikh i svetskikh vysshikh uchebnykh zavedeniy [Values and Meaningful Orientations of Students of Islamic and Secular Higher Educational Institutions]. Izvestiya DGPU, Psichologo-pedagogicheskie nauki, 2011, no 3, pp. 12–18.

Divisenko K. S. Tesnym putiom i v nuzhnom napravlenii: problema vyjavleniya sil'noy grupy pravoslavnykh verujushchikh [Strait gate in a right direction: problem of recognizing strong group of Orthodox believers]. Sociologicheskyye issledovaniya, 2016, no 10, pp. 128–138.

Dolganov D. N. Semanticheskie osobennosti religioznykh predstavleniy [Semantic Features of Religious Beliefs]. Vestnik PSTGU. Seriya 4: Pedagogika. Psichologiya, 2014, no 3 (34), pp. 110–121.

Dubogray E. V. Religioznost' voennosluzhaschikh Vooruzhionnykh sil Rossii: duhovnye cennosti i normy povedeniya [Religiosity of Russian Armed Forces Militaries: Moral Values and Norms of Behavior]. Prostranstvo i Vremya, 2011, no 3, pp. 106–110.

Dvoynin A. M., Danilova G. I. Psichologicheskoye issledovanie religioznosti sovremennoy pravoslavnoy molodiozhi [Psychological Research of Religiosity of Modern Orthodox Youth]. Vestnik PSTGU. Seriya 4: Pedagogika. Psichologiya, 2012, no 25, pp. 131–137.

Efremova M. V., Lepshokova Z. H. Vzaimosvyez' cennostey i religioznoy identichnosti s ekonomicheskimi ustanovkami i predstavleniyami u predstaviteley hristianskoy i musul'manskoy konfessii [The Interconnection of Values and Religious Identity with Economic Attitudes and Perceptions among Representatives of the Christian and Muslim Faiths]. Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya, 2010, no 11, Part 2, pp. 19–26.

Fedorova M. V. Transformatsiya religioznykh cennostey v sovremennoy molodiozhnoy kul'ture [Transformation of Religious Values in Modern Youth Culture]. Innovatsionnaya nauka, 2015, no 10, pp. 49–55.

Gumnicky M. E. Osobennosti cennostno-smyslovoy sfery lichnosti molodykh liudey s raznym urovnem vyrashennosti religioznosti [Features of the Value-Semantic Sphere of the Personality of Young People with Different levels of Religiousness]. Uchionyye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogika i psichologiya, 2013, no 5 (52), pp. 72–78.

Huhlaev O. E., Shorohova V. A. Social'no-psihologicheskoe issledovanie religioznoy identichnosti u pravoslavnoy molodiozhi [Research on Religious Identity of Orthodoxy Youth]. *Social'naja psihologija i obschestvo*, 2016, vol. 7, no 2, pp. 35–50. DOI: [10.17759/sps.2016070203](https://doi.org/10.17759/sps.2016070203).

Klineckaja N. V. Molodiozh', zhiznenny uspeh, religija (po materialam sociologicheskogo issledovanija) [The Youth, Life Success, Religion (on the Materials of Sociological Research)]. *Nauchny rezul'tat. Serija: Sociologija i upravlenie*, 2015, no 3, pp. 24–28.

Lebedev S. D. Religioznost': v poiskah «rubikona» [Religiosity: searching for "Rubicon river"]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2005, no 3, pp. 153–168.

Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Cennosti i social'ny capital kak osnova social'no-ekonomicheskogo razvitija [Values and Social Capital as the Basis for Socio-Economic Development]. *Journal of Institutional Studies*, 2010, no 2, pp. 17–34.

Mchedlova M. M. Sovremennye parametry vozvrashhenija religii: rakursy problem [Modern Parameters of the Return of Religion: the Perspectives of the Problem]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2012, no 4, pp. 10–24. DOI: <https://doi.org/>.

Mchedlova M. M. Vlijanie religii na cennostnoe soznanie rossijan [The Influence of Religion on the Value Consciousness of Russians]. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Vol. 1. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Ves' Mir*, 2015, pp. 166–197.

Miagkov I. F., Scherbatykh Y. V., Kravcova M. S. Psihologicheskij analiz urovnia individual'noy religioznosti [Psychological Analysis of the Level of Individual Religiosity]. *Psihologicheskij zhurnal*, 1996, vol. 17, no 6, pp. 120–122.

Pruckova E. V. Sviaz' religioznosti i bazovykh cennostey v Rossii (po dannym «Evropeyskogo social'nogo issledovanija» i vsrossijskogo issledovanija «Ortodox Monitor») [The Relationship between Religiosity and Basic Values in Russia (according to the data of the "European Social Research" and the All-Russian study "OrthodoxyMonitor")]. XVII April International conference of NRU HSE, 2016. Working papers.

Seniutkina O. N., Shimanskaja O. K. Religioznye cennosti v social'no-politicheskoj zhizni Rossii [Religious values in socio-political life of Russia]. *Sovremennaja Evropa*, 2015, no 3 (63), pp. 107–118. DOI: [10.15211/soveurope32015107117](https://doi.org/10.15211/soveurope32015107117).

Shamionov R. M. Gruppovye cennosti i ustanovki kak prediktory psihologicheskogo blagopoluchija russkikh i kazahov [Group values and attitudes as predictors of subjective well-being in Russians and Kazakhs]. *Psihologicheskie issledovanija: elektronny nauchny zhurnal*, 2014, vol. 7, no 35. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/999-shamionov35.html> [date of visit: 12.05.2017].

Shemet I. S. Religioznost' i duhovnost' s pozicii koncepcii integracii psihiki [Religiosity and Spirituality from the Position of the Concept of Integration and Mentality]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 2012, no 5. URL: <http://www.science-education.ru/105-6934> [date of visit: 12.05.2017].

Shorohova V. A., Huhlaev O. E., Dagbaeva S. B. Vzaimosviaz' cennostey i religioznoy identichnosti u shkol'nikov buddistskogo veroispovedanija [Relationship between Values and Religious Identity in Buddhist Adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*, 2016, vol. 12, no 1, pp. 66–75. DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107).

Sinelina J. Y. Novye tendencii v religioznom soznanii i povedenii rossijan [New Trends in Religious Consciousness and Behavior of Russians]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sociologija i politologija*, 2013, no 1, pp. 76–82.

Sinelina J. Y. Pravoslavnye i musul'mane: sravnitel'ny analiz religioznogo povedenija i cennostnyh orientacij [Orthodox Christian and Moslem Believers. Comparative Study of Religious Behavior and Value Orientations]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2009, no 4, pp. 89–95.

Smirnov D. O. Religioznaja aktivnost' v strukture integral'noy individual'nosti [Religious Activity in the Structure of Integral Individuality]: avtoreferat dis. ... kand. psiholog. nauk: 19.00.01. Perm', Perm State Pedagogic University, 2001. 20 p.

Suchkova O. V. Metodika izuchenija social'no-psihologicheskogo svoystva lichnosti «religioznost'» [The methodology of Studying the Socio-Psychological Properties of the Person "Religiosity"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija*, 2008, no 3, pp. 136–146.

Tarasova T. T. Religioznost' studencheskoj molodiozhi krupnogo polikonfessional'nogo goroda [Religiousness of Student's Youth of a Large Poly-confessional City]. *Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra RAN*, 2014, vol. 10, no 4, pp. 80–84.

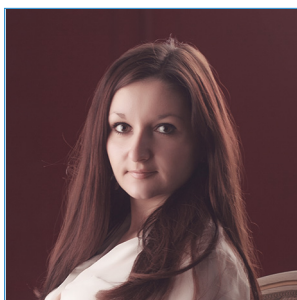
Ценности и их носители

Ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи

Шавырина Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород

E-mail: shavyrina_77@mail.ru

Демененко Инна Арамовна – старший преподаватель кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород

E-mail: inna12manager@gmail.com

Ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.460

Аннотация. В статье¹ рассматривается проблема формирования ценностно-мотивационных ориентиров студенческой молодёжи. Ценностная ориентация студента представляет собой мотивирующий фактор, который объясняет определённую направленность, мировоззрение и социальную активность. Авторами поставлена научная проблема, заключающаяся в несоответствии ожиданий и реалий, формирующихся в сознании студенческой молодёжи в процессе обучения в вузе. Представлены результаты эмпирического исследования, проведённого 20 ноября – 30 декабря 2016 г. среди учащихся ведущих вузов Белгородской области. Результаты исследования позволили определить ведущие мотивационные ориентиры абитуриентов при поступлении в высшее учебное заведение и студентов в зависимости от курса обучения и гендерных различий. Анализ полученных данных показал, что основополагающим для респондентов при выборе вуза явилось наличие интересующей специальности (64,60%), качественное образование, предоставляемое вузом (49,83%), а также престижность вуза (25,77%). Результаты исследования показали также, что для респондентов значимо мнение ближайшего окружения (родителей), желание учиться в кругу своих знакомых и друзей, немаловажна и приемлемая плата за обучение. Выявлено, что Наличие интересующей специальности важно для 66,83% респондентов, выбирающих государственный вуз, и для 59,04% – коммерческий. Значимым для студентов государственных вузов стало качественное образование (55,29%), для студентов коммерческих вузов качественное образование занимает третью позицию (36,14%). В зависимости от курса обучения выявлены изменения такого мотива, как престижность вуза в области. У студентов 1 курса он важен для 30,23%, а у студентов 4 курса – для 22,77%, что показывает смещение вектора значимости для студенческой молодёжи.

Ключевые слова: образовательные услуги, студенческая молодёжь, высшее образование, мотивы, рынок труда

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Клиентоориентированная организационная культура вуза как фактор эффективного социально-экономического развития региона» № 16-13-31002 (рук. – И. В. Шавырина).

Реформирование системы высшего образования как одного из важнейших институтов современного общества напрямую влияет не только на дальнейшие перспективы развития социальной сферы в целом, но и определяет направления применения высшими учебными заведениями новых стратегий в области предоставления образовательных услуг, позиционирования вузов [Гуськова 2014, Шавырина 2014]. Необходимость интеграции диктует переход на двухуровневую систему обучения в вузе и унификацию (соотнесение) российских специальностей и направлений подготовки с принятыми в мировой образовательной практике.

По мнению современных исследователей, основной задачей, стоящей сегодня перед учреждениями образования, является адаптация их деятельности к потребностям рынка и бизнеса с целью выпуска «продукции» более высокого качества [Ефимова 2011]. При этом результаты деятельности вузов являются востребованными на двух рынках – рынке труда (в виде выпускников, «потребителями» которых являются предприятия и организации) и рынке образовательных услуг (в виде реализации основных образовательных программ, проведения фундаментальных и прикладных исследований, разработки дополнительных видов профессиональной деятельности и пр.).

Методология исследования

Осознавая тот факт, что повышение качества деятельности учреждений образования возможно только при наличии здоровой конкуренции, многие вузы начали активную разработку маркетинговых концепций с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке образовательных услуг [Гринкруг 2011, Василенко 2011]. В свою очередь, для абитуриента выбор учебного заведения является важнейшей задачей, плацдармом в развитии профессиональной деятельности и становлении себя как профессионала высокого уровня. Зачастую возникает проблема несоответствия ожиданий и реалий в сознании студенческой молодёжи в процессе обучения в высшем учебном заведении [Демененко 2016, Шавырина 2016]. Такая ситуация обусловлена формированием субъективных установок молодых людей, предоставлением «лжеинформации» старшекурсниками, личностное разочарование в выбранной профессии, а также повышенная конкуренция на рынке труда, необходимость постоянного совершенствования своих знаний, умений и навыков, адаптация к быстроменяющимся социально-экономическим условиям развития личности профессионала.

Основной задачей, стоящей сегодня перед учреждениями образования, является адаптация их деятельности к потребностям рынка и бизнеса с целью выпуска «продукции» более высокого качества.

Осознавая, что повышение качества деятельности учреждений образования возможно только при наличии здоровой конкуренции, многие вузы начали активную разработку маркетинговых концепций с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Многие социологические исследования последнего времени говорят о том, что сегодня на первое место ставится не значимость образования как «интеллектуального капитала», а его значение как ресурса для достижения успеха, поэтому приоритетными ценностями для современного студента являются карьера, успех, образованность, престижная работа. Исследование, проведённое А. В. Петровым, фиксирует следующие изменения в ценностных предпочтениях молодёжи: «Растёт значимость индивидуальных ориентаций: для одних – это отдых и развлечения; для других – красивая и комфортная жизнь, для третьих – собственные благополучие и карьера, для четвёртых главными остаются ценности благополучия своей семьи, здоровья, хорошей (оплачиваемой) работы» [Петров 2008]. Эти выводы подтверждают тенденцию роста в молодёжной среде идеологического и мировоззренческого плюрализма, многовариантность, «мозаичность» и фрагментарность мировоззрения. Таким образом, нельзя сказать, что ценности современного студенчества тяготеют только к альтруизму или эгоизму.

В качестве мониторинга ценностно-мотивационных ориентиров студенческой молодёжи в рамках выполнения проекта Российского гуманитарного научного фонда «Клиентоориентированная организационная культура вуза как фактор эффективного социально-экономического развития региона» был проведён опрос студенческой молодёжи ведущих вузов Белгородской области. В исследовании приняли участие Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова (БГТУ), Белгородский университет экономики, кооперации и права (БУКЭП). Целью исследования стала оценка уровня удовлетворённости потребностей студентов в вузовской среде. Опрос был проведён в период с 20 ноября по 30 декабря 2016 г., общее количество респондентов, участвовавших в исследовании, составило 801 человек. В структуре выборочной совокупности по полу представлены 45,02% мужчин и 54,98% женщин, по форме обучения – учащихся государственных вузов – 71,48%, коммерческих – 28,52%. Согласно цели исследования одним из котирующих признаков явился курс, на котором обучаются респонденты. Так, в структуре выборочной совокупности респонденты, обучающиеся на 1 курсе, составили 29,55%, на втором-третьем – 35,74%, на 4 курсе – 34,71%.

Мотивы поступления и обучения в вузах

Для исследования ценностно-мотивационных ориентиров участникам опроса предлагалось заполнить анкету, содержащую комплекс вопросов закрытого и открытого типа.

Полученные данные обработаны и проанализированы с позиции оценки конкурентных преимуществ вуза и потребностных установок студенческой молодёжи Белгородского региона.

Основополагающим для респондентов при выборе вуза явилось наличие интересующей специальности (64,60%), качественное образование, предоставляемое вузом (49,83%), а также престижность вуза (25,77%). Значимыми мотиваторами послужили также совет родителей (19,24%), обучение в данном вузе определённого количества друзей, знакомых и родственников (17,18%), а также приемлемая плата за обучение (14,78%). Наименее весомыми мотивами из представленного перечня явились: отлаженный процесс дальнейшего трудоустройства (8,93%), реклама вуза (6,19%), а также профорientационная работа, проводимая в процессе школьного обучения (2,75%, что составляет всего 19 человек в абсолютном исчислении) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что при выборе вуза для Вас было основополагающим?»

Варианты ответов	Количество	
	абс.	%
Качественное образование, предоставляемое вузом	344	49,83
Наличие интересующей меня специальности	446	64,60
Туда поступают (поступали) мои друзья, родственники и т. п.	119	17,18
Совет родителей	133	19,24
Это самый престижный вуз области	178	25,77
Плата за обучение является приемлемой для меня (моей семьи)	102	14,78
Этот вуз хорошо разрекламирован	43	6,19
Для поступления в этот вуз предъявляются минимальные требования	95	13,75
Прекрасное здание университета, развитая инфраструктура	81	11,68
В данном вузе хорошо отлажен процесс дальнейшего трудоустройства	62	8,93
Большее влияние оказала профорientационная работа, проводимая в школе	19	2,75
Выплата стипендий	5	0,69
Месторасположение вуза	3	0,34
Отсутствие возможности уехать в другой город	5	0,69
Обучение по сокращённой программе	3	0,34
Совершенно случайно	3	0,34
Мечта с детства	3	0,34

*Сумма ответов превышает 100%, так как был возможен множественный выбор.

Основополагающим для респондентов при выборе вуза явилось наличие интересующей специальности (64,60%), качественное образование, предоставляемое вузом (49,83%), а также престижность вуза (25,77%).

Необходимо отметить, что кроме предложенных вариантов, в анкете респонденты указали и свои варианты, определяющие их поступление в вуз. К ним относятся: выплата стипендий (0,69%), отсутствие возможности уехать в другой город (0,69%), месторасположение вуза (0,34%), мечта с детства (0,34%), возможность обучения по сокращённой программе (0,34%), а также просто случайность (0,34%).

На наш взгляд, представленные ответы свидетельствуют, во-первых, о желании респондентов получать качественное и интересующее их образование, учиться в одном из престижных вузов страны, а не просто получить диплом о высшем образовании. В данном случае очевиден ракурс смещения акцентов на получение образования в современных условиях. Во-вторых, очевидна значимость мнения ближайшего окружения (родителей), а также желание учиться в кругу своих знакомых и друзей. В-третьих, одним из основополагающих мотивов при выборе вуза явилась приемлемая плата за обучение.

Таким образом, обозначаются определённые детерминанты, влияющие на выбор того или другого учебного заведения – качество, престижность, приемлемость.

На наш взгляд, значимым представляется анализ распределения ответов на данный вопрос в зависимости от статусной принадлежности вуза (см. таблицу 2).

Так, основополагающим при выборе вуза явилось наличие интересующей специальности – на это указали 66,83% респондентов, обучающихся в государственных вузах, и 59,04% – в коммерческих.

На второй позиции для студентов государственных вузов стало качественное образование (55,29%), а вот для студентов коммерческих – качественное образование занимает третью позицию (36,14%).

Более того, для студентов коммерческих вузов вторым по значимости мотиватором при выборе вуза явилась приемлемая плата за обучение – на это указали 40,96% опрошенных, хотя у студентов государственных вузов данный мотиватор занимает лишь 10-ю позицию (4,33%).

Существенные различия также наблюдаются в определении престижности вуза. Если у студентов государственных вузов этот мотиватор занимает 3-ю позицию (31,73%), то у студентов коммерческих – лишь 7-ю (10,84%).

Более того, в то время как студенты коммерческих вузов одним из основополагающих мотиваторов определили минимальные требования, предъявляемые для поступления в вуз, – 4-я позиция (31,33%), то студенты государственных вузов указали на это лишь на 8-й позиции (6,73%).

Существенными являются и распределения ответов респондентов по такому мотиватору, как дальнейшее трудоустройство – 10,58% в государственных и 4,82% в коммерческих вузах.

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов
в зависимости от статусной принадлежности вуза, %**

Что при выборе вуза для Вас было основополагающим?	Вуз	
	Государственный	Коммерческий
Качественное образование, предоставляемое вузом	55,29	36,14
Наличие интересующей меня специальности	66,83	59,04
Туда поступают (поступали) мои друзья, родственники и т. п.	16,83	18,07
Совет родителей	17,31	24,10
Это самый престижный вуз области	31,73	10,84
Плата за обучение является приемлемой для меня (моей семьи)	4,33	40,96
Этот вуз хорошо разрекламирован	6,73	4,82
Для поступления в этот вуз предъявляются минимальные требования	6,73	31,33
Прекрасное здание университета, развитая инфраструктура	13,94	6,02
В данном вузе хорошо отлажен процесс дальнейшего трудоустройства	10,58	4,82
Большее влияние оказала профориентационная работа, проводимая в школе	2,88	2,41
Выплата стипендий	0,48	1,20
Месторасположение вуза	0,48	-
Отсутствие возможности уехать в другой город	0,96	-
Обучение по сокращенной программе	-	1,20
Совершенно случайно	0,48	-
Мечта с детства	0,48	-
Всего	100,00	100,00

*Сумма ответов превышает 100%, так как был возможен множественный выбор.

По остальным мотиваторам существенных расхождений не выявляется.

Таким образом, при выборе государственных вузов обучающиеся руководствовались прежде всего интересующей специальностью, качественным образованием и престижностью вуза; при выборе коммерческих – интересующей специальностью, приемлемой платой за обучение и предоставлением качественного образования, а также минимальными требованиями, предъявляемыми при поступлении в вуз.

Основополагающим при выборе вуза явилось наличие интересующей специальности – на это указали 66,83% респондентов, обучающихся в государственных вузах, и 59,04% – в коммерческих.

В наименьшей степени студентов государственных вузов мотивировали реклама и минимальные требования при поступлении, а также плата за обучение и профориентационная работа.

Студентов коммерческих вузов в наименьшей степени мотивировали инфраструктура вуза, процесс дальнейшего трудоустройства, реклама, а также профориентационная работа.

Представляются важными результаты ответов респондентов, их ценностно-мотивационных ориентиров в зависимости от курса обучения в вузе (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Оценка ценностно-мотивационных ориентиров
в зависимости от курса обучения, %**

Что при выборе вуза для Вас было основополагающим?	Курс			
	1	2-3	4	Всего
Качественное образование, предоставляемое вузом	59,30	52,88	38,61	49,83
Наличие интересующей меня специальности	67,44	59,62	67,33	64,60
Туда поступают (поступали) мои друзья, родственники и т. п.	11,63	20,19	18,81	17,18
Совет родителей	13,95	21,15	21,78	19,24
Это самый престижный вуз области	30,23	25,00	22,77	25,77
Плата за обучение является приемлемой для меня (моей семьи)	17,44	9,62	17,82	14,78
Этот вуз хорошо разрекламирован	2,33	9,62	5,94	6,19
Для поступления в этот вуз предъявляются минимальные требования	12,79	9,62	18,81	13,75
Прекрасное здание университета, развитая инфраструктура	12,79	11,54	10,89	11,68
В данном вузе хорошо отлажен процесс дальнейшего трудоустройства	13,95	11,54	1,98	8,93
Большее влияние оказала профориентационная работа, проводимая в школе	1,16	2,88	3,96	2,75
Выплата стипендий	1,16	-	0,99	0,69
Месторасположение вуза	-	0,96	-	0,34
Отсутствие возможности уехать в другой город	-	-	1,98	0,69
Обучение по сокращённой программе	-	-	0,99	0,34
Совершенно случайно	-	0,96	-	0,34
Мечта с детства	-	-	0,99	0,34
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00

По данному параметру существенных расхождений в ответах студентов не выявлено, но всё же к 4 курсу снижается такой мотивационный фактор, как качественное образование (38,61% в отличие от 59,30% на 1 курсе). Также

В наименьшей степени студентов государственных вузов мотивировали реклама и минимальные требования при поступлении, а также плата за обучение и профориентационная работа.

Студентов коммерческих вузов в наименьшей степени мотивировали инфраструктура вуза, процесс дальнейшего трудоустройства, реклама, а также профориентационная работа.

заметны изменения мотива «престижность вуза в области». У студентов 1 курса он составляет 30,23%, а у студентов 4 курса – 22,77%, что показывает смещение вектора значимости для студенческой молодёжи. Обнаруживается также смещение траектории значимости такого мотивационного фактора, как отлаженный процесс дальнейшего трудоустройства (с 13,95% на 1 курсе к 1,98% на 4 курсе).

Рассмотрим распределение позиций респондентов в зависимости от гендерного признака опрошенных (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов
в зависимости от гендерного признака, %**

Что при выборе вуза для Вас было основополагающим?	Пол	
	Мужской	Женский
Качественное образование, предоставляемое вузом	51,15	48,75
Наличие интересующей меня специальности	61,83	66,88
Туда поступают (поступали) мои друзья, родственники и т. п.	19,85	15,00
Совет родителей	22,90	16,25
Это самый престижный вуз области	27,48	24,38
Плата за обучение является приемлемой для меня (моей семьи)	5,34	22,50
Этот вуз хорошо разрекламирован	6,11	6,25
Для поступления в этот вуз предъявляются минимальные требования	12,98	14,38
Прекрасное здание университета, развитая инфраструктура	13,74	10,00
В данном вузе хорошо отлажен процесс дальнейшего трудоустройства	12,21	6,25
Большее влияние оказала профориентационная работа, проводимая в школе	3,05	2,50
Выплата стипендий	-	1,25
Месторасположение вуза	0,76	-
Отсутствие возможности уехать в другой город	-	1,25
Обучение по сокращённой программе	-	0,63
Совершенно случайно	-	0,63
Мечта с детства	-	0,63
Всего	100,00	100,00

*Сумма ответов превышает 100%, так как был возможен множественный выбор.

Отличительной особенностью данных распределений является приемлемая плата за обучение: для девушек она стала более серьёзным мотиватором, чем для юношей (22,50 и 5,34%, соответственно).

При этом отлаженный процесс дальнейшего трудоустройства более значим для юношей (соответственно, 12,21 и 6,25%).

На наш взгляд, достойными внимания являются варианты ответов, самостоятельно представленные студентами. Например, выплата стипендий (1,25%), отсутствие возможности уехать в другой город (1,25%), обучение по сокращённой программе (0,63%), мечта с детства (0,63%), случайность (0,63%) являются характерными только для девушек, в то время как месторасположение вуза – только для юношей (0,76%).

Заключение

Так, ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи вузов Белгородской области в плане статусной принадлежности (абитуриент – студент 1 курса – студент старших курсов) имеют некие различия. В частности, к старшим курсам ярко выражено снижение ценностных ориентаций студентов по следующим показателям: качество образования, предоставляемое вузом; престижность вуза, а также система отлаженного трудоустройства выпускников. Если данные показатели выступают для абитуриентов и первокурсников в ряде важнейших, то с течением времени, теряют свою значимость.

В условиях серьёзных преобразований во всех сферах общественной жизни профессиональная подготовка молодёжи приобретает первостепенное значение, и именно конкретный вуз выступает платформой для социализации молодого человека, его адаптации к внешней и внутренней среде, а также неким ресурсом самореализации и саморазвития. Социолог Ф. Э. Шереги справедливо замечает, что система образования – это базисный социальный институт, определяющий уровень научно-технического, экономического и культурного прогресса общества: «Чтобы стимулировать этот прогресс, данный институт должен не только соответствовать потребностям времени, но и обладать способностью к опережающему развитию, создавая при этом условия для развития личности» [Шереги 2010: 378].

Таким образом, повышенная конкуренция на рынке образовательных услуг обуславливает необходимость разработки стратегических программ развития вузов с учётом систематического мониторинга внутриуниверситетской среды посредством изучения удовлетворённости клиентов образовательной системы (абитуриентов, студентов различных курсов, преподавателей и сотрудников) направлениями деятельности вуза. Ценностно-мотивационные установки студенческой молодёжи должны стать одним из основных показателей инновационного развития высшего учебного заведения.

К старшим курсам ярко выражено снижение ценностных ориентаций студентов по следующим показателям: качество образования, предоставляемое вузом, престижность вуза, а также система отлаженного трудоустройства выпускников.

Именно конкретный вуз выступает платформой для социализации молодого человека, его адаптации к внешней и внутренней среде, а также неким ресурсом самореализации и саморазвития.

Ценностно-мотивационные установки студенческой молодёжи должны стать одним из основных показателей инновационного развития высшего учебного заведения.

Библиографический список

Гуськова Е. А., Шавырина И. В. 2014. Проблема профессионального самоопределения современной молодежи в условиях конкуренции вузов на рынке образовательных услуг // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. № 3. С. 215–219.

Гринкруг Л. С., Василенко В. С. 2011. Обновление образовательной системы вуза: модель взаимодействия с внешней средой // Университетское управление: практика и анализ. № 3. С. 29–36.

Демененко И. А., Шавырина И. В. 2016. Концептуализация клиентоориентированного подхода в управлении высшей школой // Научный результат. Серия: Социология и управление. Т. 2. № 1(7). С. 3–6.

Дорошенко Ю. А., Малыхина И. О. 2015. Перспективы инновационного развития высших школ в современных условиях // Белгородский экономический вестник. № 2(78). С. 3–8.

Ефимова И. Н. 2011. Анализ мотивации абитуриентов при выборе вуза (на примере Нижегородской области) // Университетское управление: практика и анализ. № 6. С. 38–45.

Петров А. В. 2008. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. № 2. С. 83–90.

Шереги Ф. Э. 2010. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ. 592 с.

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.460

Values and Motivational Orientations of Student's Youth

Shavyrina Irina Valerievna

Candidate of Sociology, Associate professor, Department of sociology and management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia. E-mail: shavyrina_77@mail.ru

Demenenko Inna Aramovna

Senior lecturer, department of sociology and management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia. E-mail: inna12manager@gmail.com

Abstract. This article¹ examines such issues as the formation of value-motivational guidelines for college-going youths. The value guidelines of a college student are a motivating factor which explains a certain direction, outlook on life and social activity. The authors pose a scientific issue, which boils

¹ The article was prepared with the financial support of the Russian State Scientific-Technical Foundation and the Government of the Belgorod Region. Grant «Client-Oriented Organizational Culture of the University as a Factor of Effective Social and Economic Development of the Region» № 16-13-31002 (headed by I. V. Shavyrina).

down to a dissonance between the expectations and the reality which form in the minds of college-going youths during the process of their college education. Presented are the results of an empirical study conducted between October 20th and December 30th 2016 among those attending Belgorod province's leading colleges. The results of the study allowed determining the leading motivational guidelines for college applicants when they enroll into a higher-educational facility, and for college students depending on the curriculum and gender differences. Analyzing the acquired data revealed that the core criteria for respondents when choosing a college are the availability of the desired specialty (64.60%), the college providing quality education (49.83%), and the college's prestige (25.77%). The results also revealed that respondents valued the opinion of their inner circle (i.e. their parents), their desire to study together with friends and acquaintances, with a reasonable tuition fee also bearing considerable importance. Established was the fact that 66.83% of respondents who chose a state college considered the availability of their desired specialty to be important, while the same index for those choosing a commercial college equaled 59.04%. Students attending state colleges considered quality education to be important (55.29%), with the latter taking merely third place among students attending commercial colleges (36.14%). Depending on the curriculum, changes were revealed in such a motive as how prestigious the college is considered by provincial standards. 30.23% of freshmen find this important, while the same figure for those in their fourth year equals 22.77%: this indicates a shift in the vector of importance for college-going youths.

Keywords: educational services, college-going youths, higher education, motives, labor market.

References

Demenenko I. A., Shavyrina I. V. Konceptualizacija klientoorientirovannogo podhoda v upravlenii vysshey shkoly [Conceptualization of a customer-oriented approach in the management of the higher school] // Nauchny rezul'tat. Serija: Sociologija i upravlenie, 2016, vol. 2, no 1 (7), pp. 3 - 6.

Doroshenko Y.A., Malykhina I.O. Perspektivy innovacionnogo razvitiya vysshix shkol v sovremennykh usloviyah [Prospects of innovative development of higher schools in modern conditions]. Belgorodsky ekonomicheskyy vestnik, 2015, no 2 (78), pp. 3–8.

Efimova I. N. Analiz motivacii abiturientov privybore vuza (na primere Nizhegorodskoy oblasti) [The analysis of motivation of students when choosing a University (on the example of Nizhny Novgorod region)]. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz, 2011, no 6, pp. 38–45.

Grinkrug L. S., Vasilenko V. Obnovlenie obrazovatel'noy sistemy vuza: model' vzaimodeystviya s vneshney sredoy [Updating the educational system of the University: the model of interaction with the external environment]. Universitetskoe upravlenie: praktika i anali, 2011, no 3, pp. 29–36.

Guskova E. A., Shavyrina I. V. Problema professional'nogo samoopredeleniya sovremennoj molodezhi v usloviyah konkurencii vuzov na rynke obrazovatel'nykh uslug [The problem of professional self-determination of modern youth in the conditions of competition of universities on the market of educational services]. Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova, 2014, no 3. pp. 215–219.

Petrov A.V. Cennostnye predpochtenija molodiozhi: diagnostika i tendencii izmeneniy [Value Preferences of the Young: Diagnosis and Trends]. Sociologicheskie issledovaniya, 2008, no 2, pp. 83–90.

Sheregi F. E. Molodiozh' Rossii: Sociologicheskyy Portret [The Youth of Russia: Sociological Portrait]. Moscow, CSPiM, 2010, 592 p.

П р о ф е с с и о н а л ы в с о в р е м е н н ы х у с л о в и я х

Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика

Тихонова Наталья Евгеньевна –
профессор, доктор социологических наук,
главный научный сотрудник,
Институт социальной политики НИУ
«Высшая школа экономики»,
Институт социологии РАН, Москва

E-mail: netichon@rambler.ru

Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика¹

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.462

Аннотация. В центре внимания автора – вопросы о том, каково качество человеческого капитала российских профессионалов и руководителей, насколько последние неоднородны в этом отношении и какую роль играет человеческий капитал в дифференциации российских работников вообще и профессионалов и руководителей в частности. В статье показано, что и профессионалы, и руководители являются гетерогенными группами, выделена внутренняя структура этих групп. Продемонстрировано, что качество человеческого капитала большинства российских профессионалов и руководителей довольно низкое. Несмотря на то, что численность лиц с высшим образованием, занятых в российской экономике, более чем в полтора раза превышает численность рабочих мест профессионалов, около четверти занятых на этих рабочих местах не имеют высшего образования. Ещё хуже картина у руководителей. При этом повышение квалификации в большинстве их подгрупп распространено мало. Главная причина этого, как свидетельствуют результаты применения уравнения Минцера, – неготовность российских работодателей к выплате работникам дифференцированных заработных плат с учётом качества их человеческого капитала. В итоге российские профессионалы и руководители всё меньше заинтересованы в наращивании своих знаний. Серьёзной проблемой выступает и нецелевое использование уже имеющихся у них знаний, поскольку даже среди профессионалов почти 60% работают не по полученной и не по смежной с ней специальности. В статье рассмотрена также роль человеческого капитала в формировании двух макроклассов российского общества. У одного из них («костяк» которого составляют рабочие) человеческий капитал вообще не является дифференцирующим фактором для занятия тех или иных профессиональных позиций. Во втором же, представители которого могут быть отнесены (с точки зрения специфики их профессиональных статусов) к среднему классу, качество человеческого капитала играет важную роль для попадания человека в ту или иную профессиональную группу. При разработке стратегии социально-экономического развития России особое значение имеет проблема человеческого капитала профессионалов и руководителей. Без его высокого качества невозможно осуществить технологический прорыв, призванный обеспечить выход России из ловушки стран среднего уровня доходов и переход её на уровень, соответствующий нынешним реалиям технологического развития. Именно профессионалы и руководители, традиционно являющиеся в современных обществах «локомотивами» развития их экономик, должны стать ключевыми акторами такого прорыва и поддержать его за счёт непрерывного обновления и расширения своих знаний. Однако способны ли они в действительности выполнить эту ответственную роль, и каково качество их человеческого капитала? Ответам на эти вопросы и посвящена предлагаемая вниманию читателей статья.

Ключевые слова: профессиональные группы, профессиональная структура, социальная структура, человеческий капитал, средний класс, профессионалы, руководители

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования «Развитие человеческого капитала в Российской Федерации», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2017 г.

Операционализация понятия «человеческий капитал» и его показатели у профессионалов и руководителей

Учитывая существующее в науке разнообразие трактовок понятий «человеческий капитал», определимся сначала с используемыми терминами. Понятие «человеческий капитал» используется в статье в классической трактовке, которая берёт своё начало в работах Г. Беккера, Т. Шульца, Д. Минцера и др. Человеческий капитал интерпретируется в рамках этой традиции как совокупность знаний и конкретных навыков (компетенций), которые определяются количеством лет обучения, трудовым стажем и другими, поддающимися измерению, показателями. В рамках этой традиции принято делить человеческий капитал на общий и специфический [Беккер 2003]. Общий человеческий капитал свидетельствует об уровне знаний человека в целом, включая его профессиональные знания. Этот вид человеческого капитала измеряется обычно числом лет обучения, полученного конкретным человеком. Специфический человеческий капитал, формирующийся на конкретном рабочем месте, отражает набор знаний, полезных только на определённом предприятии или в организации, и обычно измеряется продолжительностью стажа по последнему месту работы. Как свидетельствуют наши данные, специфический человеческий капитал в российской экономике обычно не приносит работнику дополнительных рента. Хотя «текучка», в том числе и среди руководителей и профессионалов, достаточно велика, она обычно влечёт за собой для них не снижение, а повышение заработной платы. Поэтому ниже применительно к ситуации с человеческим капиталом профессионалов и руководителей будет рассматриваться только общий человеческий капитал.

Термин «профессионал» также неоднозначен, поэтому сразу подчеркнём – он используется в данной статье в том смысле, как трактуется в классификаторе ISCO¹. В официальной российской статистике соответствующая группа работников обычно идентифицируется как «Специалисты высшего уровня квалификации»; в неё попадают те, кто работают на должностях, предполагающих высшее образование. Численность этой группы, по данным ФСГС РФ, составляет в России чуть более 20% всех занятых [Рабочая сила... 2016а], хотя общая

¹ Международный стандарт классификации занятий ISCO (International Standard Classification of Occupations) был принят в качестве официального классификатора занятий Международной Организацией Труда. В настоящее время в различных его модификациях он используется во всём мире, в т. ч. и в России. В данной статье использовалась версия ISCO-08. Подробнее об этом классификаторе см.: [Классификаторы... 2017].

доля людей с высшим образованием в российской экономике достигла уже 33,0%, а в возрастных группах 25–35 лет составляет даже около 40% [Рабочая сила... 2016b].

В то же время около четверти тех, кто работают на позициях профессионалов, как свидетельствуют социологические данные, не имеют высшего образования. Так, согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ¹, лишь 73,8% профессионалов имели зимой 2015–16 гг. высшее образование, причём чаще это было образование, не соответствовавшее профилю их деятельности (доля тех, кто работали на должностях специалистов высшей квалификации и не только имели высшее образование, но и получили его по профилю своей трудовой деятельности или смежной с ней, составляла в тот момент всего 41,2% профессионалов или 7,5% всех занятых в российской экономике). Ещё 19,4% имели среднее специальное образование, а остальные – только общее среднее. Тем не менее, поскольку они работали на должностях, предполагающих высшее образование, мы рассматривали их как профессионалов.

Что же касается **руководителей**, то в их число мы, вслед за ФСГС РФ и классификатором ISCO, включали лиц из всех секторов экономики, выполняющих управленческие функции, в том числе и представителей органов власти всех уровней. Согласно данным ФСГС РФ, численность группы руководителей составляла в 2015 г. 8,6% всех занятых [ФСГС РФ 2017с]. В использованном массиве РМЭЗ численность этой группы составила 6,5% всех занятых.

Для измерения общего человеческого капитала (ОЧК) был построен специальный индекс (индекс ОЧК). Показателями качества человеческого капитала при построении этого индекса выступали: а) количество лет обучения; б) соответствие образования профилю занятости; в) имеющиеся навыки. По каждому из этих показателей была рассчитана своя шкала. Ключевую роль играла шкала «Количество лет обучения», в которой обучению различной продолжительности соответствовали разные баллы (см. таблицу 1).

Как видим, модальным для россиян в целом является 10–12-летнее образование, в то время как для профессионалов и руководителей в этой роли выступает 16-летнее обучение. Однако при этом 11,3% профессионалов и 21,1% руководи-

¹ Эмпирической базой нашего исследования выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ [Российский... 2017]. Общее число респондентов в выборке использованной в анализе репрезентативной версии 24 волны этого Мониторинга, проходившей в октябре 2015 – январе 2016 гг., составляло 12 667 чел., в том числе 961 профессионал и 352 руководителя. Для оценки динамики качества человеческого капитала руководителей и профессионалов использовались данные 19-й волны РМЭЗ, проводившейся зимой 2010–11 гг. (общая численность репрезентативной выборки – 16 867 чел., в том числе 1499 профессионалов и 339 руководителей).

лей имеют не более 12 лет обучения и ещё 35,6% профессионалов и 35,2% руководителей проходили обучение лишь в течение 13–15 лет. Учитывая, что в период обучения включались также курсы повышения квалификации или переквалификации продолжительностью не менее года, понятно, что *уровень профессиональной подготовки половины представителей этих ключевых для успешного развития экономики групп достаточно низок*, поскольку период 15 лет обучения (порог, не выше которого находились в начале 2016 г. в общей сложности 46,9% профессионалов и 56,7% руководителей) предполагает либо 10 лет обучения в школе плюс 5 лет в специалитете (но тогда это представители тех поколений, которые заканчивали школу достаточно давно и должны были бы проходить длительное повышение квалификации), либо только школу плюс бакалавриат для более молодых возрастов. Особенно низки показатели числа лет обучения у руководителей и специалистов в сельской местности – не более 15 лет обучения имеют там 70,4% руководителей (в том числе более чем у четверти этот показатель не превышает 12 лет) и 62,7% профессионалов (в том числе у 17,5% продолжительность обучения составляет также не более 12 лет).

Таблица 1

**Присвоение баллов по шкале «Количество лет обучения»
и распределение по ней профессионалов, руководителей
и работающего населения страны в целом, %***

Показатели		Доля среди		
Число лет обучения	Баллы	Профессионалов	Руководителей	Всех работающих
Менее 10 лет	0 баллов	0,4	2,6	5,8
10–12 лет**	1 балл	10,9	18,5	37,8
13 лет	2 балла	6,1	7,9	12,0
14 лет	3 балла	9,2	8,8	8,6
15 лет	4 балла	20,3	18,5	10,9
16 лет	5 баллов	22,8	21,6	11,6
17 лет	6 баллов	11,3	7,1	5,4
18 лет	7 баллов	6,5	5,6	3,2
19 лет	8 баллов	6,9	5,0	2,5
20 лет и более	9 баллов	5,6	4,4	2,2

*Фоном здесь и далее выделены значения, которые набрали не менее половины представителей соответствующей группы, жирным курсивом – модальные значения для группы в целом.

**Объединение в одну группу лиц 10–12 лет обучения, в отличие от использования для присвоения всех остальных баллов конкретного показателя числа лет обучения, связано с тем, что продолжительность общего среднего образования в России в разные периоды и для разных типов учебных заведений была различной, и составляла 10 или 11 лет для общеобразовательных школ и 11 или 12 лет для ПТУ со средним образованием (и их аналогов). При этом, поскольку получение профессионального образования учитывалось при построении индекса ОЧК отдельно, то 10–12 лет при наличии аттестата о полном общем среднем образовании означало реально примерно один и тот же объём освоенных знаний общего характера.

Необходимость использования для расчёта индекса ОЧК второй шкалы («Соответствие образования профилю занятости») обуславливалась тем, что знания, полученные по профилю работы, имеют относительно большее значение, чем бесполезные на данном рабочем месте. В развитых странах профессионалы в обязательном порядке должны иметь профильное образование по своей специальности, поэтому число лет обучения уже само по себе говорит о качестве человеческого капитала работников. В России же, как было показано выше, ситуация иная. Поэтому для оценки соответствия образования профилю выполняемой работы при построении этой шкалы учитывалось совпадение первых трёх¹ цифр кода Классификатора занятий ISCO-08 для основной работы респондента и полученных им специальностей. За каждый факт такого совпадения с учётом уровня полученного по соответствующей специальности образования² присваивалось определённое количество баллов, а затем эти баллы суммировались.

Распределение показателей шкалы «Соответствие образования профилю занятости» свидетельствует о том, что среди опрошенных руководителей нет никого, кто в процессе обучения был бы подготовлен для руководства людьми (см. таблицу 2). Что же касается профессионалов, не имеющих ни одного диплома по специальности, хотя бы смежной с предметом деятельности, которой они занимались, то большинство из них составляют люди, продолжительность обучения которых (не более 14 лет) также заведомо не позволяет говорить о наличии у них качественного человеческого капитала, пусть и не по специальности.

Таблица 2

Распределение профессионалов, руководителей и работающего населения страны в целом по шкале «Соответствие образования профилю занятости», %

Баллы	Доля среди		
	Профессионалов	Руководителей	Всех работающих
0 баллов	57,3	100,0	80,9
1 балл	0,2	0,0	3,2
2 балла	0,3	0,0	3,4
3 балла	5,2	0,0	5,5
4 балла	31,2	0	5,9
5 и более баллов	5,8	0	1,1

¹ Код классификатора профессий и типов занятий в ISCO-08 состоит из 4-х цифр, каждая следующая из которых означает всё большую детализацию типа занятий. Использование 3-х цифр кода позволяло учесть как прямое совпадение вида трудовой деятельности и специальности, по которой были получены знания, так и совпадение смежных специальностей и видов деятельности.

² Курсы по специальности продолжительностью не менее года, начальное профобразование, профессиональное образование 2-й ступени, вуз, аспирантура.

Среди опрошенных руководителей нет никого, кто в процессе обучения был бы подготовлен для руководства людьми.

Другой полюс среди профессионалов составляют 37,0% из закончивших вуз по той же или смежной с их работой специальности (см. таблицу 2). Часть из них (5,8%) имеют даже два высших образования (в том числе магистратуру), вуз и аспирантуру или вуз и длительные курсы повышения квалификации по профилю своей деятельности.

Третья использованная при расчёте индекса ОЧК шкала – «Навыки» – состояла из двух субшкал: «Знание иностранных языков» и «Владение компьютерными технологиями», которые затем суммировались. В каждой шкале учитывалась различная полезность соответствующего навыка на рынке труда для представителей разных образовательных групп, и каждая могла дать от 0 до 2-х баллов. По субшкале «Знание иностранных языков» среди работающего населения в целом имели положительные показатели 17,5%, среди руководителей – 26,2%, среди профессионалов – 34,6%. Что же касается владения компьютерными технологиями, то, как оказалось, почти 8% и руководителей, и профессионалов зимой 2015–16 гг. не умели пользоваться компьютером (для работающих в целом этот показатель составлял 24,1%).

Суммирование показателей описанных выше шкал позволило построить индекс ОЧК, который принимал значения от 0 до 18 баллов. Среднее значение индекса среди работающего населения страны составило к началу 2016 г. 5,1 балла, медианное – 4 балла, модальное – 2 балла. Среди руководителей эти показатели составляли соответственно 6,3 балла, 7 и 7 баллов, а среди профессионалов – 9,1 балла, 9 и 9 баллов.

Таблица 3

Распределение профессионалов, руководителей и работающего населения страны в целом по индексу ОЧК, %

Баллы	Доля среди		
	Профессионалов	Руководителей	Всех работающих
0 баллов	0,2	0,9	2,7
1 балл	2,4	4,7	14,8
2 балла	4,1	11,8	18,8
3 балла	4,7	7,1	9,5
4 балла	4,0	5,3	8,4
5 баллов	6,0	7,9	6,3
6 баллов	8,0	13,5	7,6
7 баллов	7,1	13,8	7,3
8 баллов	8,3	8,8	5,4
9 баллов	10,8	11,5	6,3
10 баллов	9,3	5,6	3,9
11 баллов	8,4	5,0	2,8

Продолжение таблицы 3

Баллы	Доля среди		
	Профессионалов	Руководителей	Всех работающих
12 баллов	6,7	2,6	1,9
13 баллов	7,9	1,5	2,0
14 баллов	3,9	-	0,8
15 баллов	2,9	-	0,5
16 баллов	3,3	-	0,6
17 баллов	1,5	-	0,3
18 баллов	0,5	-	0,1

Как видно из таблицы 3, для профессионалов оказалась характерна очень большая внутренняя дифференциация по качеству их человеческого капитала. Почти столь же высока оказалась и гетерогенность группы руководителей.

Внутренняя структура групп руководителей и профессионалов с учётом неоднородности качества их человеческого капитала

Как было показано выше, качество человеческого капитала профессионалов и руководителей в России различается довольно сильно и тесно связано с профессиональным статусом работников (см. таблицы 4–5). Это позволяет говорить о применимости в нашей стране методологического и методического инструментария, разработанного в мировой науке для анализа человеческого капитала. В то же время в России есть и определённая специфика. Особенно ярко она прослеживается применительно к группе руководителей, портрет которых с точки зрения качества их человеческого капитала практически совпадает с портретом полупрофессионалов (см. таблицу 4). Учитывая состав последних¹ и тот факт, что группа руководителей обычно объединяет в современных конкурентных экономиках наиболее квалифицированную часть работающих, совпадение этих групп по качеству их человеческого капитала выглядит по меньшей мере парадоксально. Странно выглядит и тот факт, что при избыточном количестве работников с высшим образованием каждый десятый профессионал – это человек, не только не имеющий высшего образования, но и обладающий показателями человеческого капитала, характерными скорее для рабочих.

¹ В соответствии с классификатором ISCO в эту группу попадают рядовые чиновники пенсионных, социальных и др. фондов, а также медсестры, техники и мастера на производстве, прорабы в строительстве, судебные приставы и т. п.

Таблица 4

Распределение представителей различных профессиональных классов по группам с разными показателями индекса ОЧК, % *

Группы с разными показателями ОЧК	Классы по Классификатору ISCO**								
	Руководители (1 класс)	Профессионалы (2 класс)	Полупрофессионалы (3 класс)	Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	Рядовой персонал торговли и б/о (5 класс)	Работники ручного физического труда (7 класс)	Операторы машин и механизмов (8 класс)	Неквалифицированные рабочие (9 класс)	В среднем по массиву работающих
0 баллов	0,8	0,2	0,3	1,4	2,8	4,4	5,1	10,2	2,7
1 балл	4,7	2,4	6,1	8,7	18,7	22,1	27,7	38,3	14,8
2 балла	11,8	4,1	9,7	26,4	27,2	24,8	30,9	28,7	18,8
3 балла	7,1	4,7	6,8	10,5	13,4	13,0	13,3	8,3	9,5
4 балла	5,3	4,0	8,7	8,7	11,0	13,5	7,3	5,4	8,4
5 баллов	7,9	6,0	5,9	7,9	6,3	8,3	4,5	5,1	6,3
6–7 баллов	27,4	15,1	27,5	15,5	12,0	7,3	6,7	2,6	14,8
8–9 баллов	20,3	19,0	20,7	15,2	5,8	3,9	3,4	1,1	11,7
10–12 баллов	13,2	24,4	11,4	5,4	2,3	2,1	1,1	0,3	8,6
13–14 баллов	1,5	11,8	2,6	0,3	0,4	0,6	0,0	0,0	2,9
15–18 баллов	0,0	8,3	0,3	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	1,5

*Учитывая незначительную численность в массиве представителей 0 класса (военнослужащие) и 6 класса (специалисты в сельском хозяйстве), эти классы в таблице не представлены. Фоном выделены ячейки с максимальными показателями в каждом столбце, в сумме составляющие более 50% группы.

**Здесь и далее приводятся только данные, которые являются статистически значимыми (для проверки использовался тест Хи-квадрат).

Таблица 5

**Распределение представителей групп с различными показателями индекса ОЧК
по разным профессиональным классам, % ***

Классы по Классификатору ISCO	Группы с разными показателями индекса ОЧК											
	0 баллов	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов	6-7 баллов	8-9 баллов	10-12 баллов	13-14 баллов	15-18 баллов	В среднем по массиву работающих
Руководители (1 класс)	2,1	2,1	4,0	4,8	4,1	8,1	11,9	11,2	10,0	3,3	0	6,5
Профессионалы (2 класс)	1,4	2,8	3,8	8,6	8,4	16,6	17,8	29,6	50,5	72,6	95,1	17,7
Полупрофессионалы (3 класс)	2,1	8,4	10,6	14,9	22,2	19,0	37,3	35,1	26,4	18,0	3,8	20,2
Занятые низкоквалифици- рованным нефизическим трудом (4 класс)	2,9	3,1	7,4	5,8	5,4	6,6	5,5	6,8	3,3	0,7	0	5,3
Рядовой персонал торговли и бытового обслуживания (5 класс)	18,6	22,2	25,4	24,5	22,9	17,5	14,1	8,6	4,7	2,7	1,1	17,5
Работники ручного физического труда (7 класс)	22,1	20,2	17,8	18,3	21,8	17,8	6,6	4,5	3,3	2,7	0	13,5
Операторы машин и механизмов (8 класс)	23,6	22,8	20,2	16,9	10,7	8,7	5,5	3,6	1,6	0	0	12,2
Неквалифици- рованные рабочие (9 класс)	27,2	18,4	10,8	6,2	4,5	5,7	1,3	0,6	0,2	0	0	7,1

*Учитывая незначительную численность в массиве представителей 0 класса (военнослужащие) и 6 класса (специалисты в сельском хозяйстве), эти классы в таблице не представлены. Фоном выделены ячейки с максимальными показателями в каждом столбце, в сумме составляющие более 50% группы.

Приведённые в таблицах 4 и 5 данные говорят о том, какое качество ОЧК для представителей различных профессиональных групп является в современных российских условиях типичным¹, и свидетельствуют, что *в России есть сейчас три макрогруппы работников*. Две из них могут рассматриваться как формирующиеся классы, причём одна объединяет работников с относительно высокими (6–10 баллов) и высокими (11 баллов и выше) показателями ОЧК, а другая с относительно низкими (1–3 балла) и низкими (0 баллов) его показателями. Первая включает в основном представителей тех профессиональных групп, которые традиционно принято относить к среднему классу (1–3 профессиональные классы по Классификатору занятий ISCO, т. е. руководители, профессионалы и полупрофессионалы). Вторая же состоит преимущественно из рабочих и рядовых работников торговли и бытового обслуживания (5–9 классы по ISCO). Есть и третья, достаточно пёстрая по своему составу группа, куда входит 4-й профессиональный класс², который в России исключительно гетерогенен по качеству своего человеческого капитала и занимает промежуточное место между двумя основными макроклассами. Кроме того, в эту третью группу мы включили россиян, занятых на рабочих местах, не соответствующих качеству их человеческого капитала.

Таким образом, *основу социальной структуры российского общества составляют два макрокласса, различающихся по их месту в экономике и качеству их главного актива – человеческого капитала* (см. рис. 1). Один из этих классов по своему профессиональному портрету является современным аналогом традиционного рабочего класса, куда наряду с ним сейчас входят и рядовые работники торговли (факт, на который неоднократно обращали внимание западные исследователи [Abramowitz, Teixeira 2009; Fernandez 2011; Savage et al. 2013]). Этот наиболее массовый класс включал зимой 2015–16 гг. 43,0% всех работающих. Второй класс с точки зрения его профессионального состава является классическим средним классом, и его численность составляет около трети работающего населения страны (30,7%). Кроме них есть также довольно массовая (26,3%) группа работников, которая занимает периферийные для двух этих классов позиции, что отражает незавершённость формирования в России классовой структуры (см. рис. 1).

¹ Отклонения от этой нормы объясняются рядом обстоятельств структурного и индивидуального характера – от отсутствия в данном населённом пункте рабочих мест, в большей степени соответствующих качеству человеческого капитала работника, до ресурса его социальных сетей или специфики его требований к месту работы (гибкий график, нахождение рядом с домом и т. п.).

² В этот класс попадают библиотекари, секретари, корректоры, работники почты, кассиры, работники коммутаторов и т. п.

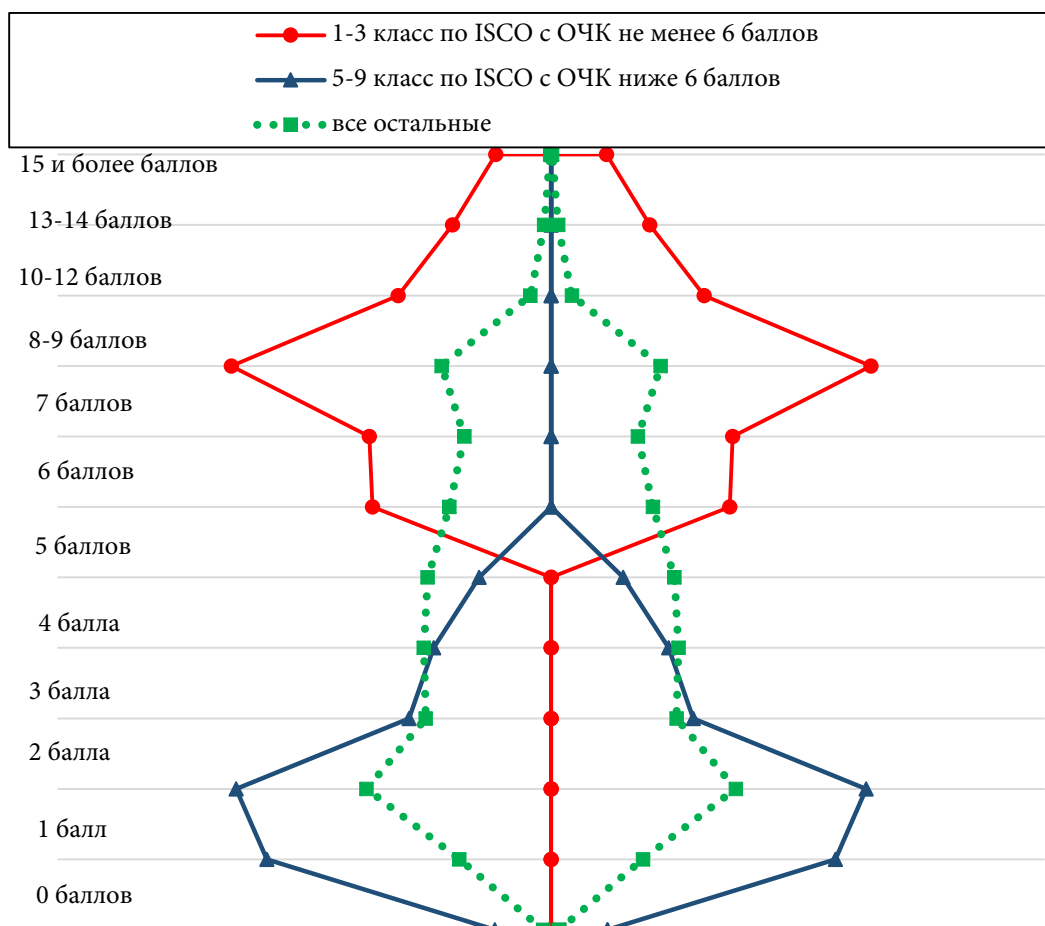

Рис. 1. Профиль показателей индекса ОЧК у разных классов российского общества, % от работающих

Однако вернёмся к проблеме человеческого капитала профессионалов. Учитывая разницу в его качестве, структурно можно выделить 6 их подгрупп. Первая – «неквалифицированные специалисты» – с содержательной точки зрения характеризуется тем, что её представители работают в подавляющем большинстве на должностях, не только не соответствующих полученной ими специальности, но и не смежных с нею (96,4%), и имеют общую продолжительность обучения не более 14 лет (92,7%). Это значит, что или их деятельность не может относиться к видам деятельности специалистов с высшим образованием, либо они заведомо не могут успешно справляться со своей работой. С количественной стороны группа «неквалифицированных специалистов» характеризуется очень низкими показателями индекса ОЧК (0–5 баллов), характерными для принципиально иных профессиональных групп – рядовых работников торговли и рабочих ручного труда (электриков, слесарей, плотников и т. п.) (см. таблицы 4 и 5). «Неквалифицированные специалисты» составляют по численности 21,4% всех профессионалов и проживают в основном в сельской местности и городах численностью менее 100 тыс. чел.

У представителей второй группы показатели человеческого капитала заметно выше (6–7 баллов) и они в массе своей имеют законченное высшее образование (74,1%). Однако они всё же не могут быть охарактеризованы как подлинные профессионалы, поскольку, во-первых, в подавляющем большинстве (84,9%) они не имеют образования по той специальности, по которой работают, а во-вторых, даже показатели индекса ОЧК в 6–7 баллов характерны скорее для полупрофессионалов и «конторского пролетариата», чем профессионалов (см. табл. 4 и 5). Это позволяет охарактеризовать данную группу как **«малоквалифицированные специалисты»**. В этой группе число проживающих в сельской местности и городах численностью менее 100 тыс. чел. становится примерно равным численности проживающих в более крупных городских поселениях.

Во многом похожа на них и следующая группа, представители которой также в подавляющем большинстве (79,4%) не имеют образования по профилю своей деятельности. Однако их общий человеческий капитал при этом всё же заметно лучше, чем в группе «малоквалифицированных специалистов». Так, высшее образование имеют уже 88,0% данной группы и, главное, более 60% в ней имеют 16 и более лет обучения. Однако применительно к её представителям можно говорить об имеющемся у них высшем образовании скорее как об «общем высшем», а не о «высшем профессиональном». Поэтому их можно назвать **«непрофильными специалистами»**. Они достаточно равномерно распределены по разным типам поселений – чуть более трети (36,4%) живут в малых городах и сёлах, 28,5% – в городах-миллионниках, а остальные – в средних и крупных городах.

В общей сложности эти три группы по численности составляют большинство (55,5%) всех профессионалов. Это значит, что *основная часть рабочих мест специалистов с высшим образованием в российской экономике либо не предполагает глубоких специальных знаний по профилю выполняемой деятельности, хотя может требовать хорошего общего развития и обладания рядом компетенций и навыков (как у «непрофильных специалистов»), либо эти места заняты не подходящими для выполнения соответствующей работы людьми*. С точки зрения отраслевой принадлежности эти рабочие места сосредоточены прежде всего в сферах образования, торговли и бытового обслуживания, лёгкой и пищевой промышленности и некоторых других. С точки зрения их пространственной локализации лидируют полярные типы поселений – сёла с характерной для них нехваткой квалифицированных кадров и Москва с её весьма специфическим рынком труда. При этом ни по возрасту, ни по полу значимых различий между представителями разных подгрупп профессионалов не прослеживается.

Основная часть рабочих мест специалистов с высшим образованием в российской экономике либо не предполагает глубоких специальных знаний по профилю выполняемой деятельности, хотя может требовать хорошего общего развития и обладания рядом компетенций и навыков (как у «непрофильных специалистов»), либо эти места заняты не подходящими для выполнения соответствующей работы людьми.

Остальные три подгруппы профессионалов могут быть охарактеризованы как подлинные профессионалы, представители которых различаются только качеством их человеческого капитала, отражающемся в показателях индекса ОЧК. Первую из них – «**рядовые профессионалы**» – составляют те, показатели индекса ОЧК у которых достигают 10–12 баллов. Для этой группы характерна большая общая продолжительность обучения (67,8% обучались не менее 17 лет), максимальная включённость в разного рода краткосрочные курсы (только в последний год их закончил каждый седьмой-восьмой представитель данной группы), а также широкая распространённость соответствия полученного образования профилю деятельности (67,1% при 20,6% в группе профессионалов с показателем ОЧК 8–9 баллов). Вторая подгруппа – «**высококвалифицированные профессионалы**» – объединяет специалистов с показателями ОЧК в 13–14 баллов. Для неё характерно соответствие образования профилю деятельности (уже 91,7%), причём продолжительность обучения членов данной группы в среднем выше, чем у «рядовых профессионалов». И, наконец, последняя подгруппа – «**профессионалы-эксперты**» – состоит из людей, которые характеризуются максимальной продолжительностью обучения по специальности, соответствием профиля этого обучения выполняемой работе, глубокой профессионализацией и массовым владением иностранными языками, которое только для этой группы является нормой. Все входящие в эту группу имеют показатели ОЧК в 15 и более баллов (см. рис. 2).

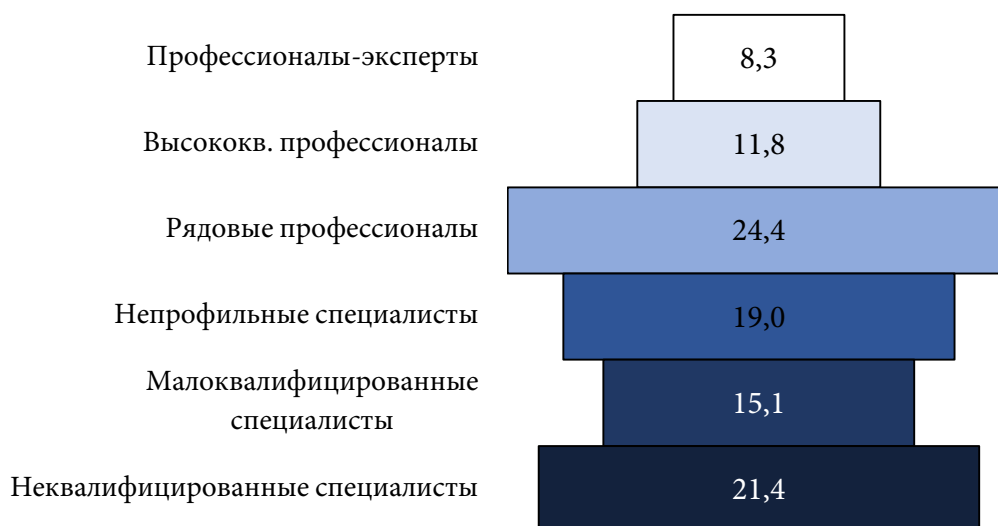

Рис. 2. Внутренняя структура группы профессионалов, %

Что же касается руководителей, то их дифференциация по качеству человеческого капитала не так глубока, как у профессионалов. Впрочем, скорее всего реальная их дифференциация гораздо глубже, но наиболее квалифицированные

руководители, составляющие топ-менеджмент, в состав выборок массовых опросов не попадают. Среди руководителей также можно выделить имеющих очень низкое и нехарактерное для этой группы в целом качество человеческого капитала (0–5 баллов по индексу ОЧК), а также руководителей с низкими (6–7 баллов), средними (8–9 баллов), высокими (10–12 баллов) и очень высокими (13–14 баллов) его показателями (см. рис. 3). При этом высшее образование есть лишь у 61,2% руководителей, а почти каждый пятый среди них не имеет даже среднего специального образования.

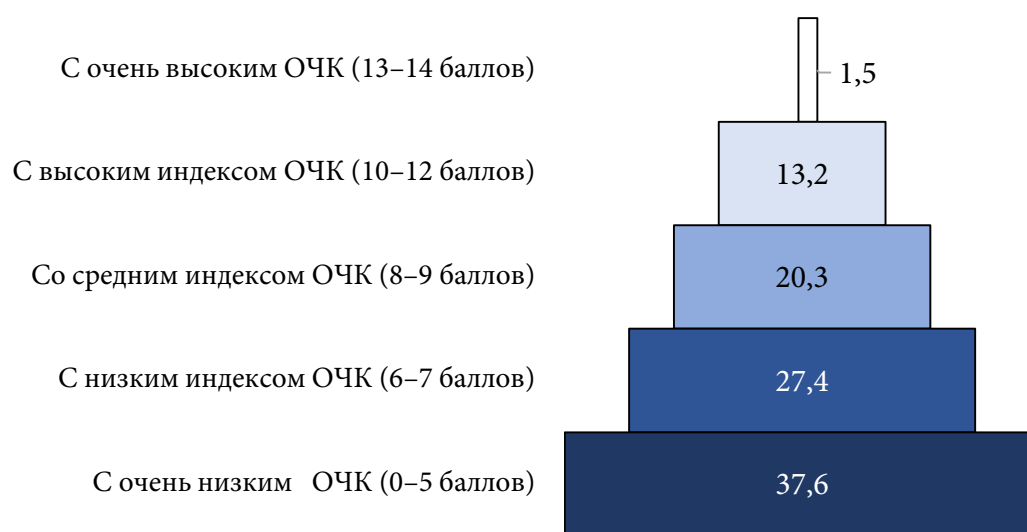

Рис. 3. Внутренняя структура группы руководителей, %

Особо следует отметить, что *российские руководители не просто характеризуются в массе своей низким качеством их человеческого капитала, но и зачастую уступают в этом отношении своим подчинённым*. Возможно, это является одной из причин того, что они оказываются неспособны адекватно оценить квалификацию последних и правильно их подобрать.

Проблема отдачи на человеческий капитал профессионалов и руководителей и динамика показателей индекса ОЧК в этих группах

Всё сказанное выше свидетельствует о том, что *современной российской экономике присущи серьёзные структурные дисбалансы между качеством человеческого капитала работников и теми рабочими местами, которые эти работники занимают. Эти дисбалансы, негативные последствия которых ощущают на себе в первую очередь работники с высококачественным человеческим капиталом, сказываются на*

Российские руководители не просто характеризуются в массе своей низким качеством их человеческого капитала, но и зачастую уступают в этом отношении своим подчинённым.

Современной российской экономике присущи серьёзные структурные дисбалансы между качеством человеческого капитала работников и теми рабочими местами, которые эти работники занимают.

их готовности к инвестициям в этой области и дестимулируют их в наращивании своего человеческого капитала. Так, если в 2003 г. 50,0% профессионалов и руководителей с высшим образованием отмечали, что за последние три года им удалось повысить свой уровень образования и квалификации [Средний класс... 2016], то в 2015 г. их было лишь 28,0%. Экономически такая инертность оправдана, поскольку «премия», которую получают руководители (и особенно профессионалы) за качество своего человеческого капитала, очень невелика. Об этом говорит анализ влияния качества человеческого капитала на уровень заработных плат с использованием уравнения Минцера – как в его простейшей спецификации, когда финансовая отдача от человеческого капитала рассчитывается только с учётом числа лет обучения¹, так и в более сложных версиях базовой спецификации, где учтены также отраслевой и региональный факторы² (см. таблицу 6). Кроме того, в порядке эксперимента нами была рассчитана версия уравнения Минцера, где вместо числа лет обучения был использован индекс ОЧК.

Уравнение Минцера демонстрирует наличие отдачи на каждый следующий год образования во всех группах работников, но показатели этой отдачи составляют (с учётом региональных и отраслевых поправок) всего 5,6% для руководителей и 4,3% для профессионалов. Версия расчёта уравнения Минцера с показателями индекса ОЧК показала практически такую же роль качества общего человеческого капитала для уровня доходов руководителей, но ещё меньшую его значимость – для профессионалов. Это говорит о том, что монетарные ренты на человеческий капитал для руководителей более ощутимы, чем для профессионалов, хотя в любом случае и у руководителей речь идёт о сравнительно небольших показателях (5,6%). У профессионалов же эти «ренты» вообще очень малы и составляют всего 3,4%. При этом тот факт, что использование в уравнении Минцера показателей индекса ОЧК уменьшает показатель роста доходов профессионалов на каждый следующий балл по индексу ОЧК по отношению к версии этого уравнения с общим числом лет обучения, косвенно свидетельствует о том, что соответствие профиля образования полученной специальности, а также знание иностранных языков или владение компьютерными технологиями на русском

¹ В этом случае результат применения этого уравнения показывает, насколько каждый следующий год образования повышает уровень заработной платы.

² В этом случае результат применения этого уравнения показывает, насколько каждый следующий год образования повышает уровень заработной платы внутри разных отраслей и определённых регионов. Стоит отметить, что выборка РМЭЗ НИУ ВШЭ включает далеко не все регионы и не является репрезентативной даже по тем регионам, которые в неё включены. Однако она позволяет в общих чертах представить роль региональных неравенств в определении уровня заработных плат.

рынке труда не приносит дополнительных «рент» и наличие формальных сертификатов о наличии образования определённой ступени, прямо связанных с общим числом лет обучения, имеет для профессионалов важное значение.

Таблица 6

Норма отдачи на образование в различных группах работающих согласно уравнению Минцера, зима 2015–16 гг., нестандартизированные коэффициенты

Спецификации уравнения Минцера	Норма отдачи на образование (ρ)		
	Руководители	Профессионалы	Все работающие
Для количества лет обучения			
Простая $\ln W = \alpha + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,074	0,067	0,055
С учётом отраслевой специфики $\ln W = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,076	0,064	0,062
С региональной поправкой $\ln W_1 = \alpha + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,057	0,045	0,038
С региональной поправкой и учётом отраслевой специфики $\ln W_1 = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,056	0,043	0,044
Для индекса ОЧК			
Простая $\ln W = \alpha + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,075	0,052	0,049
С учётом отраслевой специфики $\ln W = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,079	0,047	0,059
С региональной поправкой $\ln W_1 = \alpha + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,055	0,038	0,035
С региональной поправкой и учётом отраслевой специфики $\ln W_1 = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,056	0,034	0,042

Примечание:

W – размер среднемесячной заработной платы; W_1 – отношение среднемесячной заработной платы к медианной внутри региона; SCH – количество лет обучения, включая школу и профессиональные курсы длительностью более 1 года; GHC – показатели индекса ОЧК; SEN – общий стаж работы; S_i – дамми-переменные отраслевой принадлежности; ρ – норма отдачи на образование; α , β , γ , δ_i – константа и коэффициенты при соответствующих переменных; ε – остаточный член.

Сравнение полученных данных с результатами проводившихся ранее исследований позволяет говорить о том, что нынешняя ситуация не случайна и стала результатом действия тенденций, сформировавшихся ещё 15 лет назад. Как отмечала А. Л. Лукьянова, если в 1990-е гг. наблюдался интенсивный рост отдачи от образования, то в начале 2000-х он замедлился, а к началу кризиса 2008 г. и полностью прекратился. «С 1990 г. по середину 2000-х гг. средняя отдача от образования увеличилась вдвое – с 4 до 8% за каждый дополнительный год обучения. [Однако]... с середины 2000-х гг. норма отдачи

от образования начинает снижаться. За четыре года с 2003 по 2007 гг. это снижение составило 1–1,5 п.п.» [Лукьянова 2010: 345].

Наши расчёты свидетельствуют, что эта тенденция для россиян в целом продолжилась и в последующие годы. Из таблицы 7 видно, что в 2010 г. отдачи и на каждый следующий год обучения, и на каждый дополнительный балл в индексе ОЧК для работающих россиян были ниже, чем в 2007 г., а к зиме 2015–16 гг. сократились ещё больше¹. При этом для руководителей это падение было более интенсивным, чем для работающих в целом, и составило 2,6 п.п. (2,5 п.п. с учётом отраслевых и региональных неравенств). Что же касается профессионалов, то для них ситуация не столь однозначна, хотя отдача на их человеческий капитал по-прежнему оставалась к началу 2016 г. даже более низкой, чем для работающих россиян в целом.

Таблица 7

Норма отдачи на образование в различных группах работающих согласно уравнению Минцера, 2010 г., нестандартизированные коэффициенты

Спецификации уравнения Минцера	Норма отдачи на образование (ρ)		
	Руководители	Профессионалы	Все работающие
Для количества лет обучения			
Простая $\ln W = \alpha + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,100	0,070	0,063
С учётом отраслевой специфики $\ln W = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,097	0,060	0,065
С региональной поправкой $\ln W_i = \alpha + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,080	0,046	0,044
С региональной поправкой и учётом отраслевой специфики $\ln W_i = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * SCH + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,081	0,037	0,047
Для индекса ОЧК			
Простая $\ln W = \alpha + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,095	0,052	0,054
С учётом отраслевой специфики $\ln W = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,088	0,043	0,058
С региональной поправкой $\ln W_i = \alpha + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,073	0,033	0,039
С региональной поправкой и учётом отраслевой специфики $\ln W_i = \alpha + \sum \delta_i S_i + \rho * GHC + \beta * SEN + \gamma * SEN^2 + \varepsilon$	0,071	0,025	0,042

¹ Так, если отдача на год обучения составляла в 2007 г. 6,5–7% дохода [Лукьянова 2010: 345], то в 2010 г., судя по нашим расчётам, она спустилась до 6,3%, а к зиме 2015–16 гг. снизилась до 5,5% (см. таблицы 6 и 7).

О том, что влияние качества человеческого капитала профессионалов на уровень их заработных плат очень невелико, свидетельствует и то, что разрыв в уровне доходов на их основной работе даже между такими полярными группами, как неквалифицированные специалисты и профессионалы-эксперты, составлял зимой 2015–16 гг. всего около четверти зарплаты последних – если медианные доходы первых на их основной работе составляли 18 тыс. руб., то вторых – 24,5 тыс. руб. С учётом же разницы в стоимости жизни в разных типах поселений и пространственной локализации этих групп (напомню, что неквалифицированные специалисты – в основном жители «малой» России, а профессионалы-эксперты – городов-миллионников и других крупных городов), реальная разница в уровне доходов ещё меньше.

Низкие денежные отдачи на качество человеческого капитала профессионалов и руководителей, повышение которого требует значительных усилий и временных затрат, негативно влияет на их мотивирование к наращиванию своих знаний. Распространённость в их среде работы не по специальности, как и их невнимание к повышению своей квалификации, является в этих условиях закономерной реакцией, формой адаптации к тем условиям занятости, которые предлагают им работодатели и которые не предполагают, как правило, увязывания доходов с уровнем квалификации. Поэтому для профессионалов и руководителей гораздо выгоднее в этих условиях найти себе какой-нибудь приработок, чем повышать качество своего человеческого капитала. Не случайно систематическая вторичная занятость распространена среди них примерно вдвое больше, чем в других профессиональных группах.

В итоге о реальном улучшении качества человеческого капитала профессионалов и руководителей в последние годы, несмотря на объективный рост конкуренции среди них и декларируемый руководством страны курс на технологический прорыв, импортозамещение и диверсификацию экономики, говорить не приходится. Так, например, в период 2010–16 гг., как видно на визуализированных моделях качества общего человеческого капитала руководителей, позитивные сдвиги в этой области были очень небольшими и затронули в основном самые «низы» этой группы (см. рис. 4).

У профессионалов же (см. рис. 5) число тех, кто имеют очень низкие показатели индекса ОЧК (0–7 баллов), в период 2010–16 гг. даже выросло. Правда, при этом выросло, хотя и незначительно, также число наиболее квалифицированных представителей данной группы – «профессионалов-экспертов».

Низкие денежные отдачи на качество человеческого капитала профессионалов и руководителей, повышение которого требует значительных усилий и временных затрат, негативно влияет на их мотивирование к наращиванию своих знаний.

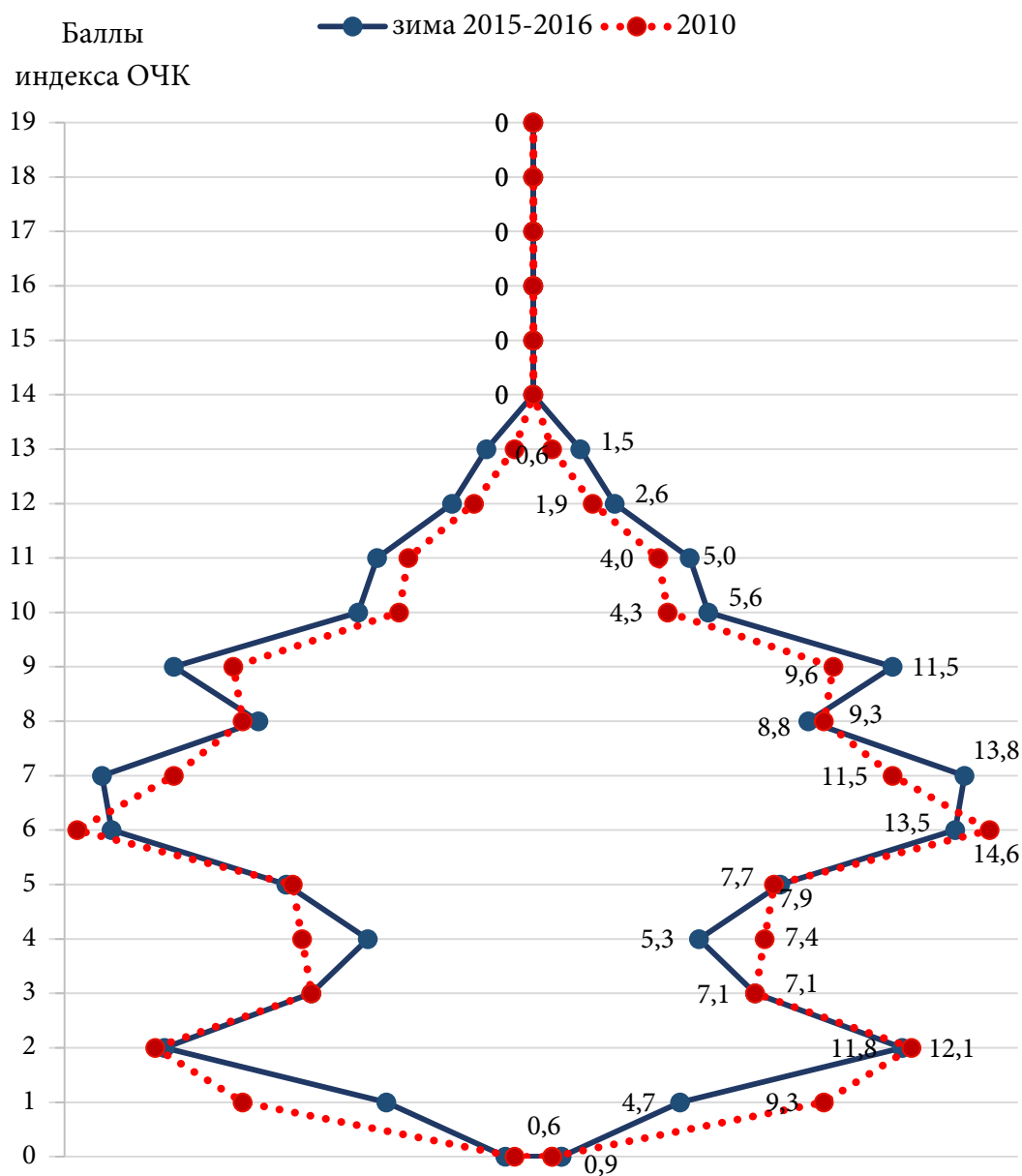

Рис. 4. Динамика показателей индекса ОЧК у руководителей, 2010 – зима 2015–16 гг., %

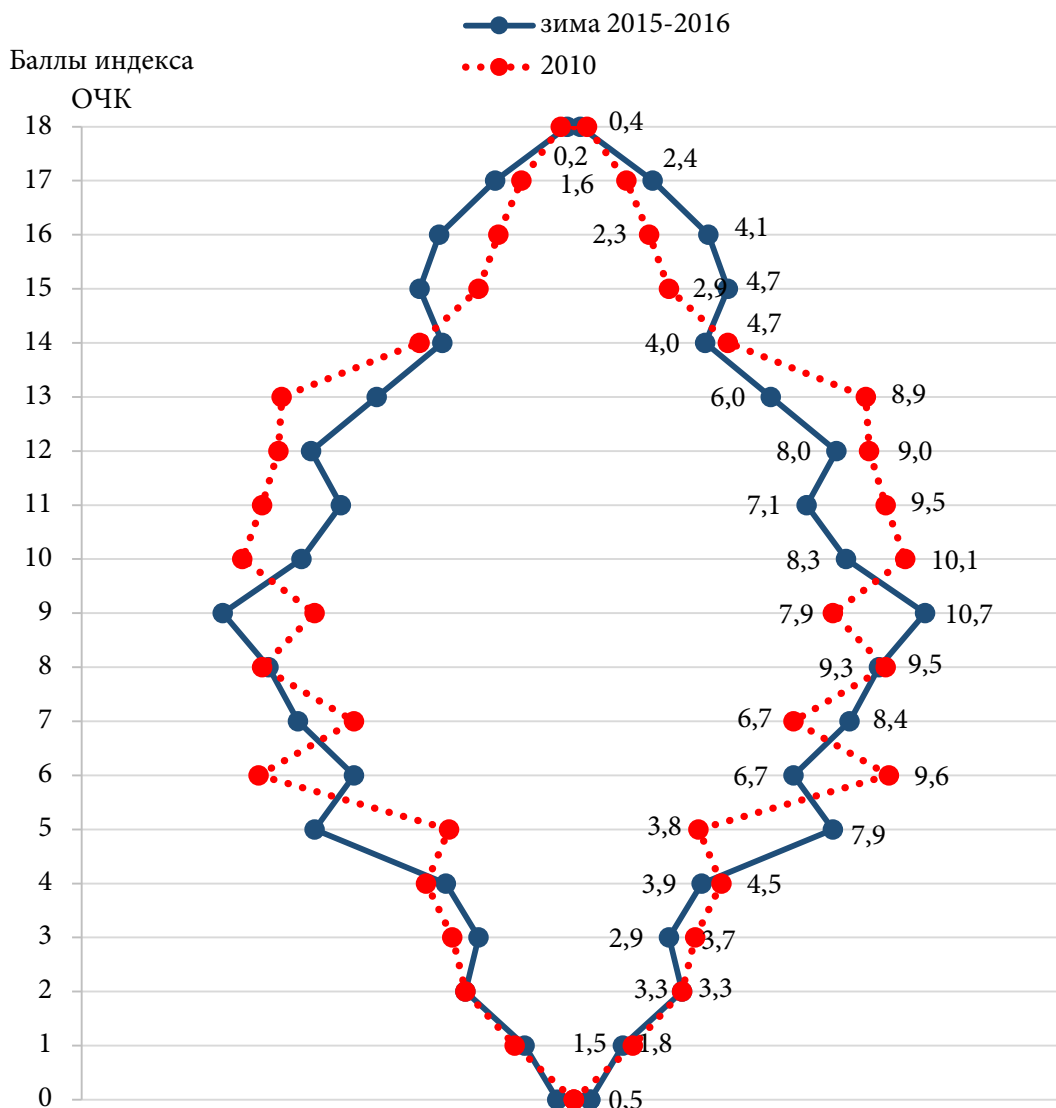

Рис. 5. Динамика показателей индекса ОЧК у профессионалов, 2010 – зима 2015–16 гг., %

Выводы

Качество человеческого капитала подавляющего большинства российских руководителей, входящих в массовые слои населения, в целом очень низкое – почти 40% руководителей имеют не более 14 лет обучения и не имеют высшего образования даже на уровне бакалавриата. В то же время почти четверть имеют 17 и более лет обучения. При этом для российских руководителей в принципе нехарактерно наличие образования, связанного с управлением людьми. В целом группу руководителей можно разделить с учётом качества их человеческого капитала на 5 подгрупп, две самые массовые из которых, составляющие в сумме почти две трети всех руководителей, обладают качеством человеческого капитала, заведомо не позволяющим им успешно реализовывать возлагаемые на них функции.

В целом группу руководителей можно разделить с учётом качества их человеческого капитала на 5 подгрупп, две самые массовые из которых, составляющие в сумме почти две трети всех руководителей, обладают качеством человеческого капитала, заведомо не позволяющим им успешно реализовывать возлагаемые на них функции.

Ещё более гетерогенна по качеству человеческого капитала группа профессионалов. Несмотря на то, что численность лиц с высшим образованием, занятых в российской экономике, более чем в полтора раза превышает численность рабочих мест профессионалов, около четверти работающих на этих рабочих местах не имеют высшего образования. Более того – почти 60% профессионалов работают не только не по своей основной профессии, но и не по смежной с ней.

Если говорить о внутренней структуре группы профессионалов, то можно выделить две подгруппы, состоящих из трёх более мелких подгрупп каждая. Представители первой из двух этих подгрупп, составляющие в совокупности почти 60% всех профессионалов, заведомо не могут рассматриваться по качеству их общего человеческого капитала как «профессионалы». Характерными особенностями всех трёх более мелких подгрупп специалистов, входящих в эту подгруппу, выступают не только низкие показатели его качества, но и слабая активность в повышении своей квалификации. Пассивность в наращивании своих компетенций свидетельствует о том, что они не ощущают недостатка знаний для своей нынешней работы и что современная российская экономика не требует от большинства работающих на местах специалистов с высшим образованием глубокой профессионализации даже несмотря на то, что чаще всего в числе неквалифицированных и малоквалифицированных специалистов можно встретить учителей, преподавателей, инженеров разных специальностей, бухгалтеров, экономистов, врачей, включая стоматологов, и т. п. С точки зрения локализации, занятые представителями этих подгрупп профессионалов рабочие места распределяются неравномерно и концентрируются в основном в сферах образования, торговли и бытового обслуживания, лёгкой и пищевой промышленности. Чаще всего их можно встретить при этом в полярных типах поселений – сёлах с характерной для них нехваткой квалифицированных кадров и в Москве с её весьма специфическим рынком труда. При этом ни по возрасту, ни по полу значимых различий между представителями разных подгрупп профессионалов не прослеживается.

Остальные представители группы профессионалов, жизненный путь и модели поведения которых ориентированы на глубокую профессионализацию, составляют вторую их группу, которая также делится на три подгруппы, в сумме объединяющие около 40% всех профессионалов. Одна из них, довольно неоднородная по своему составу, объединяет около четверти всех профессионалов и может быть охарактеризована как «рядовые профессионалы». Для этой подгруппы характерна наиболее высокая активность в плане повышения своей квалификации на разного рода курсах, свидетельствующая о том, что члены данной подгруппы понимают, что избранный ими жизненный путь предполагает непрерывное наращивание своей квалификации, нехватку которой они на фоне представителей двух более квалифицированных групп профессионалов

и сами ощущают. Вторая подгруппа может быть охарактеризована как «высококвалифицированные профессионалы», и о её специфике говорит уже само название. Практически все высококвалифицированные профессионалы работают по полученной специальности или смежной с ней и имеют не менее 17 лет обучения. Наконец, третья подгруппа – «профессионалы-эксперты» – объединяет примерно десятую часть занятых на рабочих местах специалистов с высшим образованием и характеризуется не только значительной продолжительностью обучения по специальности или соответствием профиля этого обучения выполняемой работе, но и массовым владением иностранными языками.

Ситуация, сложившаяся с качеством человеческого капитала профессионалов и руководителей, кажется особенно парадоксальной в условиях значительного роста численности лиц с высшим образованием, что, казалось бы, должно было стимулировать развитие конкуренции на соответствующем сегменте рынка труда. Однако этого не произошло, и депрофессионализация даже среди специалистов приобрела сейчас катастрофические масштабы.

Такое положение обусловлено несколькими причинами, каждая из которых вносит свой вклад в развитие негативных тенденций в этой области. Во-первых, и это главное, низкая конкурентность российской экономики (при высокой квази-конкурентности, связанной с борьбой за доступ к бюджетному финансированию) не стимулирует работодателей к отбору наиболее квалифицированных работников, что отражается и на уровне доходов разных групп профессионалов. Во-вторых, низкий уровень квалификации руководителей в значительной степени мешает им объективно оценить степень квалификации сотрудников. В-третьих, в сельской местности, посёлках городского типа и малых городах, где чаще можно встретить неквалифицированных или малоквалифицированных специалистов, объективно не хватает профессионалов соответствующего профиля. В-четвёртых, в современной экономике действительно присутствуют рабочие места, предполагающие наличие достаточно качественного общего человеческого капитала, хотя и не требующие глубокой профессионализации. Наконец, в-пятых, для большинства профессионалов отсутствуют механизмы, способные стимулировать их к повышению своей квалификации, поскольку финансовая «отдача» на обучение для них с начала 2000-х гг. сокращается.

Библиографический список

Беккер Г. С. 2003. Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ. 672 с.

Депрофессионализация даже среди специалистов приобрела сейчас катастрофические масштабы.

Классификаторы профессий. Классификатор профессий ISCO-88 // Официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rlms/isco> [Дата посещения: 27.03.2017].

Лукиянова А. Л. 2010. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 14. №. 3. С. 326348.

Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2016а. Занятость. Структура занятых по группам занятий // ФСГС РФ. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2017].

Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2016б. Занятость. Структура занятых по уровню образования и возрастным группам в 2015 г. // ФСГС РФ. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2017].

Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2016с. Занятость. Структура занятых по группам занятий. Табл. 2.33 // ФСГС РФ. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm [Дата посещения: 20.01.2017].

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) // RLMS-HSE. URL: <http://www.epc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> [Дата посещения: 15.01.2017].

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.

Abramowitz A., Teixeira R. 2009. The Decline of the White Working Class and the Rise of a Mass Upper Middle Class // *Political Science Quarterly*. Т. 124. № 3. P. 391422.

Fernández D. C. 2011. Hegemony and the US Working Class // *Latin American Perspectives*. № 38(2). P. 7185.

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J. et al. 2013. A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment // *Sociology*. Т. 47. № 2. P. 219250.

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.462

Human Capital of Professionals and Managers: The Condition and Dynamic

Tikhonova Natalia Evgenyevna

Doctor of Sociology, Professor, Main researcher at the Institute for Social Policy, National Research University Higher school of economics, Main researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: netichon@rambler.ru

Abstract. The authors' main focus is matters concerning the quality of the human capital of Russian professionals and managers, as well as how diverse the latter are in this respect and what sort of role human capital plays when it comes to differentiating Russian workers in general and professionals/

managers in particular. It is revealed in the article¹ that both professionals and managers are diverse groups, and highlighted is the fact that the quality of human capital of professionals and managers is quite low. Despite there being over one and a half times the people with higher education occupied in the Russian economy than there are jobs available for professionals, about a quarter of those employed in said positions are lacking higher education. Things are even worse when it comes to the managers. However, advanced training is uncommon for most of their subgroups. The main reason for this, as shown by the results of using Mincer's formula, is the fact that Russian employers are not prepared to pay workers differentiated salaries which take into account the quality of their human capital. As a result Russian professionals and managers are increasingly less interested in expanding their knowledge. Another serious problem is inappropriate use of the knowledge they do have, since even among professionals nearly 60% are not occupied in their respective fields, not even in fields adjacent to their acquired specialties. The article also examines the role of human capital in the formation of two macro-classes of Russian society. For one of them (mainly comprised of workers) human capital is in no way a differentiating factor when it comes to occupying one professional position or another. As for the other one, the representatives of which can be attributed (from a standpoint of the specifics of their professional positions) to the middle-class, the quality of human capital plays an important role when it comes to a person joining one professional group or another. When devising a strategy for Russia's socio-economic development, matters concerning the human capital of professionals and managers are especially important. Without it being of high quality, it is impossible to make a technological breakthrough, the purpose of which would be to lead Russia away from being stranded among nations with average income and help make the transition to a level which correlated with the modern reality of technological progress. Particularly professionals and managers, them traditionally being "locomotives" when it comes to economic development in modern societies, must become the key actors in such a breakthrough, they must be the ones to support it by means of constantly renewing and expanding their knowledge. However, are they actually capable of assuming this crucial role, and what is the quality of their human capital? This article, which we present to the reader, is dedicated to finding the answers to these questions.

Keywords: professional groups, professional structure, social structure, human capital, middle-class, professionals, managers.

References

Abramowitz A., Teixeira R. The Decline of the White Working Class and the Rise of a Mass Upper Middle Class. *Political Science Quarterly*, 2009, vol. 124, no 3, pp. 391-422.

Bekker G. S. *Chelovecheskoe povedenie. Economicheskyy podhod* [Human Behavior. Economic Approach]. Moscow, SU HSE publ., 2003. 672 p.

Fernández D. C. Hegemony and the US Working Class. *Latin American Perspectives*, 2011, no 38 (2), pp. 71-85.

Klassifikatory professiy [Classifiers of Professions]. Klassifikator professiy ISCO-88. NRU HSE Official website. URL: <https://www.hse.ru/rlms/isco> [date of visit: 27.03.17].

Lukianova A. L. Otdacha ot obrazovaniya: chto pokazyvaet meta-analiz [Return from Education: what the Meta-analysis Shows]. *Economicheskyy zhurnal HSE*, 2010, Vol. 14, no. 3, pp. 326-348.

Rabochaya sila, zaniyatost' i bezrabotica v Rossii 2016 [Manpower, Employment and Unemployment in Russia 2016]. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm [date of visit: 20.01.17].

Rabochaya sila, zanjatost' i bezrabotica v Rossii 2016. Zanjatost' [Manpower, Employment and Unemployment in Russia 2016. Employment]. Tabl. 2.33. Struktura zanjatykh po gruppam zaniyatyy. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm [date of visit: 20.01.2017].

Rabochaya sila, zanjatost' i bezrabotica v Rossii 2016. Zanjatost' [Manpower, Employment and Unemployment in Russia 2016. Employment]. Tabl. Struktura zaniatykh po urovniu obrazovaniya i vozrastnym gruppam v 2015 g. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm [date of visit: 20.01.2017].

¹ The article was prepared during the research "Human Capital Development in the Russian Federation", carried out within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE) in 2017.

Rossiysky monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ia naseleniya NRU HSE (RLMS-HSE) [Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE]. UNC Carolina Population Center Official website. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> i <http://www.hse.ru/rlms> [date of visit: 15.01.17].

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J. et al. A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. *Sociology*, 2013, vol. 47, no 2, pp. 219-250.

Sredniy klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnih issledovaniy [Middle Class in Modern Russia]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2016. 368 p.

Struktura zaniatykh po gruppam zanjatyy [Structure of Employed by Groups of Employee]. *Rabochaya sila, zanjatost' i bezrabotica v Rossii 2016 g. Zanjatost'*. Rosstat Official website. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_61/Main.htm [date of visit: 20.01.2017].

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>